

А. Э. Азарх
Д. Б. Малышева
А. В. Шестопал

*КОНЦЕПЦИИ
РЕВОЛЮЦИИ
В РАЗВИВАЮЩИХСЯ
СТРАНАХ*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А. Э. АЗАРХ,
Д. Б. МАЛЫШЕВА,
А. В. ШЕСТОПАЛ

*КОНЦЕПЦИИ
РЕВОЛЮЦИИ
В РАЗВИВАЮЩИХСЯ
СТРАНАХ*

(КРИТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

1ФБ
А35

Ответственный редактор
И. Н. ЗОРИНА

В книге критически анализируются некоторые буржуазные и мелкобуржуазные концепции революции в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Рассматриваются наиболее важные аспекты социально-политической борьбы и прежде всего революционного движения, показывается, как немарксистские авторы расценивают участие в нем различных классов, слоев и групп. Рассматриваются главным образом те буржуазные и мелкобуржуазные школы и взгляды отдельных теоретиков, которые в настоящее время представляют наибольший интерес в плане идейно-политической борьбы.

А $\frac{10506-102}{013(02)-79}$ БЗ-16-8-79. 0303020000

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1979.

Напряженные социальные процессы, и особенно значительные революционные изменения, происходившие в ряде афроазиатских государств и латиноамериканских республик в 60—70-х годах, привлекли большое внимание западных буржуазных и мелкобуржуазных социологов и политологов. Выявилось, что интерес к идеологии на Западе не только не падает, а, наоборот, возрастает, и бывшие одно время в моде концепции «деидеологизации» поставлены под сомнение самими западными обществоведами.

Накопленный опыт и перспективы революционных движений послужили предметом теоретических дискуссий и в самих странах Азии, Африки и Латинской Америки, где идет процесс становления экономических, философских, социологических, политологических школ. В острой полемике сталкиваются теоретические защитники интересов империализма, неокolonизма и реакции с представителями антиимпериалистических, демократических течений. С претензией на свое истолкование революционных процессов выступают леворадикальные теоретики. Ширится влияние идей подлинно революционного марксистско-ленинского учения.

За кем пойдут страны Азии, Африки и Латинской Америки в борьбе, которая ведется между капитализмом и социализмом? Именно на идеологическом фронте, считает известный английский социолог Дж. Гибсон, решается «исход гигантской дуэли между двумя социально-экономическими системами»¹. Масштабы и роль развивающихся стран в современном мире исключают какие-либо возможности ухода от их проблем. В настоящее время $\frac{2}{3}$ населения несоциалистического мира проживает в более чем 100 развивающихся странах.

Вместе с тем острые социальные конфликты, политические перевороты, экономические проблемы опровергли господствовавшие в западной буржуазной литературе на рубеже 50—60-х годов представления о том, что, став на путь создания «современного», «индустриального» капиталистического общества, афро-азиатские страны успешно решат задачу преобразования отсталых колониальных структур. Развитие государств Азии, Африки и Латинской Америки как особой исторической общности со свойственными ей закономерностями и остротой социально-политических процессов заставило западных авторов в большей мере обратиться к социальной проблематике, к

исследованию различных классовых сил в этих странах, к социологии революции.

В условиях возрастающего воздействия мирового социализма на общественные процессы в развивающихся странах буржуазная социально-политическая наука стремится противопоставить марксистско-ленинской теории национально-освободительных революций новые или обновленные теории и концепции, суть которых сводится к необходимости активного воздействия на происходящие в этих странах социальные процессы в нужном для капиталистического Запада направлении.

В буржуазной социально-политической науке изучение революции имеет весьма глубокие традиции. Общий кризис капитализма заставил буржуазных социологов и историков, политологов и экономистов заново оценить это историческое явление. Многие оценки претерпели значительные изменения, а иногда стали диаметрально противоположными тем, которых когда-то придерживались идеологи нарождавшейся буржуазии.

Ныне в США, Англии и ФРГ имеются специальные институты, занимающиеся изучением проблем революции. Теоретические изыскания осуществляются с целью оказания практической помощи государственным внешнеполитическим ведомствам в деле ограничения политического влияния революционных процессов, идеологического разоружения участвующих в них сил. Как отмечал видный буржуазный социолог Г. Арендт, «страх перед революцией — таков тайный лейтмотив послевоенной американской внешней политики в ее отчаянных попытках сохранения статус-кво»².

В разработку эволюционных альтернатив современным революциям (прежде всего в развивающемся мире) буржуазные политологи видят задачу, жизненно важную для спасения капитализма. Например, Генри Киссинджер в ответ на заданный ему вопрос, правда ли, что многие его высказывания о судьбах современного западного мира проникнуты пессимизмом и даже предчувствием трагедии, сказал: «Историк приходится жить с чувством неизбежности трагедии... Он должен отдавать себе отчет в том, что все существовавшие цивилизации в конечном счете гибли... Одна из трудностей западных обществ связана с тем, что их в принципе устраивает статус-кво. То, что произойдет в будущем, настолько неясно (а у нас действительно нет никакой теории насчет того, как формировать новую политическую эволюцию), что возникает склонность все оставлять так, как есть. При таком подходе политическая база разрушается, и потом, когда изменения происходят внезапно, оказывается, что нет основы для демократической, либеральной и гуманный эволюции или, во всяком случае, ее удается создать с большим трудом»³.

Гальванизация идейных ценностей современного капитализма, пути и способы противостояния революции — такова цель

как буржуазных авторов фундаментальных социально-политических трудов, так и «экспертов» по подавлению революционных выступлений в развивающемся мире.

В 50—60-е годы на Западе появилось значительное число социологических работ, в которых разрабатывались концепции «индустриальной» революции, «социологии развития» (Р. Арон), «теории стадий» (У. Ростоу), «технотронной» революции (З. Бжезинский и др.). В них делались попытки доказать, что современная научно-техническая революция «снимет» проблемы социальной революции, в том числе на периферии капиталистического мира, в африканском, азиатском и латиноамериканском регионах.

Однако жизнь не подтвердила этих выводов буржуазной науки. Напротив, быстрый рост революционных, антиимпериалистических настроений в развивающихся странах, необходимость определить линию контрудара, перехватить инициативу у национально-освободительного движения породили в буржуазной социологической и политической литературе Запада целое направление «революциологии».

В широком потоке исследований, специально посвященных проблеме революции в развивающихся странах, можно выделить два направления. К первому относятся работы, рассматривающие или анализирующие конкретные революционные события, деятельность революционных партий, отдельных лидеров и т. д. Второе направление представляют теоретические исследования, в которых делается попытка проанализировать механизм революции, вывести ее закономерности, перспективы и т. п.

Общей теории революции буржуазная наука, естественно, не создала, да и не могла создать, ибо такая теория неизбежно противоречила бы интересам ее классового заказчика — империализма. Однако отказ многих буржуазных исследователей от прямолинейной апологетики капитализма, пристальное внимание к особенностям социально-политического развития стран Азии, Африки и Латинской Америки позволили им накопить огромный конкретный материал об обществе и революционных движениях в этих странах, подойти к определенным практическим выводам. Нельзя забывать и о том, что североамериканский империализм, многонациональные корпорации широко финансируют социальные исследования нужного им направления.

В настоящей работе сделана попытка дать критический анализ некоторых немарксистских теорий «социологии революции» в развивающемся мире, появившихся как на Западе, так и в самих молодых независимых государствах. При неизменном внимании советских ученых к этой теме специальных работ такого рода пока еще не было. Частично эти вопросы рассматривает в интересной и богатой по материалу книге «Революцией устрашенные» (М., 1975) советский исследователь

Ю. А. Красин. Он касается и перспектив национально-освободительных революций в развивающихся странах в оценке западных специалистов, но главное внимание сосредоточивает на выяснении места и роли «социологии революции» в системе современной буржуазной идеологии в целом, выделяя основные направления критики марксистско-ленинской теории со стороны противников научного коммунизма.

Критика немарксистских теорий революции в странах Латинской Америки содержится в коллективной монографии Б. И. Коваля, С. И. Семенова, А. Ф. Шульговского «Революционные процессы в Латинской Америке» (М., 1974 г.) и в работе И. Р. Григулевича «„Мятежная“ церковь в Латинской Америке» (М., 1972 г.). За последние годы на русский язык были переведены некоторые книги зарубежных авторов-марксистов, содержащие анализ буржуазных и мелкобуржуазных концепций революции в развивающихся странах: Р. Арисменди «Ленин, революция и Латинская Америка» (М., 1973), Ф. Надра «Критика „национального социализма“» (М., 1977), Дж. Уоддлеса «„Новые“ теории революции. Критический анализ взглядов Ф. Фанона, Р. Дебре, Г. Маркузе» (М., 1975). Немарксистские концепции революции в странах Азии, Африки и Латинской Америки критически рассматривались на международных научных конференциях «Национально-освободительное движение и вопросы борьбы против современного антикоммунизма» (Баку, 1971 г.) и «Анализ концепций социально-экономического развития стран „третьего мира“» (Киев, 1976 г.).

Авторы предлагаемой книги, избрав региональный принцип изложения материала, попытались выделить наиболее важные проблемы, возникшие в ходе напряженной социально-политической борьбы в развивающихся странах и прежде всего самого революционного движения. В частности, показывается, как западная социология расценивает участие масс в политической борьбе, роль различных классов, слоев и групп в революционном движении, особенности повстанческих движений и гражданских войн.

Авторский коллектив критических очерков не стремился ко всеохватывающему рассмотрению немарксистской социологии революции. Авторы сосредоточили свое внимание на анализе тех буржуазных и мелкобуржуазных школ и отдельных их представителей, работы которых на сегодняшний день вызывают наибольший интерес в плане идейно-политической борьбы.

По замыслу авторского коллектива, настоящая работа лежит на скрещении собственно критического исследования и дисциплинарного изучения общественных процессов в развивающихся странах. Определенную трудность составило само выявление темы революции в немарксистской социологии и политологии, равно как и круга специальных исследований, ей посвященных. Ведь, употребляя понятие «революция», буржуаз-

ные и мелкобуржуазные авторы, как правило, имеют в виду какую-нибудь одну сторону проблемы. Нередко понятие «социальная революция» смешивается с другими, зачастую мало-значительными категориями. Отсюда революция трактуется ими то как «насильственная ломка традиций»⁴, то как «социальное изменение»⁵, «болезнь»⁶, «смена правящих элит»⁷, «внутренняя война»⁸ и т. п. Английский политолог Дж. Девис даже высказал мнение, что определить понятие «революция» вообще невозможно. «Различие между терминами „революция“, „восстание“, „гражданская война“, — пишет он, — означает лишь то, что революция побеждает, восстание терпит поражение, а гражданская война оставляет вопрос открытым»⁹. Подобное смешение понятий, нечеткость в терминологии приводят к тому, что под категорию «революции» подводятся и военные перевороты, и антиколониальные войны, и верхушечные перестановки в правительстве. Так, английский политолог П. Кэлверт в своем исследовании насчитал в XX в. 363 «революции», отнеся к их числу многочисленные военные перевороты, которые имели место в этот период¹⁰.

Современная история многих африканских, азиатских и латиноамериканских государств, действительно, исключительно насыщена военными переворотами; некоторые из них стали прологом революционных движений и глубоких социальных преобразований. Так начинались революции в Египте, Ираке, Ливии, Судане, Перу, Боливии и других странах. Однако механическое отождествление путчей, дворцовых переворотов с такими выступлениями военных, которые приводили к радикальным изменениям в системе власти и открывали дорогу социальной революции, недопустимо ни с научной, ни с политической точки зрения.

Часть буржуазных и мелкобуржуазных исследователей делает попытку создать некую типологию революций, систему понятий, которая позволила бы оценить сложный механизм революционного процесса. Так, буржуазный исследователь Ч. Джонсон, пользуясь методом сравнительного анализа, рассматривает революции как «изменения с использованием насилия в правительстве, режиме или обществе». При этом под «обществом» подразумевается «механизм коммунальной солидарности» (племенной, родственной, национальной и пр.), под «режимом» — «конституционная структура» (демократия, олигархия, монархия), а под «правительством» — «специфические политические или административные институты». Исходя из этого, все революции Ч. Джонсон разделяет на несколько типов («жакерия», «якобинская коммунистическая революция», военные перевороты, массовое вооруженное восстание и пр.)¹¹.

Очевидно, что как определение понятия «революция», так и предлагаемая типология грешат серьезными недостатками. К числу наиболее существенных из них относится трактовка

революции лишь как смены политической власти без учета ее социально-экономических и классовых аспектов.

Многие буржуазные авторы в поисках причины революционных взрывов обращаются к анализу обстоятельств, которые приводят в движение народные массы. Американский социолог Дж. Дэвис, например, связывает революционные выступления масс с моментом, когда этап «объективного социально-экономического развития сменяется коротким периодом попятного движения»¹². Известный американский экономист У. Ростоу видит эти причины в нарушении равновесия между реальным положением людей в обществе и их представлением о том, каким это положение должно быть. Не допускать слишком большого разрыва между реальным и желаемым — такова, с его точки зрения, основная задача любого правительства, желающего предотвратить революционный взрыв.

В подобных рассуждениях западных авторов не все ложно. Они отразили некоторые черты социальной напряженности, которые приводят к революции. Но отказ признавать закономерности социальной революции сплошь и рядом превращает эти черты в упрощенную абстракцию, далекую от реального социально-экономического содержания конкретных революционных выступлений.

При рассмотрении буржуазных концепций революции следует иметь в виду, что в них обычно идет речь не о том же круге проблем и понятий, что и в марксистской литературе по этому вопросу. У буржуазных авторов не существует системы категорий, адекватной марксистской теории революции. Они, как правило, отказываются признать существование таких факторов, как классовое содержание, движущие силы революции, не говоря уже о том, что зачастую вообще понятие «революция» подменяется такими категориями, как «бунт», «насилие» и т. п. Так, группа ученых Принстонского университета разработала концепцию «внутренней войны», которая, по их определению, есть «насильственное изменение государственной политики, правительства или институтов в обществах, где существует твердый правопорядок»¹³.

Наиболее широкое применение концепция «внутренней войны» нашла в книге американского политолога Д. Белла «Сопротивление и революция»¹⁴, которая претендует на новый теоретический подход к проблеме. Белл исходит из посылки о том, что всякая революция есть восстание, «внутренняя война» одной группы населения против другой. По его мнению, разработанная К. Марксом теория классовой борьбы является слишком упрощенной схемой для анализа революционных событий, поскольку-де чисто горизонтального раскола по классам еще ни в одной революции не было.

По Беллу, в ходе революции могут возникнуть различные типы социальных связей. «Кроме горизонтального раскола, по

которому происходит социальное деление общества, оно раскалывается и по вертикали таким образом, что внутри одного класса происходит разделение на социальные слои», — пишет Белл. В большинстве случаев над классовой принадлежностью доминируют иные связи: этнические, расовые, религиозные, что порождает, по мнению Белла, «межклассовую солидарность»¹⁵.

Стараясь парализовать тенденцию к перерастанию национально-освободительных революций в революции социальные, буржуазные ученые выдвигают такие концепции, как теория «предупреждения» и «перехвата» социальной революции.

Отказываясь признать закономерность революции как социального явления, сводя дело к удачной или неудачной политике правительства или революционеров, буржуазные авторы нередко ограничивают проблему дилеммой: реформа или революция? Все дело сводится к тем или иным методам достижения одинаковых результатов. Один из них — «хороший», т. е. не связанный с насилием, мирный, другой — «плохой», т. е. кровавый, насильственный, революционный. Практически путь постепенных реформ противостоит в данной системе рассуждений не революции, как ее понимают марксисты, а насилию — массовым выступлениям, связанным с вооруженными методами борьбы.

В противовес эклектическим буржуазным теориям марксизм выдвигает стройную концепцию социальной революции, видя в ней важнейшую закономерность общественного развития, движущую силу истории, средство коренного преобразования общества. Социальная революция имеет естественноисторический, закономерный характер, являясь законом общественно-экономического развития.

Важнейшая составная часть марксова учения о социальной революции — положение об «эпохе социальной революции»¹⁶, в процессе которой происходят коренные изменения в сфере экономических, социальных, общественных отношений, расчищается путь, создается почва для утверждения новой общественно-экономической формации. «Социальная революция, — писал В. И. Ленин, — не одна битва, а эпоха целого ряда битв по всем и всяческим вопросам экономических и демократических преобразований...»¹⁷.

Развивая понятие «эпоха социальной революции» в новых исторических условиях господства монополистического капитализма, Ленин писал о завершении цикла буржуазных революций¹⁸. Он предвидел, что грядущая эпоха социальных революций будет не только длительным историческим процессом, но и весьма сложным переплетением классовых сражений разного социального уровня: не только битв пролетариата за социализм, но и «...революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками», движений несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковно-

го, монархического, национального гнета, освободительных движений колоний против империализма. «Кто ждет „чистой“ социальной революции, — писал он, — тот *никогда* ее не дожидется. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции»¹⁹.

Ленинская теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую составляет основу науки о революциях XX в. Она по-новому поставила вопрос о характере и движущих силах революции, позволила выявить внутреннее единство и многообразие мирового революционного процесса, который отличается взаимодействием трех основных сил — мировой социалистической системы, рабочего движения капиталистических стран и национально-освободительного движения. При общих закономерностях социальной революции все сильнее сказывается многовариантность путей ее развития, разнообразие ее форм (типов), темпов и методов.

В отличие от буржуазных исследователей, которые предпочитают говорить о революции вообще, о революции как об абстрактном понятии, не уточняя, о какой революции идет речь: национально-освободительной, буржуазной, социалистической и т. д., — по марксистской классификации суть современного этапа национально-освободительных революций состоит в слиянии борьбы за национальное и социальное освобождение, в обращении ее против всяческих эксплуататорских отношений, как колониальных, так и капиталистических.

Особые сложности представляют обобщение опыта национально-освободительных революций в развивающихся странах, выявление роли различных классов, социальных слоев, групп населения, проблема решения труднейших задач политического и социального переустройства, преодоления многовековой отсталости.

Советская общественная наука сделала уже немало для раскрытия основных закономерностей социальных процессов в развивающихся странах. Авторы настоящего исследования опирались на такие значительные работы, как монография К. Н. Брутенца «Современные национально-освободительные революции (некоторые вопросы теории)» (М., 1974), Р. А. Ульяновского «Очерки национально-освободительной борьбы. Вопросы теории и практики» (М., 1976), «Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы» (М., 1974), «Зарубежный Восток и современность. Основные закономерности и специфика развития освободившихся стран» (М., 1974), трехтомник по проблемам социальной структуры и классовой борьбы в латиноамериканских странах: «Пролетариат Латинской Америки» (М., 1968), «Сельские трудящиеся Латинской Америки» (М., 1972), «Средние городские слои Латинской Америки» (М., 1974). В них дается марксистское определение проблемы революции в странах Азии, Африки и Латинской Америки и

содержатся современная марксистская концепция социальной революции, анализ сложных и противоречивых социально-экономических и политических процессов в зоне национально-освободительной борьбы.

Современный революционный процесс — многоплановое и противоречивое явление. Как отмечается в документах КПСС и международного коммунистического движения, в нем переплетаются социалистические, национально-освободительные и народные, демократические революции, борьба народных масс против тиранических режимов и общедемократическое движение против национального и социального гнета. Все эти движения тесно взаимодействуют друг с другом.

Настоящие очерки написаны: первый — *А. Э. Азархом*, второй — *Д. Б. Малышевой*, третий — *А. В. Шестопалом*; введение и заключение написаны авторами совместно.

*АЗИЯ:
ПРОБЛЕМЫ РЕВОЛЮЦИИ
И РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
В ОЦЕНКЕ БУРЖУАЗНЫХ УЧЕНЫХ*

Революционный взрыв, который потряс Африку, Латинскую Америку и Азию после второй мировой войны, является неизбежным и неотвратимым следствием общего кризиса капитализма и его колониальной системы. Что противопоставить этому марксистскому тезису? Есть ли какая-то возможность сдержать революционное движение или в крайнем случае направить в более приемлемое для империализма русло? Как прервать цепь антиимпериалистических выступлений, происходящих в Азии после второй мировой войны? Эти вопросы стоят как перед политиками, занимающимися практической деятельностью, так и перед идеологами.

Растущий интерес западных, и особенно американских, авторов к проблемам революции и революционного движения в последние 10—15 лет был вызван событиями в Юго-Восточной и Южной Азии.

Народные революции в Китае и Северной Корее, успешная борьба вьетнамского народа против японского, а затем французского империализма, повстанческое движение в Бирме, Лаосе, Кампучии, Малайе, выступление хуков на Филиппинах — все они характеризуются широким участием народных масс. Однако они имеют и существенные различия. Западная же общественно-политическая мысль воспринимала и оценивала их как нечто идентичное, выделяя в качестве главной их черты связь политического развития с массовой вооруженной борьбой. Вот почему вопросы вооруженной борьбы, повстанческого движения, так называемых массовых насильственных действий оказались в центре внимания буржуазной политологии и социологии.

К середине 60-х годов буржуазные авторы были склонны рассматривать революционный процесс в Азии как ограниченный и даже затухающий. Реакционный переворот в Индонезии в 1965 г., свертывание повстанческих движений в других странах Азии, казалось бы, подтверждали подобные предположения. Но чем более затягивалась война во Вьетнаме, чем очевиднее вырисовывалась угроза поражения южновьетнамского

режима и ухода американцев из Индокитая, тем яснее становилось, что подобные выводы преждевременны.

Традиционно культивировавшиеся многими буржуазными авторами представления о том, что всякие революционные потрясения возникают якобы вследствие мировых войн, когда великие державы «заняты своими проблемами и не в состоянии уделять внимание борьбе с коммунизмом в промежуточных зонах»¹, оказались не только поколебленными, но практически подорванными. Победе революционного движения в Азии способствовала набравшая силу разрядка напряженности, и даже самое пристальное «внимание» США к Вьетнаму и открытое военное вмешательство не гарантировало им успеха в «борьбе с коммунизмом».

Нужны были новые объяснения, новая интерпретация событий, новые рекомендации на будущее. Потребность эта ощущалась тем более остро, что значение азиатской «промежуточной зоны» в борьбе с коммунизмом представлялось буржуазным политологам исключительно важным. «Сегодня Южная Азия для империализма становится решающим участком из-за близости к границам Советского Союза и КНР, — писал пакистанский историк Тарик Али. — Потеря Азии создаст в мире совершенно новую ситуацию с еще более серьезными последствиями, чем можно было предположить прежде»².

По мнению английского политолога Б. Крозье, внимание, которое уделяется Азии, особенно Юго-Восточной Азии, связано с тем, что этот район «представляет собой идеальное место для политологического анализа. В бурных потоках, омывающих этот регион, можно найти влияние западного империализма, восточного национализма, коммунистической агитации, японской оккупации, американской интервенции... Юго-Восточная Азия сегодня — это политический вулкан»³.

Как подсчитал английский эксперт по вопросам массовых вооруженных выступлений в Азии Д. Фэйрберн (правда, он не расшифровывает своих подсчетов), «из 150 примеров революционного насилия, имевших место в мире после 1958 г., большинство происходили в этом регионе. Если в 1958 г. здесь было отмечено 23 затяжных повстанческих движения, то в 1965 г. их насчитывалось 58»⁴.

В чем же видят буржуазные авторы причины революционных выступлений в Азии?

Буржуазные авторы о предпосылках и условиях возникновения революций

Взгляды и позиции буржуазных авторов по вопросу о предпосылках развития революций отмечены определенными различиями, причем в ряде случаев весьма существенными. Среди

авторов крайне правого толка следует выделить Р. Томпсона. В прошлом он занимал пост главы Британской консультативной миссии при южновьетнамском правительстве и получил известность «крупнейшего в мире эксперта по вопросам контр-революции»⁵.

В своих работах Р. Томпсон попытался построить общую теорию революционных (или, как иногда он их называет, патристических) войн. Свою задачу он определил так: «открыть глаза» Западу на реальное значение угрозы, которую эти войны для него представляют. Он приводит ряд высказываний западных политиков и ученых, рисующих апокалиптическую картину будущего, которое ожидает западный мир, если он не «пробудится». Вот одно из таких пророчеств: «Основной факт современной истории состоит в том, что западная цивилизация находится под ударом с разных сторон... Все чаще создается впечатление, что Западу не хватает энергии и инициативы. Неверие в свои силы приведет к тому, что западная цивилизация может превратиться в ничтожное, охваченное страхом меньшинство, окруженное миллионным морем людей, открыто отбрасывающих ее идеи и ценности, а также бесчисленными нейтралами»⁶.

Подобные панические пассажи Р. Томпсон использует отнюдь не для признания поражения капитализма и призывов к капитуляции. Наоборот, вся дальнейшая система его рассуждений исходит из обоснования необходимости немедленных репрессивных действий против революционных сил как единственного средства эффективной борьбы с революцией и спасения Запада.

Определяя революционную войну, Р. Томпсон пишет: «Революционная война — это форма войны, которая дает возможность небольшому безжалостному меньшинству установить контроль над народом страны и захватить власть силой, неконституционными средствами»⁷. Причины возникновения революционных войн, по мнению Томпсона, следует искать в «манипулировании массами безжалостной группой злоумышленников». Отсюда основным предметом исследования является техника революционной борьбы, вопросы организации и тактики.

В ком же видит Томпсон «злоумышленников», одержимых стремлением к завоеванию власти? Ответ на этот вопрос содержится в данной им классификации революционных войн. Все революционные войны он разделяет на три типа: «...те, которые проходят под руководством коммунистов (вьетнамская война), те, в которых коммунисты после победы добиваются руководства (Куба), и такие, в которых участие коммунистов отрицается или встречает оппозицию, но к концу которых их позиции в том или ином виде укрепляются (Алжир)»⁸. Таким образом, по Томпсону, руководство всеми революционными выступлениями так или иначе осуществляют коммунисты.

На таком уровне Р. Томпсон разрешил кардинальные вопросы революции: ее источник — заговор; движущая пружина — деятельность коммунистов, железная организация, «использование революционной техники, с помощью которой при отсутствии реальных причин (недовольства. — *Авт.*) можно свергнуть правительство». С «последовательностью», присущей всем экстремистам, Р. Томпсон доводит свои рассуждения до конца. Он пишет: «В основе ее (революции. — *Авт.*) развития как решающий фактор следует искать организацию. А следовательно, она может быть побеждена созданием еще более мощной организации и следует лишь принять меры, которые призваны сломить революционную организацию»⁹.

Подобная позиция является весьма характерной для целого ряда работ буржуазных специалистов правого толка. Французский автор А. Пьетр считает революцию плодом организаторской деятельности отдельных лиц: «Ее готовят, как готовят военную операцию»¹⁰. Американский политолог Дж. Бейлс видит в революции «международный преступный заговор против цивилизации»¹¹. Американский социолог Т. Драйпер определяет ленинизм как революционную теорию, в которой детально разработана техника захвата власти «неважно кем, когда и где»¹².

Попытки свести революцию к организации заговора и рассматривать всякое стремление к обновлению и социальным переменам как подрывную деятельность присущи прежде всего крайне консервативным политическим деятелям и идеологам. Несостоятельность подобных взглядов не раз подтверждалась на практике.

Поражения империализма во Вьетнаме, Лаосе, Кампучии нанесли ощутимый удар по крайне правым тенденциям буржуазной общественной мысли. Действительно, если следовать логике Р. Томпсона и его последователей, то совершенно непонятно, каким образом такая политически и экономически «мощная организация», как США, не смогла справиться с группой революционеров, которые в соответствии с доктриной Р. Томпсона не имеют глубоких социально-экономических корней в своей стране. Тщетными оказались попытки специалистов типа Томпсона объяснить победу сил революции во Вьетнаме поддержкой ее извне, поскольку южновьетнамский режим, опиравшийся на 500-тысячный американский экспедиционный корпус, потерпел поражение и рухнул. Как справедливо писал профессор-марксист Лондонского университета Э. Хобсбаум, «попытки бомбами подавить вооруженную борьбу маленьких людей, прячущихся в джунглях, — это самообман. Здесь налицо просто отказ верить в то, что несколько тысяч слабо вооруженных крестьян могут загнать в угол самую мощную военную державу. Подобное положение просто трудно себе представить. Поэтому появляются попытки объяснить неудачи Со-

единенных Штатов в Южном Вьетнаме агрессивностью Северного Вьетнама, ужасным Китаем и несомненно помощью России. В чем же основы революционного движения? Корни движения лежат в невоенной области. Революционные силы имеют поддержку, активную или пассивную, местного населения. Погубить их может только отсутствие этой поддержки»¹³.

Концепции теоретиков правоэкстремистского толка в 60-е годы оказали немалое влияние на формирование политики буржуазных правительств, на взгляды государственных деятелей Запада. Так, профессор Колумбийского университета США Р. Хилсмен, анализируя внешнюю политику бывшего американского президента Л. Джонсона и госсекретаря Д. Раска, признал, что «они исходили из той установки, что Вьетнам является просто жертвой коммунистической агрессии, и закрывали глаза на то, что там развивалось антиколониальное национальное движение, которое питалось социальным недовольством на юге страны»¹⁴.

Итак, схемы, созданные специалистами типа Томпсона, оказались неработающими, идеологи правоэкстремистского толка не ответили на ряд ключевых для понимания причин революции вопросов. Многие западные авторы обратились к исследованию новых для них проблем, одной из которых стал вопрос о роли масс в революции. Почему массы оказывают поддержку революции? Американский социолог Джэффи Рэйс поставил этот вопрос следующим образом: «Ныне специалист по проблемам революции сталкивается с той же загадкой, о которой писал Толстой в „*Войне и мире*“. Загадка состоит в том, — почему по приказу Наполеона шестьсот тысяч человек после нескольких его фраз пошли воевать. Почему, когда лидеры революции произносят несколько фраз, люди идут в бой и стоят насмерть? Почему во Вьетнаме, когда президент Дьем приказывает армии сражаться, она не делает этого? Что же придает силу тому или иному лидеру?»¹⁵.

Отрицая закономерность и неизбежность революций, буржуазные исследователи тем не менее не могут закрывать глаза на массовую поддержку революций и неспособность традиционных прозападных режимов ей противостоять.

Ряд западных авторов предлагает искать истоки успехов революционных сил в Азии в национализме, или патриотизме. Р. Томпсон, например, исходит из того, что социальные мотивы не способны сами по себе поднять общество на революционную войну. «Идеалы социальной перестройки, — пишет он, — не дают возможность компартии создать требуемую организацию столь же успешно, как это удавалось при патриотических войнах... В большинстве случаев социальные лозунги недостаточны для привлечения широких масс на борьбу»¹⁶.

По введенной Томпсоном типологии революционных войн, «в Китае, Индокитае, Малайе начальной причиной явилось со-

противление японским интервентам. Революционные организации укоренились именно в это время. Но война продолжалась и на этапах, когда задача борьбы с захватчиком была решена. Во всех этих случаях коммунистам было бы трудно, даже невозможно, основать организацию для достижения своих подлинных целей, не имея они в своем распоряжении лозунгов первого периода борьбы... Такой фактор, как национализм (или патриотизм), если его не отдавать в распоряжение коммунистов, может иметь решающее значение»¹⁷.

Теперь, спустя 30 лет, Р. Томпсон позволяет себе даже критиковать политику так называемых «конституционных партий» в Азии, якобы упустивших в ряде стран руководство национально-освободительным движением, не сумевших противостоять прогрессивным силам, участвовавшим в этом освободительном движении.

Английский историк Дж. Данн предлагает учитывать несколько больший круг факторов, порождающих революции. Рассматривая истоки революции во Вьетнаме, он пишет: «В Северном Вьетнаме революция явилась националистической. Здесь действовали силы крестьянского национализма. Буржуазия была слаба, и ее позиции находились в противоречии с присутствием в стране французов. Интеллигенция больше ненавидела иноземцев, чем боялась коммунистов. Даже крупные земельные собственники на практике питали к французам меньшую благосклонность, чем к Вьетмину... Противоречия внутри общества отходили на второй план в сравнении с противоречиями колониального управления. Коммунисты Вьетнама пришли к руководству потому, что все другие силы были слабы или дискредитированы»¹⁸.

Само по себе такое признание за коммунистами их способности возглавить крестьянское движение — весьма показательно. Однако автор, акцентируя внимание на моментах, связанных с антиимпериалистической борьбой, объясняет успехи революции исключительно «эксплуатацией коммунистами национальной идеи» и призывает западную демократию выбить из рук коммунистов этот «козырь» в политической борьбе. Подобные рекомендации выглядят в наши дни весьма запоздалыми. Данн так и не смог объяснить в полной мере успехи революции, например, во Вьетнаме спустя 30 лет после окончания второй мировой войны, хотя в ходе гражданской войны южновьетнамский режим активно пытался апеллировать к «национальной идее».

К тому же, как справедливо отмечается в марксистской литературе, национально-освободительную революцию нельзя рассматривать как чисто национальное явление, ибо борьба против империализма и сил внутренней реакции с самого начала «содержит зародыш социальной, национально-демократической революции»¹⁹.

В последнее время в западной литературе вновь возник интерес к старому и не раз дебатировавшемуся в прошлом вопросу о влиянии социально-экономических реформ на зарождение массовых революционных выступлений. В связи с этим консервативно настроенные авторы обращаются к работам французского историка и государственного деятеля XIX в. Алексиса де Токвиля. Он, по замечанию американского социолога Э. Митчелла, «отметил как феномен любых революций, что центром их становятся те районы, в которых социальные реформы и прогресс наиболее ощутимы, тогда как сопротивление им растет в тех районах, где старые порядки остаются нетронутыми»²⁰.

Весьма своеобразное развитие подобные идеи получили в работах уже упоминавшегося Б. Крозье, директора Лондонского института изучения конфликтов. В основу своих теорий Б. Крозье положил бихевиористский (поведенческий) и социально-психологический подход к изучению революций. Он считает, что в основе революционного движения лежат идеи эгалитаризма, т. е. стремление к уравнительству, порожденное, в свою очередь, человеческой завистью²¹. «В иерархических (традиционных) обществах, — пишет Б. Крозье, — чувство зависти развито слабо, тогда как в эгалитарных оно порождает постоянную обеспокоенность и агрессивность человека». В Азии вообще «чувство зависти не действует, так как действует карма*»; объясняющая всеобщее неравенство. В Индии зависть в отношениях между различными кастами очень невелика... в этой стране с нищетой и неравенством отсутствует зависть»²².

Нарушение этого равновесия в традиционных обществах наступает, по мнению Б. Крозье, тогда, когда оно подвергается модернизации и «политике перемен». Он замечает: «В истории много примеров, когда бедное общество было лишено конфликтов, так как здесь зависть и озлобленность выглядят уравнивленными»²³. Абсолютизируя некоторые социально-психологические аспекты проблемы (имеющие в принципе определенные объективные основы), автор интерпретирует их таким образом, что традиционный, отсталый характер обществ выступает как залог их спокойствия, а консервация отсталости и средневековья рассматривается как средство сдерживания революции.

Подобный подход сближает Б. Крозье с Р. Томпсоном, который практически также выступает против социальной реконструкции колониальных в прошлом обществ. Томпсон исходит из того, что модернизация, создавая в обществе новые противоречия, может оказаться выгодной революционным силам, которые он окрестил «грифами модернизации».

* Карма — один из догматов индуистской и буддийской религии, согласно которому положение человека определяется результатом его деяний в прошлых существованиях.

Взгляды правых радикалов и консерваторов значительно расходятся с представлениями многих либеральных буржуазных авторов. Анализируя перспективы развития капитализма в развивающихся странах, они приходят к выводу, что подъем революционного движения объясняется не «подрывной деятельностью», а теми глубокими противоречиями, которые породил капитализм.

Профессор Мичиганского университета Э. Вольф считает, например, что особенность революций и восстаний в бывших колониях и зависимых странах состоит в том, что «они не только и не столько продукт истории данных стран, сколько результат того феномена, который известен как система североатлантического капитализма. Эта система была характерна для определенного района и чужда для многих районов, куда она проникла»²⁴. Чужеродность капитализма для указанных стран сказывается, по мысли Э. Вольфа, с особенной силой на крестьянстве: «Эксплуатация существовала и до капитализма. Здесь было немало крестьянских восстаний, но капитализм поставил крестьян в совершенно новые условия. Он учил ценить только стремление к снижению расходов и увеличению прибыли, приучал к поведению, определявшемуся рынком... Это было связано с тяжелыми страданиями»²⁵. Кризис всего общества порожден также тем, что «традиционные группы слабеют, но не уничтожаются. Новые социальные группы крепнут, но не имеют решающей силы»²⁶.

Учитывая все эти факторы, автор приходит к принципиальному выводу: «Нет оснований считать, что крестьянские восстания — дело рук агитаторов, пришедших извне. Крестьяне восстают, чтобы исправить свое положение, но вместо того чтобы делать частные исправления, они порождают революцию. Полем битвы становится все общество»²⁷. Подобный подход позволяет Э. Вольфу и другим западным специалистам раскрыть ряд объективных факторов воздействия капитализма на социально-экономическое развитие стран Азии, Африки и Латинской Америки. При этом, безусловно, они стремятся доказать преимущества капитализма для этих стран, объясняя создавшееся положение тем, что правящие круги молодых государств неспособны оценить достоинства, которые несет капитализм, а крестьянство не ведает об «ужасах», которые ждут его в мире коллективизации. Э. Вольф считает, что роль крестьян в революции трагична — «их ждет неопределенное будущее, хотя в революцию они вступают полные надежд»²⁸.

Все большее число западных экономистов и политологов склоняются к мысли, что в основе успехов революционных сил, действующих «снизу», лежит отставание, запаздывание социально-экономических преобразований «сверху». Эти взгляды разделяют, например, многие руководители такой влиятельной на Западе организации, как Международный банк реконструкции

и развития. Председатель его правления Р. Макнамара определил программу борьбы с «насилием» в развивающихся странах следующей формулой: «Безопасность означает развитие. Без развития не может быть безопасности»²⁹. Усматривая прямую связь между бедностью, неразвитостью, с одной стороны, и «насилием» — с другой, Р. Макнамара в доказательство приводит следующие данные: «Для 32 стран из 38, определяемых как наиболее бедные (с доходом на душу населения менее 100 долл. в год), характерны насильственные конфликты весьма затажного характера»³⁰.

Представители этой влиятельной группы неокOLONиалистского направления объясняют кризисные ситуации не тем, что капитализм не способен решить социально-экономические проблемы развивающихся стран, а тем, что он там недостаточно развит. Развитие его, считают они, следует всячески поддерживать и стимулировать, так как по мере развития капитализма и соответственно по мере решения экономических проблем положение в этих странах будет улучшаться. Модернизация, предлагаемая сторонниками неокOLONиализма, зачастую связывается с расширением экономической помощи, определенной экономической реконструкцией, осуществлением мероприятий «зеленой революции» и т. д. Экономическая упорядоченность должна, в их представлении, укрепить позиции капитализма в этих странах и избавить их от политической нестабильности. В противном случае, отмечает, например, американский историк Б. Мур, «если революционная волна будет продолжать катиться по отсталому миру, едва ли это приведет к формированию демократического капитализма»³¹.

О роли крестьянства в революции

Анализируя социальное содержание революций в Азии, западные авторы основное внимание уделяют крестьянству. Само по себе выделение крестьянской проблематики на первый план является вполне правомерным, поскольку крестьянство во всех этих странах составляет большинство населения и почти во всех революционных движениях и выступлениях (в отличие, например, от многих ситуаций в Латинской Америке) являлось основной движущей силой, и именно его психология и нужды во многом определяли направление борьбы (а часто и программы революционных партий), ее формы.

Однако особый интерес к крестьянской теме у многих западных авторов, в том числе либерального и даже леворадикального направления, объясняется еще и тем, что выделение этой черты революционных движений в Азии дает им основание утверждать, что Азия «дала новый тип революции»³², а марксистская теория пролетарской революции и ленинская кон-

цепция ее якобы безнадежно устарели или оказались неприменимы в азиатских условиях. При этом доводы буржуазных критиков марксизма зачастую поверхностные либо вульгаризаторские.

Так, авторы солидной монографии «Реформа и революция в Азии», вышедшей в 1972 г. под редакцией видного английского специалиста по азиатским проблемам Дж. Хадсона, видят в китайской революции «новую модель крестьянской революции, в которой рабочий класс не участвовал или участвовал в ограниченной степени»³³. Эта модель, в их представлении, выпадает из логики марксизма, который они понимают карикатурно ограниченно. «Маркс, — пишут они, — связывал революцию с развитием частного капитализма и превращением пролетариата в самый массовый слой общества». Во-первых, марксисты никогда не говорили о необходимости численного перевеса пролетариата для осуществления социальной революции, в том числе социалистической. А, во-вторых, социальная революция, согласно марксизму, может быть демократической, антиимпериалистической, народной, в том числе крестьянской, и чисто пролетарской. Марксисты рассматривают современную эпоху как революционную, как эпоху перехода от капитализма к социализму, но отнюдь не отрицают различий отдельных потоков антиимпериалистической и антикапиталистической борьбы, не сводят ее к пролетарской революции. «Социалистические революции, национально-освободительные антиимпериалистические революции, народные демократические революции, широкие крестьянские движения... — говорится в Программе КПСС, — все это сливается в единый мировой революционный процесс, подрывающий и разрушающий капитализм»³⁴.

Неубедительно выглядят и попытки (кстати, наиболее типичные) противопоставить революции в Азии социалистической революции в России в вопросе о союзе рабочего класса и крестьянства. Как утверждает Х. Алави, пакистанский социолог, работающий в одном из английских университетов, в России большевики захватили власть в городах, в то время как классовая борьба в деревне была не развита. В Китае же, по его мнению, напротив, крестьянское движение разворачивалось в условиях, когда центральная власть в городах не принадлежала коммунистам³⁵.

Констатация специфики революционных событий в Китае и в России сама по себе не может быть доказательством наличия принципиально различных отношений коммунистов с рабочим классом и крестьянским движением. К тому же и в России союз рабочих с беднейшим крестьянством стал важнейшим условием успеха большевиков на всех этапах революции. Опыт гражданской войны и создания Красной Армии, состоявшей преимущественно из крестьян, убедительно показывает, что Великий Октябрь в России был принят

крестьянством отнюдь не как свершившийся факт, оно само активно способствовало его победе. В организации крестьянских движений в Китае, Вьетнаме, Лаосе, несомненно, есть своеобразие, но это не дает основания противопоставлять их пролетарским революциям.

Надуманый характер этих попыток можно проследить, в частности, в рассуждениях американского социолога Д. Загориа. Он считает, что «маоистский подход к деревне, успешно оправдавший себя в Китае, Индонезии, Корее, состоит в способности разделять сельское население на различные классы и социальные слои: помещиков, кулаков, середняков, бедняков и наемных сельскохозяйственных рабочих»³⁶. Рассматривать подобные положения как проявление новаторства можно, только не зная или искажая ленинские положения о дифференциации крестьянства, об особенностях политики пролетарской партии в отношении различных слоев крестьянства.

Американские исследователи К. Хартфорд и Дж. Льюис видят особенность революционных войн в том, что они происходят в условиях падения авторитета центральной власти в странах Азии, где «правлящие системы были дезинтегрированы, их сила растеряна местной элитой и дискредитирована империализмом»³⁷. Действительно, это обстоятельство сыграло существенную роль в революционном движении. Но с определением на этом основании революционного движения в Азии как «нового и отличного от прошлого типа революции» согласиться нельзя; подобное положение было характерно как для Октябрьской революции 1917 г., так и для большинства других социальных революций.

Особенность революционных войн в Азии усматривают также в их затяжном характере. К. Хартфорд и Дж. Льюис писали, например, что «революционеры в Азии в целях поддержания связи со своим окружением вынуждены были отойти от того, что В. И. Ленин называл 2—3 дня борьбы»³⁸. Как известно, эти слова В. И. Ленина относятся к вооруженному восстанию, а не к гражданской войне, которая в России продолжалась свыше трех лет.

Как видим, буржуазные интерпретации революционного движения в Азии с целью противопоставления его крестьянской специфики марксистской концепции пролетарской революции неубедительны, а в плане научном — неинтересны. Гораздо больший интерес вызывают те исследования, в которых выясняются причины превращения крестьянства в активную политическую силу и его революционные потенции. Спектр оценок здесь весьма широкий.

Архиконсервативная позиция уже известного нам Томпсона вообще не позволяет как-либо объяснить, почему революционные силы находят поддержку со стороны крестьянства. Его поведение в интерпретации Томпсона вообще выглядит лишен-

ным какого-либо смысла. «Никто не может объяснить, — пишет он, — почему при существующей системе индивидуальной собственности на землю крестьяне все-таки поддерживают революцию, которая может привести их в конечном счете к коллективизации как решению аграрного вопроса. Крестьяне Южного Вьетнама уже знали о том, что случилось на Севере, и тем не менее поддержали революцию»³⁹. При таком подходе их борьба против капитализма выглядит как некая алогичность.

Более серьезные специалисты в поисках ответа на вопрос о причинах и степени революционности азиатского крестьянства исследуют поведение в революции различных групп крестьянства. Так, профессор Э. Вольф провел ряд конкретно-социологических исследований в развивающихся странах. На основе этого он утверждает, что единственно, кто может оказывать активную поддержку революции, — это среднее крестьянство, а также крестьяне, проживающие в районах, удаленных из-под контроля феодалов и государства. Сила среднего крестьянства, с его точки зрения, состоит в том, что «оно обладает ресурсами, которые дают ему возможность хотя бы в минимальной степени противостоять лендлорду». Кроме того, экономические трудности (повышение цен на потребительские товары и сельскохозяйственную технику, падение цен на производимое зерно) гораздо сильнее задевают среднего крестьянина, чем кого-либо другого. И наконец, как пишет Э. Вольф, «среднее крестьянство наиболее открыто влиянию растущего пролетариата»⁴⁰.

Он рассуждает следующим образом: бедное или безземельное крестьянство, уходя в город, порывает с деревней; крестьяне среднего достатка посылают в город детей, но сами не расстаются с землей. Таким образом, часть членов крестьянских семей получает социальную подготовку. «Это, — по его мнению, — делает среднее крестьянство аккумулятором городских политических идей»⁴¹.

Бедному крестьянству и сельскохозяйственным рабочим в силу большей зависимости от феодалов труднее включиться в революционное движение, хотя, как пишет Э. Вольф, «они могут принять участие в восстании, если уже существует реальная сила, бросившая вызов властям, такая, как Красная Армия в России или Китая»⁴².

Созвучные взглядам Э. Вольфа мысли содержатся в работах упомянутого Х. Алави: «В начале революции бедные крестьяне представляют наименее активную часть крестьянства. Их трудности носят как субъективный (отсталость, забитость), так и объективный характер; они зависят от феодала в получении земли, орудий труда, жилья и т. д. В условиях высокой плотности населения, как в Индии и Китае, когда у крестьянина-арендатора много конкурентов, его положение особенно тяже-

лое... Среднее крестьянство в начале движения выступает как наиболее боевая часть крестьянства и может стать наиболее решительным союзником рабочего класса... Но, когда классовая борьба достигает в деревне революционной стадии, среднее крестьянство отходит от борьбы»⁴³.

В таких рассуждениях содержатся весьма интересные наблюдения, но в интерпретации некоторых других буржуазных социологов эти объективные факторы используются для обоснования реакционных политических теорий. Так, американский социолог Э. Митчелл разработал методику исследования политического поведения крестьянства и применил ее к Южному Вьетнаму. При анализе он использовал ряд параметров, определяющих, с его точки зрения, поведение крестьянства (участие в партизанском движении, активность правительственных войск и партизан и т. п.). В результате обследования он пришел к выводу, что те области Южного Вьетнама, где было сконцентрировано в основном малоземельное и безземельное крестьянство, оказали наименьшую поддержку революционным силам. «С точки зрения поддержания эффективного государственного контроля, — пишет Э. Митчелл, — идеальными оказались те провинции Южного Вьетнама, где лишь немногие крестьяне имели собственную землю, где распределение земли было отмечено значительным неравенством, не было проведено перераспределения земли и сохранились крупные поместья при высокой плотности населения... Спокойствие сохраняется в тех районах, где существует... класс сильных земельных собственников, осуществляющий эффективный контроль над консервативным крестьянством, смирившимся с существующим положением»⁴⁴.

Э. Митчелл оговаривается, что он не берется на основе своего странового исследования делать какие-либо теоретические обобщения, но тем не менее подчеркивает, что «выводы его работы расходятся с распространенной в американской литературе точкой зрения о том, что крестьяне восстают потому, что они имеют меньше, чем другие, и чем меньше они имеют, тем очевиднее их тяготение к восстанию»⁴⁵.

Сами по себе выводы Э. Митчелла не содержат каких-либо неизвестных ранее положений, консервативная роль крестьянства на определенных этапах революции отмечалась и в других работах. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что работа Э. Митчелла, использующая эконометрические методы исследования и вводящая в научный оборот значительный новый материал, была, несмотря на критические замечания по поводу ее методологии, поднята на щит некоторыми консервативно настроенными авторами. Ее выводам был придан обобщающий характер. До сих пор на работу Э. Митчелла ссылаются, если надо доказать возможность, пользуясь нищетой, косностью, забитостью крестьянских низов, поддержать «по-

рядок» и обосновать бессмысленность кардинальных реформ для улучшения их положения.

Методологию исследования Э. Митчелла критиковали американские социологи Д. Загориа и Д. Пейг. В частности, Д. Пейг⁴⁶ показал, что Э. Митчелл сделал свои выводы на основе усредненных данных по четырем самым разным районам Южного Вьетнама: северной прибрежной равнине, южной прибрежной равнине, южному плато и дельте Меконга. Из этих районов дельта Меконга являлась на протяжении долгого времени очагом аграрных выступлений: именно здесь происходили крестьянские восстания после первой мировой войны и в 50-е годы. Районом постоянной напряженности была также северная прибрежная равнина, где крестьянские восстания имели место в 30-е годы и после 1945 г. Между тем именно эти районы были одними из самых густонаселенных районов Южного Вьетнама (около 85% населения).

Д. Загориа также считает неправильным относить районы с наибольшим неравенством в распределении земли к наиболее стабильным в политическом плане, как это делает Э. Митчелл. Загориа выдвинул свою методику оценки политической активности тех групп крестьянства, которые наиболее расположены к поддержке революционных сил.

Консерватизм крестьянства и трудность вовлечения его в политическую жизнь Загориа объясняет прежде всего его изолированностью: «Крестьянство живет в условиях тройной изоляции — социальной, умственной и физической. Отсюда такие его черты, как ограниченная мобильность, гомогенность, традиционализм при крайне медленном воздействии на него социальных изменений»⁴⁷. Подобные оценки недалеки от марксистских представлений о трудностях политической организации крестьянства.

Все, что позволяет изменить эти черты крестьянства, отмечает Д. Загориа, усиливает его радикализм. Важнейшим в этом отношении фактором он считает грамотность, что подтверждается подсчетами, сделанными исследователем на индийском материале. Дистрикты* с преобладанием безземельного крестьянства и арендаторов, но с высоким уровнем грамотности оказывают наибольшую поддержку индийским коммунистам. Так, 64% голосов, отданных коммунистам на выборах в Законодательные собрания штатов в конце 60-х — начале 70-х годов, приходилось именно на эти дистрикты, тогда как в районах с низкой и средней грамотностью этот процент соответственно составляет 8 и 9,6%. Таким образом, заключает Д. Загориа, «обезземеливание при высокой грамотности дает значительную степень поддержки коммунистов»⁴⁸. Весьма знаменательное признание, свидетельствующее о том, что рост

---

* Административная единица в Индии, всего их свыше 300.

активности трудового крестьянства, связанный с повышением его образовательного уровня, приводит к укреплению позиций коммунистов. Соответственно можно утверждать, что неграмотность, неразвитость, забитость крестьян используются консервативными политическими силами.

Другим важным фактором, влияющим на поведение крестьянства, Д. Загориа считает степень плотности сельского населения. Он пишет: «Бедные крестьяне легче приспосабливаются к переменам в густонаселенных районах, которые, как правило, расположены ближе к городу, рынку, транспорту... Элите легче держать безземельных крестьян в изолированном и раздробленном состоянии в тех районах, где они составляют 5—10% сельскохозяйственного населения. Там же, где безземельные превышают 40%, правящим кругам труднее указывать им, где их место»⁴⁹.

Д. Загориа отобрал данные по 103 индийским дистриктам, в которых наибольшая концентрация занятых в сельском хозяйстве на единицу площади (более 45 человек на 100 акров). Сопоставив результаты голосования в этих дистриктах, он пришел к выводу, что доля голосов, отданных за коммунистов в этих районах, на 51,2% выше, чем в среднем по стране. Д. Загориа показал далее, что в районах с высокой плотностью аграрного населения в сочетании со значительной долей сельскохозяйственных рабочих влияние коммунистов среди крестьян увеличивается. В 35 дистриктах, где сельскохозяйственные рабочие составляют около 40% населения, процент голосов, отданных за коммунистов, значительно превышает средние данные по стране. Все эти факторы в сочетании с высокой грамотностью обеспечивают компартии Индии наибольшую поддержку на выборах. По данным Д. Загориа, в 25 дистриктах Индии с наибольшей грамотностью и плотностью аграрного населения при концентрации безземельных крестьян коммунисты собирают 71,4% всех голосов⁵⁰.

Все районы, в которых отмечены эти тенденции, имеют ту специфику, что находятся в зоне поливного рисосеяния. Сравнив индийские материалы с данными по рисосеющим районам Индонезии и Филиппин, Д. Загориа делает вывод, что они также выявляют связь между концентрацией безземельных крестьян, плотностью населения и грамотностью, с одной стороны, и влиянием коммунистов и повстанческих сил — с другой. В Индонезии (до 1965 г.) влияние коммунистов прослеживалось в основном в плотнонаселенных районах Восточной Явы. Опорой хуков на Филиппинах были центральные районы острова Лусон, где плотность населения весьма велика и большинство его составляют арендаторы.

Наиболее убедительным примером Д. Загориа считает индийский штат Керала, который стоит на первом месте в Индии по уровню грамотности, плотности сельскохозяйственного на-

селения, доли безземельного крестьянства и арендаторов и где на протяжении уже многих лет у власти находится правительство, в которое входят коммунисты. «Неудивительно,— пишет Д. Загориа,— что сельскохозяйственные рабочие и мелкие арендаторы в Керале обладают более развитым политическим сознанием, чем люди этих же категорий где-либо еще в Индии... Не случайно также, что коммунисты имеют здесь самую сильную и прочную базу среди сельского населения, чем в других странах».

Среди прочих факторов, которые определяют степень радикализации крестьянства, Д. Загориа обращает внимание на «ослабление сельской элиты», т. е. феодальных элементов деревни. При объяснении этого феномена он ссылается на выводы известного американского историка Баррингтона Мура, считавшего, что по мере распространения в азиатской деревне элементов капитализма «феодалная элита стала абсолютно паразитической и никакой роли и реальных функций не выполняет», в связи с чем она «теряет волю и способность к управлению»⁵¹.

Рассматривая этот вопрос на материалах Китая, Б. Мур отмечает, что высшие слои китайской деревни в прошлом выступали в роли надсмотрщиков и руководителей сельскохозяйственного производства. Пользуясь своей монополией на знания, они руководили, например, ирригационными работами, вели астрономические наблюдения в интересах сельского хозяйства. Однако к XIX в. все эти факторы стали играть все меньшую роль и, как пишет Б. Мур, «высшие классы перестали выполнять функции, которые были существенны для крестьянства, поэтому связь между ними слабела и становилась искусственной... Из-за общей слабости связи между правителями и управляемыми крестьянские восстания (так же, как в России) стали эндемической чертой китайского общества»⁵².

Д. Загориа обращает внимание также на то обстоятельство, что «там, где ослабление элиты сопровождается ослаблением государства и государственного аппарата, возможности восстановления возрастают»⁵³.

В целом разработки Д. Загориа представляют значительный интерес, хотя ряд его положений требует критического подхода и специального анализа, а многие из приведенных данных нуждаются в проверке. Будучи специалистом, далеким от марксизма, он тем не менее выдвинул такие идеи, которые наносят сильные удары по позициям праворадикальных буржуазных авторов.

Вопреки утверждениям Р. Томпсона и ему подобных о том, что коммунисты якобы эксплуатируют темноту и невежество крестьян в своих интересах, Д. Загориа, хотел он того или нет, показал, что коммунисты опираются на наиболее грамотные и активные силы деревни. Он увидел, что ряд особенностей, кото-

рые способствуют нарастанию возможностей для революционного преобразования социально-экономической и политической структуры развивающихся стран, носят объективный характер.

Анализом роли крестьянства в основном ограничивается рассмотрение в западной литературе классов и слоев, участвующих в революционном движении в странах Азии. Революционные партии и крестьяне — вот те силы, которые составляют, с точки зрения западных экспертов, основу революций. Буржуазные авторы обходят или мельком касаются вопроса о рабочем классе, исходя из того, что чисто количественные характеристики лишают его возможности играть видную роль в революционном движении.

Но и в крестьянском вопросе буржуазные авторы уходят от комплекса проблем более общего плана, и прежде всего от выяснения причин столь негативного влияния крестьянских войн на развитие капитализма в странах Азии в наши дни и неспособности прокапиталистических сил расколоть союз революционного авангарда и массового крестьянского движения. А именно рассмотрение этих проблем подводит к выводу о невозможности на капиталистической основе преодолеть противоречия экономического и социально-политического развития стран Азии и, следовательно, о неизбежности нарастания антиимпериалистической, антикапиталистической освободительной борьбы в этом регионе.

В последнее время некоторые западные авторы, в том числе Б. Мур, высказывают предположения, что полоса крестьянских революционных войн в Азии прошла свой пик. Но ни один авторитетный ученый не берется прогнозировать спад остроты социальных конфликтов и революционного движения в Азии. В настоящее время можно определенно сказать, что, независимо от того, будут ли крестьянские восстания и впредь играть большую роль или нет, процесс углубления социальных противоречий, происходящих в различных странах Азии, неизбежно предполагает массовые движения, различные по форме и классовой характеристике, но неизменно антикапиталистические и антинеоколониалистские по существу.

Оценка тактики и организации революционного движения

В систему представлений, которую буржуазные исследователи связывают с понятием «революция», «революционное движение», они включают такие категории, как вооруженное восстание, государственные перевороты под руководством леворадикальных военных, городское партизанское движение, террор ультралевых и т. д. Особое внимание они уделяют вопросам «техники» революционной борьбы, точнее, тактическим уста-

новкам по организации повстанческого движения. Азия представляет для них интерес прежде всего как регион, для которого характерны затяжные гражданские войны с участием широких народных масс. А при рассмотрении самой техники революционной борьбы их интересует в основном тактика и ее организация. Почти все авторы выделяют в деятельности революционных сил четыре последовательных этапа: создание подпольной организации, подготовка кадров, обучение их военному делу (1); переход к ограниченным боевым действиям, использование методов террора (2); партизанская война (3), которая переходит в случае успеха во «всеобщую гражданскую войну» (4)⁵⁴.

Одним из важнейших моментов для развертывания вооруженной борьбы многие авторы считают институционализацию повстанческих сил, т. е. оформление их в самостоятельную организацию и включение в систему, позволяющую поддерживать связь с массами. Как отмечают американские историки — сотрудники Стэнфордского университета К. Хартфорд и Дж. Льюис, «почти каждая революционная сила в Азии хоть однажды пыталась быстро выиграть битву за власть и теряла все... Получив столь тяжелый урок, руководители этих революционных сил приходили к важному выводу о невозможности быстрой победы»⁵⁵. Тогда они переходили к длительной и кропотливой работе по созданию организации, армии, партизанских отрядов, что в конечном счете приносило свои плоды⁵⁶.

Анализируя технику революционной борьбы, западные авторы, как правило, уделяют внимание таким факторам, как географическая среда, психологическое и физическое состояние участников партизанского движения. Они констатируют, что повстанцы избирают местом своих действий такие районы, где они могут найти естественную защиту, — джунгли, горы, заболоченные и отдаленные места. Отмечается, что участники повстанческого движения должны отвечать необходимым требованиям по темпераменту и физическим качествам; для борьбы не подходят люди, страдающие от эпидемических заболеваний — малярии, тяжелых желудочных болезней. По их мнению, борющийся народ должен быть предрасположен к фатализму, отличаться убежденностью, что помогает преодолевать опасности и делает его индифферентным к страданиям. Такими качествами, по словам Р. Томпсона, обладают вьетнамцы, которые «привыкли к тяжелой работе, к большим нагрузкам, отличаются энергией и суровостью»⁵⁷. Приведенный набор психологических факторов, якобы способствовавших успеху революционной борьбы, как видим, весьма субъективен и далеко не полон. Здесь не учтены такие моменты, как идеология, исторические традиции, военный опыт и т. д.

Рассматривая террор как средство борьбы, широко используемое ультралевыми, западные специалисты обратили внима-

ние на его обоюдоострый характер. Они подчеркивают, что жертвами «революционного террора» становятся не только противник, но и враждующие между собой представители левацких организаций. Б. Крозье, например, на основании простого арифметического подсчета жертв террора с обеих сторон делает выводы о перспективе всего движения. Он пишет: «Если террор осуществляется в соотношении три к двум, т. е. из пяти жертв террора три принадлежат к стану террористов, а две — к противоположному лагерю, то можно говорить о том, что революция терпит неудачу»⁵⁸.

Основной задачей в борьбе с повстанческим движением западные эксперты считают предупреждение организационного его оформления. Борьба со сложившейся повстанческой организацией, отмечают многие из них, становится значительно более трудной. В этом случае все дело они сводят к поискам эффективных методов и военных средств подавления партизанского движения. Так, профессор Э. Хобсбаум приводит данные западных военных экспертов, которые подсчитали, что для подавления массового партизанского движения необходимо, чтобы правительственные войска и силы партизан находились в соотношении не менее десять к одному (в Малайе, например, удалось подавить активные партизанские действия только после того, как против 8 тыс. партизан было брошено 150 тыс. солдат и полицейских). «Можно ли таким образом обеспечить решение проблемы?» — спрашивает профессор и отвечает: «Конечно, нет. Его надо искать в области социальной реконструкции»⁵⁹.

Рецепты национал-либералов и программы модернизации

Идеи модернизации в наши дни получают все большее распространение. Их приверженцы, как правило, видят необходимость сочетания национализма в политике со стимулированием экономического развития.

В частности, модернизация как способ предотвращения революции находит отклик у тех политическх сил в различных странах Азии, которые стремятся не допустить глубоких социальных преобразований. Национальная революция заканчивается для них с завоеванием государственной самостоятельности. Национализм рассматривается зачастую как нечто противоположное революционной идеологии.

Некоторые из политических деятелей, стоящих на подобных позициях, в прошлом сыграли определенную роль в завоевании независимости, но затем, по мере углубления социальных противоречий, их политические взгляды смещались вправо. Например, бирманский деятель У Ну после прихода к власти высту-

пил против серьезных преобразований и впоследствии был вынужден уйти с политической сцены. В 1953 г., будучи еще на посту премьер-министра, он писал: «...Обретенную независимость нельзя подвергать радикальным экспериментам и выдвигать чуждые национальным интересам задачи. Революция — это лишь стремление к совершенствованию идеологии, мышления, устранению недостатков в государственном аппарате... Именно с этой точки зрения следует подходить к диким акциям, устраиваемым революционерами вопреки интересам нации»⁶⁰.

У Ну утверждал, что после завоевания национальной независимости и создания новой государственной власти революция становится уделом левацких деятелей, отныне выступающих как антинациональная сила. Его программа не предполагает решения коренных социальных проблем. У Ну практически отмежевался от понятия революции как фактора социально-экономического преобразования общества.

Однако гораздо более широко в молодых азиатских государствах распространены попытки растворить революционную идеологию и революционные настроения в концепции национализма. Отметая тезис о враждебности революционных доктрин подлинному национализму, политические деятели призывают к сочетанию националистических и революционных лозунгов. В этой связи обращают на себя внимание работы филиппинского буржуазного автора либерального толка, кандидата на пост президента страны в 1965 г. Р. Манглауса. В статье под названием «Идеология азиатских революционеров», опубликованной в филиппинском журнале «Солидарити» в 1968 г., он писал: «Национализм в Азии должен искать союза с той идеологией, которая ведет к ускорению социальной революции... Идеология Французской революции уже не соответствует времени. Американский революционный дух потерял свой стимулирующий характер. Перспективы быстрой социальной революции связывают с примером России, Китая, Кубы. Бессмысленно предупреждать народ, который никогда не жил в условиях, достойных человека, о потере свободы и тяготах коммунизма... У подлинного национализма остается в качестве союзника только демократический социализм и христианская социальная идеология»⁶¹. При этом Р. Манглаус, с одной стороны, призывает к такому союзу, а с другой — отсекает социалистическую революционную альтернативу, признавая практически лишь христианскую социальную политику, которая сводится, как известно, к осуществлению некоторых либеральных реформ в рамках капиталистического развития. В данном случае наглядно продемонстрировано стремление буржуазных националистов выхолостить из понятия «революция» подлинное революционное содержание.

Популярность идей революции используется буржуазными политиками нередко в чисто тактических целях, например для

оказания давления на западные политические круги в целях ускорения и расширения экономической помощи. В этой связи можно вспомнить о высказываниях некоторых азиатских политиков, в которых содержится призыв к ускорению «зеленой революции», с тем чтобы она не превратилась в «красную».

Весьма своеобразная трактовка вопроса о революции как одном из элементов национализма присуща идеологам марксистизма*. В этой политической доктрине национализм рассматривается в качестве одной из основ государственной политики. Причем, как отмечает советский исследователь А. И. Ионова, он истолковывается таким образом, что создается своеобразный культ «национальной революции». Превозносится ее динамизм, подчеркивается неизбежность жертв и страданий, но, главное, в массовое сознание привносится идея о всеобщей подчиненности революции, которая отождествлялась с традиционно яванским понятием «чакравати», означающим высокую и универсальную власть⁶².

Абсолютизация роли государства и его лидера как основной компонент «национальной революции», политика дирижизма как ее основной принцип — такова трактовка революции, весьма типичная для лидеров, близких по своим идеологическим установкам к Сукарно, и используемая в настоящее время политиками в Индонезии и в некоторых других азиатских странах.

Выше отмечалось, что буржуазные авторы видели причину успехов коммунистов в борьбе за власть в некоторых странах Азии в умелом использовании «национальной идеи». Однако «национальная идея», которая доминировала как в концепциях Сукарно, так и в политических программах национал-либералов типа У Ну, не избавила возглавляемые ими режимы от поражения, что подтвердило то обстоятельство, что сама по себе «национальная идея» в современных условиях не может гарантировать правящей группе прочную социальную базу. Усиление социальных моментов все в большей степени выступает как характерная черта развития многих азиатских стран.

С начала 70-х годов в западной буржуазной литературе появились новые тенденции в подходе к проблеме революции. Все большее число авторов начинает приходить к выводу, что политическое будущее Азии определяется тем, что на путях капитализма проблемы, стоящие перед странами этого региона, решить невозможно или очень трудно.

Идеи, высказанные в 60-х годах известным английским социологом Райтом Миллсом, который призывал не только «взглянуть на капитализм как на один из типов, исследуемых политэкономией», но и понять, что настало время «обсудить его аль-

---

* «Маркхазн» в буквальном переводе — «простой народ». Политическая доктрина, выдвинутая бывшим президентом Индонезии Сукарно, трактует, что для развития страны важны следующие принципы: национализм, интернационализм, демократия, социальное благосостояние, вера в бога.

тернативы»⁶³, получили определенный отклик в западных научных кругах.

В основу различных теорий развития стран Азии, Африки и Латинской Америки, выдвинутых западными идеологами, была положена теория модернизации. Создатели этой теории, получившей наибольшее распространение к середине 60-х годов, «исходили из предпосылки, будто в современном мире существуют лишь два исторически определенных типа общества: «отсталое», «аграрное», «традиционное» и «развитое», «индустриальное», «современное». Утверждалось, что между двумя этими типами лежит некий переходный период, сущность и задачи которого сводятся к процессу модернизации, т. е. постепенному превращению «традиционного» общества в общество «современное»⁶⁴.

Подобный подход нашел выражение в работах ведущих социологов Запада, таких, как Д. Лернер, М. Леви, Ш. Эйзенштадт, Д. Эптер и др.⁶⁵. Ныне, спустя 10 лет, положение кардинально изменилось, и в центре внимания многих западных авторов оказалась не разработка, а критика этой теории. Причем свои взгляды вынуждены были пересмотреть и некоторые из ее создателей. Так, Ш. Эйзенштадт в своей работе, вышедшей в 1974 г., приходит к выводу, что при современном уровне знаний стоит вопрос, рассматривать или нет исторический опыт Запада как уникальный. Он склоняется к мысли, что развивающиеся общества не могут отказаться от традиционных элементов развития. Таким образом, аксиомы теории модернизации оказались проблематичными, и ее авторитет поставлен под вопрос.

Весьма показательна в этом отношении уже упоминавшаяся фундаментальная работа «Реформа и революция в Азии»⁶⁶, подготовленная группой английских специалистов под руководством Дж. Ф. Хадсона, возглавлявшего в прошлом Исследовательский центр при министерстве иностранных дел Великобритании. В одном из разделов этой книги отмечается: «В Азии частнокапиталистическое развитие и связанная с ним индустриализация столкнулись с большими трудностями. Катастрофическое увеличение населения, потребность в значительном росте рабочих мест вызвали необходимость ускоренного экономического развития, а условия для него отсутствовали»⁶⁷.

Придя к такому выводу, авторы задаются необычным для традиционного буржуазного мышления вопросом: «Народы Азии и их элита столкнулись с выбором: медленные постепенные реформы или хирургические методы избавления от груза прошлого путем революции. Кто может сказать, какой путь в современных условиях гарантирует больший успех?»⁶⁸. Само по себе уравнивание в правах двух этих вариантов — необычное явление для буржуазной общественной мысли, тем более что сами авторы считают путь буржуазных реформ малоэффектив-

ным. «Перспективы дальнейшего развития в Азии,— пишет Хадсон,— связаны либо с социализмом, либо с режимами наподобие невиновского или индийского варианта»⁶⁹. Все эти варианты развития, с точки зрения авторов книги, предполагают отход от чисто капиталистического пути развития.

Если сторонники теории «насилия» типа Р. Томпсона утверждают, что «свободному» миру современного капитализма противостоят только повстанческие движения, то авторы либерального направления признают, что к отходу от капитализма тяготеют многие политические режимы, включая индийский и бирманский. Подобная точка зрения означает отказ от прежней однозначной установки «специалистов по насилию» и является в определенном смысле этапным моментом в развитии буржуазных концепций социально-экономического и политического развития Азии.

В качестве позитивной программы некоторые западные авторы предлагают весьма далеко идущие реформы и преобразования, лишь бы сохранить политическую стабильность. Американский социолог С. Гетцлер предложил, например, пойти на такие меры, как национализация иностранной собственности, обобществление средних и крупных предприятий, банков, средств транспорта и связи, с тем чтобы «заложить в самую основу развития социализированные институты». В этих условиях, пишет С. Гетцлер, «критерием жизнеспособности системы будет ее совместимость с растущей модернизацией, а те институты, которые не приспособятся к этому процессу, исчезнут, но не вследствие кровавой революции, а в ходе естественного роста самой системы»⁷⁰. Сама по себе возможность осуществления подобной программы в рамках системы капитализма маловероятна, если не утопична, но ее выдвижение автором, далеким от марксизма, весьма показательно.

Баррингтон Мур и его теория революционных войн

Особенности эволюции современной западной общественной мысли заключаются, как справедливо отмечает советский историк Е. Б. Черняк, в том, что ее развитие происходит «под знаком диалектически двуединого процесса идейной борьбы против марксизма и одновременно усвоения той или иной части марксистских идей, пусть, как правило, в эклектическом соединении со взглядами, враждебными марксизму, нередко с целью использования и того и другого против теоретических основ научного коммунизма»⁷¹.

Наиболее наглядные примеры эклектического использования марксизма можно найти в работах ультралевых идеологов. Широко известно, например, внимание, которое уделял развива-

ющим странам Азии Г. Маркузе⁷². Анализ его концепции не входит в нашу задачу, тем более что в советской литературе она достаточно глубоко исследована⁷³. Здесь целесообразнее более подробно остановиться на концепциях менее известного у нас автора, профессора Гарвардского университета Баррингтона Мура, взгляды которого отмечены определенными элементами нонконформизма в отношении многих постулатов буржуазной политической науки. Основная его работа, «Социальное происхождение диктатуры и демократии», вышла в 1966 г., но внимание специалистов она привлекла в основном в начале 70-х годов, став предметом весьма острой дискуссии. В американских журналах было опубликовано свыше 35 статей и рецензий, посвященных этой книге.

В работе Б. Мура делается попытка разработать определенную типологию путей социально-экономической эволюции различных стран. Особенность методологического подхода Б. Мура к рассмотрению исторического процесса состоит в том, что он в основу развития кладет «экономические факторы», требующие модернизации общества. Политическая борьба или борьба классов, считает он, обусловлена эксплуатацией, которая связана с существованием государства и будет продолжаться до тех пор, пока не исчезнет государство, независимо от того, является ли оно капиталистическим или социалистическим. По Муру, есть три пути перехода от доиндустриального общества к современному. Первый — капиталистический путь, связанный на каком-то этапе с осуществлением буржуазной революции. На этом пути возникли капиталистические государства, олицетворяющие западную демократию (Англия, Франция, США, послевоенная Япония).

Второй — также капиталистический, но консервативный. «Его можно рассматривать, — пишет Б. Мур, — как форму осуществления революции „сверху“. В странах, в той или иной степени вставших на этот путь, импульсы буржуазного развития значительно слабее. Революционные движения там, как правило, терпели поражение, а модернизация осуществляется благодаря альянсу хотя еще слабых элементов нового коммерческого класса и диссидентских элементов старого доминирующего класса феодалов. В результате промышленное развитие ускоряется, но после короткого периода нестабильности возникают аномалии фашистского толка (Германия, Япония)»⁷⁴.

Третий путь Б. Мур называет «коммунистическим», считает, что он был реализован в СССР и Китае. Обе страны он определяет как «аграрные, в которых городские слои были слишком слабы даже для того, чтобы выступить в качестве младшего партнера в деле модернизации. И, поскольку модернизация не была проведена, крестьяне выступили в качестве мощной разрушительной силы»⁷⁵.

Анализируя особенности политического развития стран Азии,

Б. Мур замечает: «Было время, когда многие мыслители считали, что существует одна общая дорога модернизации — путь, ведущий к капитализму и политической демократии. Опыт последних 50 лет показал, что западная демократия дает только один выход из создавшегося положения. Опыт XX в. убеждает в том, что недемократические, а иногда и антидемократические способы модернизации вполне успешно применяются для решения ее задач»⁷⁶.

Признание жизнеспособности указанных способов экономического развития, которые очень далеки от практики западного капитализма, и низведение капиталистического пути до уровня одного из вариантов развития — все это примечательные и существенные моменты эволюции буржуазного общественного сознания, недвусмысленно и четко выраженные Б. Муром.

Вместе с тем Индию Б. Мур выделяет как страну особого пути развития: «В этой стране не было капиталистической революции ни „снизу“, ни „сверху“, не было и крестьянской революции, ведущей к коммунизму... Парламентская демократия между тем здесь существует и является более чем простым фасадом... Индия стоит в стороне от рассмотренных выше путей»⁷⁷.

Особое место, которое Б. Мур отводит Индии в системе мирового развития, требует более детального ознакомления с ходом его рассуждений. Анализируя особенности экономического и социального развития Индии, он выдвигает предположение, что она могла бы пойти по японскому пути. Мур исходит из того, что в Индии определенные признаки капиталистического развития появились очень давно, однако их становление было прервано английским завоеванием. «Британское присутствие предотвратило, — пишет он, — образование коалиции земельной верхушки и буржуазии. М. Ганди своим массовым движением осуществил союз буржуазии и крестьянства»⁷⁸.

По схеме Б. Мура, подобный альянс соответствует первому пути развития. Отсутствие в истории Индии общенационального крестьянского восстания Б. Мур объясняет тем, что «кастовая и религиозная фрагментарность индийской деревни определила кастовый (против брахмана) или религиозный (против мусульманина-помещика) характер выступления крестьян. В Индии было немало случаев гражданского неповиновения, но среди них можно найти не больше десятка локальных восстаний крестьян против своих господ, что составляет главное отличие от положения в Китае». При этом Б. Мур отмечает, что на этом основании неправильно было бы говорить об отсутствии у индийского крестьянства революционного потенциала. Он ссылается, в частности, на восстание в Теленгане в 1947 г., которое, по его мнению, представляло собой «самое большое и на короткое время самое эффективное крестьянское восстание за пределами Китая». Но тем не менее кастовую систему он рас-

смачивает как «эффективный барьер распространению восстаний».

По мысли Б. Мура, ставка революционеров на поддержку сельскохозяйственного пролетариата и всех тех, кто находится вне каст или на нижних ступенях кастовой иерархии, автоматически приводила к тому, что против повстанцев выступала масса, продолжавшая признавать кастовую систему, а это подрывало эффективность крестьянских выступлений. Однако, рассматривая причины крестьянских восстаний в Азии в целом, Б. Мур приходит к выводу, что «численно громадный сельский пролетариат является потенциальным источником восстаний и революций».

Вместе с тем, анализируя крестьянские восстания в Азии после второй мировой войны, Б. Мур, как отмечалось выше, поставил вопрос: «Не потеряла ли свою силу волна крестьянских восстаний, как наиболее характерное явление XX в.?» Он не дает ответа на этот вопрос, хотя и высказывает определенные сомнения. При этом, однако, он совершенно определенно утверждает, что, «как показывают обстоятельства, крестьяне уже не будут союзниками демократического капитализма, т. е. той исторической формации, которая прошла свой зенит».

Вершиной «грехопадения» Б. Мура в глазах буржуазных ортодоксов является выдвинутое им положение о полезности и благотворности революционных взрывов для исторического развития. Причем в защиту революции он выступил с самых неприемлемых для ортодоксального буржуазного социолога позиций, заявив, что революция отнюдь не более тяжелый и кровопролитный путь, чем постепенное развитие, о «прелестях» которого создан удобный миф. Он пишет: «Постоянные жертвы и лишения, которые испытывают люди в условиях нормального неревolutionного развития, замалчиваются историками... Между тем все те многомиллионные жертвы, которые человечество принесло на алтарь войны и в фашистских застенках,— все это результат той модели развития, которая исключала революцию. В отсталых странах продолжают страдания тех из них, которые не поднялись на борьбу». В Азии, продолжает Б. Мур, «мы видим сегодня масштабы тех страданий, которые являются расплатой за отсутствие революционного взрыва»⁷⁹.

Возмущенный подобной позицией Б. Мура, американский историк С. Ротман писал в рецензии на его книгу: «Неомарксист Баррингтон Мур предлагает всем актерам исторического действия смириться с революционной неизбежностью и спокойно двигаться к своему концу»⁸⁰. Однако Б. Мур далек от признания преимуществ социализма, пропасть отделяет его взгляды от марксизма, хотя его концепция, включающая признание позитивной роли социальной революции в бывших колониях и полуколониях, наносит ощутимый удар по многим догмам современной буржуазной идеологии.

Идеи Б. Мура стимулировали критическую направленность работ некоторых американских специалистов. Один из сторонников Б. Мура, Дж. Фитерстоун, пишет: «Насилие — это худшая вещь, которая может случиться, но для жертв истории гораздо хуже сохранение существующего положения... По сравнению с теми, кто рассуждает о современных международных проблемах в категориях „домино“ и изображает коммунизм „раковой опухолью“, книга Б. Мура представляет собой новое слово, позволяет по-иному взглянуть на мир»⁸¹. Американский автор Дж. Винер, специально изучавший вопрос о реакции западных специалистов на работу Б. Мура, видит его заслугу в том, что «он, во-первых, показал, что либеральные истории исходят из тех определений рациональности и справедливости в истории, которые выдвигаются господствующим классом; во-вторых, он раскрыл, что за коммунизмом стоит реальное социально-экономическое содержание, и, в-третьих, он разоблачил репрессивную роль западной демократии в отношении „третьего мира“»⁸².

Очевидно, что неоднократные обвинения Б. Мура в марксизме являются далекими от реальности и скорее преследуют цель психологического давления. Б. Мур, несомненно, далек от марксизма. Но было бы ошибочным оценивать идеи Б. Мура только с точек зрения констатации или подчеркивания его расхождений с марксистской теорией. Гораздо более важным является то обстоятельство, что Б. Мур счел необходимым решительно выступить против ряда догм, традиционно используемых буржуазной наукой в борьбе с марксизмом. В этом смысле его работы имеют весьма серьезное значение.

* * *

Говоря о подходе буржуазных специалистов к проблемам революции в Азии, можно отметить, что в целом для них характерна значительная пестрота концепций и взглядов. От отрицания каких-либо объективных предпосылок революционного движения и утверждения возможности военного подавления революции до понимания необходимости значительных социальных и экономических реформ и выражения сомнений в возможностях капитализма решить проблемы реконструкции азиатских стран — таков диапазон взглядов буржуазных политологов и социологов на политическое развитие Азии.

Если говорить о влиянии подобных концепций на политику Запада в отношении стран Азии, то в современных условиях практически исключено доминирующее влияние какого-либо одного, например военного, подхода к проблеме революции. Реальнее перспектива возрастания влияния идей и концепций, ведущих к выработке экономических и политических альтернатив, с целью перехвата инициативы у революционных сил. Это

отвечает и более широкой задаче империализма — формированию новой политической доктрины в условиях повышения роли развивающихся стран на международной арене.

Трудности, с которыми столкнулся империализм при попытках военного подавления революций в Азии, заставили многих буржуазных исследователей перенести центр тяжести своих исследований с изучения вопросов вооруженной борьбы масс на социально-экономические проблемы. Поиски новых подходов привели некоторых из них к отказу от традиционных утверждений, что укрепление позиций капитализма автоматически ведет к подрыву позиций революционных сил. Некоторые буржуазные авторы уже сомневаются в возможности утверждения капитализма в развивающихся странах Азии. С одной стороны, ряд конкретно-социологических исследований американских и английских специалистов показал, что в условиях мирного развития коммунисты в состоянии добиться твердой поддержки масс, в том числе различных групп трудового крестьянства.

Такие работы западных специалистов не могут не привлечь внимания. Но отмеченные новые тенденции обнаруживаются в работах весьма узкого круга авторов. Доминирующим остается направление, возлагающее надежды на капитализм, который якобы способен решить проблемы Азии и сдержать развитие революции. Нежелание или неспособность понять теснейшую связь социально-экономических проблем развития и революционного движения по-прежнему предопределяет историческую ограниченность большинства западных работ по проблемам революции в развивающихся странах Азии.

После победы революции во Вьетнаме и Лаосе политическое развитие Азии отмечено быстрыми и подчас резкими переменами. События в Индии, Таиланде, Пакистане говорят о том, что острота социальных конфликтов при всей противоречивости их характера нарастает. А это делает беспочвенными надежды на затишье и передышку в социально-политической борьбе.

События в Азии практически определяются борьбой развивающихся стран за выбор пути развития. Антикапиталистические настроения, накапливающиеся в широких массах населения этих стран, обуславливают активизацию борьбы за демократическую альтернативу, за осуществление глубоких социально-экономических преобразований.

II

АФРИКА:

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕМАРКСИСТСКИХ КОНЦЕПЦИИ РЕВОЛЮЦИИ

Интерес западных социологов к проблемам африканской революции проявился сравнительно недавно. Многовековая социальная и политическая инертность Африканского континента породила представление о нем как о регионе, чуждом революционным потрясениям. Однако освободительная борьба, развернувшаяся в Африке после второй мировой войны, особенно в последние 10—15 лет, опрокинула такие представления. Понятие «революционная Африка» прочно вошло в политический словарь нашего времени. Национально-освободительное движение африканских народов стало важной составной частью мирового революционного процесса.

В западной немарксистской литературе появилось уже значительное число работ по африканской революции, однако ни один из западных авторов, по существу, не создал целостной теории, подобной, например, революционной теории Г. Маркузе или Р. Дебре (для Латинской Америки). Исключение составляет революционная теория Ф. Фанона, но его с большим основанием следует отнести к африканским идеологам, нежели к западным.

В странах Африки, прежде всего Тропической, социальные процессы выражены не столь четко, как в Азии и Латинской Америке. Социальные противоречия здесь нередко облачаются в форму этнических, расовых или религиозных. Вот почему для представителей буржуазной «революциологии» характерно пристальное внимание прежде всего к проблемам национализма в Африке, который, по их мнению, преобладает над социальным содержанием борьбы в этих странах.

Важное значение имеет и тот факт, что лишь в немногих африканских странах в ходе антиколониальной борьбы были выдвинуты антифеодальные и антикапиталистические требования, т. е. национально-освободительная революция там предстала как способ разрешения противоречий колониальной экономической структуры.

Большинство государств Тропической Африки добилось политической независимости мирным путем, в результате согла-

шений с западными странами. Вооруженная борьба за независимость велась лишь в отдельных странах, например в Алжире, Кении, португальских колониях. Именно они и попали в поле зрения буржуазных исследователей, которых привлекает не столько социальный, сколько военно-политический аспект борьбы. Но подобные исследования зачастую содержат очень ценный фактический материал, хотя в них отсутствует теоретическое обобщение опыта национальных войн в Африке и социального содержания происходящих в них преобразований.

В критических исследованиях буржуазных и мелкобуржуазных авторов необходимо выделить наиболее важные, на наш взгляд, аспекты анализа революционного движения в Африке: характер революционных преобразований, роль и место крестьянства, средних слоев в революционном процессе, формы и методы революционной борьбы.

*Буржуазные авторы о характере
социально-политических преобразований
в африканских странах*

Новый этап в истории Африки, наступивший в результате завоевания большинством стран политической независимости, побудил руководителей и идеологов молодых государств с особой остротой поставить вопрос о перспективах национально-освободительной революции, о характере социально-политических преобразований. Однако опыт революционной борьбы африканских народов пока еще в достаточной мере не изучен и не обобщен самими участниками этой борьбы и африканскими идеологами.

На Западе неоднократно делались попытки классифицировать распространенные в Африке революционные концепции. Так, американский социолог Ч. Ф. Эндрейэн¹ подразделяет их на три группы: «африканский марксизм», к которому он относит большинство революционно-демократических концепций, кроме танзанийской; «социалистический гуманизм» Л. Сенгора; «государство благоденствия» (Нигерия, Танзания, Тунис, Кения). Применяемые Эндрейэном критерии носят эклектический характер: степень контроля государства над экономикой и поведением человека, отношение к индустриализации и концепция «негритюда». Вне поля зрения автора остались такие факторы, как классовый характер африканских политических партий, пути развития освободившихся государств и пр. В итоге идейные течения по существу одинаковой социальной ориентации оказались в разных группах.

Специалист по политическим проблемам Африки, английский исследователь Колин Лиджем предлагает следующую типологию революционных сил в Африке²: «революционные на-

ционалисты» (к их числу автор относит Джомо Кениату, Хуари Бумедьена, Секу Туре и ряд других государственных деятелей), внутренняя и внешняя политика которых строится исключительно на основе национальных интересов своих стран; «паннационалистические революционеры», которые ставят своей целью борьбу за освобождение не какой-либо отдельно взятой страны, а в целом либо континента (панафриканисты), либо арабского мира (панарабисты); «региональные революционные националисты», которые принадлежат к какой-либо одной этнической или региональной группировке и выступают с сепаратистскими требованиями (народность ибо в Нигерии, нилотские племена на юге Судана, эритрейцы в Эфиопии); марксистско-ленинские революционеры, в число которых наряду с коммунистами включаются и пропекинские группировки; исламские революционеры («Мусульманские братья» в Египте и Судане); национально-освободительные движения на юге Африки.

Как видим, классификационная схема Лиджема также составлена весьма произвольно. Применяемые им критерии отражают главным образом степень проявления националистической идеологии в программах той или иной группы политических деятелей. В результате приверженцы различных социальных программ оказываются в одной группе (например, Хуари Бумедьен и Джомо Кениата).

В целом для буржуазных исследователей характерен недифференцированный подход к националистическим доктринам африканских идеологов, игнорирование классовой сущности этих доктрин. Крушение колониальной системы в Африке после второй мировой войны выдается буржуазными теоретиками либо за естественное следствие постоянного «процесса эмансипации», якобы присущего капиталистической системе, либо за бурное проявление национализма, который объявляется основной чертой всех антиколониальных революций в Африке.

Так, профессор Принстонского университета П. Зигмунд в предисловии к сборнику «Идеология развивающихся стран», вышедшему в 1963 г. под его редакцией, сводит все многообразие направлений революционной идеологии в молодых развивающихся государствах Азии и Африки к национализму³. Американский исследователь Г. Кон, автор «теории национализма», выдвигает концепцию борьбы двух национализмов в Африке. Суть ее сводится к тому, что «либеральный западный национализм», склонный к умеренности и носящий конструктивный характер, ведет борьбу с «агрессивным восточным национализмом», разрушительным и восприимчивым к коммунистической идеологии⁴.

Африканский национализм возник как широкое и разнородное политическое движение. Одни африканские лидеры видели в нем прежде всего орудие борьбы за политическое, национальное освобождение, за создание независимых государств. Другие

начали использовать его как средство социально-экономического переустройства общества. Однако основным содержанием африканского национализма была и остается борьба против империализма и неокOLONиализма. Он возник и окреп в борьбе против колониализма, включив в себя требования не только формальной политической независимости, но и преодоления экономической отсталости, борьбы за переустройство общества. В ходе борьбы за свободу и экономическую независимость африканский национализм стал в полном смысле слова идеологией всех групп населения. Но по мере углубления национально-освободительных революций все сильнее проявлялись две тенденции в африканском национализме: прогрессивная, революционно-демократическая и реакционная, консервативная⁵.

Буржуазные идеологи длительное время весьма скептически относились к возможности самостоятельного развития африканских стран. Это получило отражение в концепции политического «вакуума», который-де образовался в Африке после ухода колонизаторов. Один из сторонников такой концепции, французский исследователь Жак Берк, утверждал, например, что «молодые государства не способны воспринимать достижения мировой культуры»⁶. По мнению бельгийского профессора Эдуарда Бюстена, «увлечение самостоятельностью» носит переходный характер и борьба за независимость будет постепенно затухать⁷. Подобной же точки зрения придерживается преподаватель Лондонской школы экономических и политических наук Джеймс Мейолл⁸.

Свои выводы о невозможности самостоятельного развития стран Африки западные исследователи обосновывают не столько экономической отсталостью, сколько социальной незрелостью молодых государств, отсутствием во многих из них классовой дифференциации. Нередко в работах западных авторов можно встретить утверждения о том, что развитие политической структуры молодых государств вообще не обязательно, поскольку само по себе оно не содействует ни «благу», ни «прогрессу» в этих странах.

Но так или иначе необходимость определить политическую перспективу для африканских стран заставляет буржуазных исследователей искать ответ на кардинальный вопрос — о пути их развития. Работы по этому вопросу можно разделить на несколько групп. К первой следует отнести работы, обосновывающие необходимость для африканских стран некоего «третьего пути развития», следуя по которому они построят экономическую систему, опирающуюся на государственную собственность и частное предпринимательство⁹. Как показывает практика, такой путь в конечном счете неминуемо ведет к капитализму, хотя сохраняются лозунги «африканского социализма». Буржуазные идеологи считают даже, что следует поощрять употребление в этих странах таких понятий, как «планирование»,

«реформы», но при условии, что в них будет вложено буржуазное содержание¹⁰.

К другой группе принадлежат работы, прежде всего американские, которые заявляют о неприменимости марксизма-ленинизма к условиям Африки и неприкрыто ратуют за создание в освободившихся странах наибольшего простора и благоприятных условий для деятельности частнокапиталистического предпринимательства. Исходя из посылки, что основная причина нарастающей революционности в развивающихся странах заключается в бедности большинства населения, они утверждают, что только капитализм в эпоху научно-технической революции способен вывести эти страны из нищеты и отсталости.

Во многих буржуазных исследованиях движение ряда африканских стран по некапиталистическому пути выдается лишь за временный, «переходный» период, порожденный ослаблением политического, а иногда и экономического влияния компрадорской буржуазии после ликвидации колониальных режимов, и слабостью национальной буржуазии, не сумевшей взять власть в свои руки. По мнению буржуазных исследователей (У. Ростоу, С. Липсет, Р. Арон и др.), в дальнейшем неизбежен рост экономической и политической мощи национальной буржуазии, которая установит свой контроль и над государственным сектором. По мере развития научно-технической революции национальная буржуазия будет вынуждена сотрудничать с международными капиталистическими монополиями. Сторонники этой схемы развития исходят из того, что в ходе научно-технической революции капитализм одержит верх над социализмом, образуются предпосылки для его окончательной победы в процессе соперничества между двумя мировыми системами.

Драматизируя неизбежные трудности роста молодых независимых африканских государств, особенно тех, которые придерживаются социалистической ориентации, буржуазные идеологи утверждают, что страны Африки не имеют достаточной экономической базы для осуществления радикальных социальных преобразований. Созданию же современных отраслей хозяйства якобы фатально препятствуют традиционные социальные отношения и объективное стремление народов этих стран к подлинной национальной независимости.

С точки зрения других буржуазных идеологов, между социализмом и капитализмом нет существенных различий, и развивающимся странам Африки незачем прибегать к революционным преобразованиям, поскольку они могут достичь современного уровня экономического развития с помощью модернизации. «Теория модернизации» базируется на концепциях «индустриального» и «постиндустриального» общества, теории конвергенции, переплетается с ними, дополняет и развивает их. К числу ее сторонников принадлежат один из виднейших американских социологов, профессор социологии в Калифорнийском уни-

верситете Сеймур Липсет, американский политолог Дэвид Аптер. В своих исследованиях они стремятся опровергнуть учение о классовой борьбе, подменив ее борьбой между «традиционализмом» и «модернизацией», составляющей, по их мнению, суть всего процесса исторического развития в Африке.

С вопросом о выборе пути буржуазные авторы тесно связывают проблему использования различных форм демократии в ходе революционных преобразований. Интерес к этой проблеме со стороны буржуазных политологов не случаен. Он обусловлен прежде всего практическими потребностями неокOLONИализма, стратегическая цель которого — направить развитие стран Африки по капиталистическому пути, сохранив их в качестве периферии мировой капиталистической системы.

Для большинства буржуазных теоретиков характерно стремление доказать непригодность для африканских стран решения социально-экономических проблем путем социалистических преобразований. Критика политических систем социалистических стран (которые, как правило, относятся ими к разновидности тоталитарного типа), подчеркивание неприемлемости для африканских государств социалистических методов ведения хозяйства, а также апология капиталистической экономической структуры и западного образа жизни — вот характерные черты буржуазной политологии, отражающей объективное стремление неокOLONИалистских кругов не допустить перерастания африканских национально-освободительных движений в революции социальные, придать социально-политическим преобразованиям в независимых странах Африки прокапиталистический характер.

Буржуазная и буржуазно-реформистская идеология возводит в абсолют политические аспекты буржуазной демократии. Ее представители рассматривают проблему демократии вне связи с реальными социальными условиями и классовой природой политической власти в странах Африки. В основе большинства их концепций лежит традиционное противопоставление демократии диктатуре. Например, английский исследователь В. А. Дженнингс отказывает ряду государств Африки в демократизме на том основании, что демократия как система якобы предполагает существование по меньшей мере двух политических партий. Весь смысл его теоретических построений сводится к доказательству преимуществ политических систем «западного образца»¹¹.

В противовес этой точке зрения часть буржуазных исследователей приходит к выводу, что развитие традиционных форм политической демократии «западного типа» в африканских странах неосуществимо в силу их экономической и социальной отсталости, господства религии, трибализма и пр. Например, С. Липсет пишет: «В Африке демократия западного образца не может иметь место... Африканские государства не составляют

наций, большинство из них просто объединяют племена и малые народности, лингвистически и культурно не связанные друг с другом. Прежде чем стать демократическими государствами, они должны сначала обрести государственность»¹². Профессор австралийского национального университета Дж. Миллер утверждает, что демократия отлична от систем, сложившихся в бывших африканских колониях, «колеблющихся между демократическими и диктаторскими режимами»¹³.

Аналогичного взгляда на проблемы демократии в африканских государствах придерживается французский социолог М. Дюверже. Он считает, что в африканских и в других развивающихся странах не может быть демократии, потому что в них решающее значение имеют лишь проблемы «повседневного существования населения»¹⁴.

Многие западные буржуазные ученые, в частности Д. Аптер, исследуя политические системы молодых африканских государств, прежде всего тех из них, которые избрали некапиталистический путь развития, вообще ставят под сомнение происходящий там процесс демократизации, преувеличивая власть партийных лидеров, будто бы захвативших законную власть¹⁵.

Обостряя внимание на установлении авторитарной власти, устранении оппозиции в некоторых африканских государствах, ряд буржуазных исследователей делает вывод о неизбежности создания в освободившихся странах жесткой диктатуры, с помощью которой якобы возможно осуществить задачи коренного социального преобразования общества. Так, французский ученый Луи де Вильфос считает, что освободиться от наследия прошлого и мобилизовать усилия народа на преодоление экономических трудностей можно лишь в условиях существования авторитарных режимов¹⁶.

Перекликаясь с ним, английский исследователь Р. В. Хоу в книге «Африканская революция» утверждает, что объективные условия существования африканских стран, их крайняя отсталость исключают возможность возникновения демократических систем на этапе «второй революции», последовавшей за политическим освобождением от колониальной зависимости¹⁷.

Действительно, бывшие африканские колонии и полукolonии, обретя политическую независимость, остались отсталыми не только в экономическом, но и в общественно-политическом отношении. Расовые, национальные, религиозные, племенные представления и предрассудки зачастую превалируют над классовой общностью, играют большую и нередко решающую роль в развитии общественных движений в Африке. Поэтому плюралистическая либерально-буржуазная система, скопированная с соответствующей системы бывших метрополий, оказалась искусственной, неорганичной современным условиям и потребностям африканских стран. В противовес этой системе в ряде стран утвердился новый тип социальной демократии — ре-

волюционно-демократические режимы. Они отражают «стремление большой группы политических деятелей осуществить революционную перестройку африканского общества демократическими методами при опоре на самые широкие слои народа»¹⁸.

Сами африканские сторонники некапиталистического развития понятию «демократия» придают такие черты, которые появились в революционную эпоху, в процессе подъема революционной энергии масс. Речь идет о мобилизации всего населения на преобразование общества, о вовлечении широких масс в государственную деятельность. Такая концепция восходит к наиболее широкому определению демократии как власти народа, наполнена революционным содержанием и может служить эффективным орудием социального прогресса. Негативная оценка буржуазной историографией политической практики тех африканских государств, где у власти стоят революционные демократы, как правило, объясняется отнюдь не заботой о демократии, а недовольством тем направлением развития, которое выбрали эти страны.

*Буржуазная историография
о роли буржуазии, пролетариата
и крестьянства в африканской революции*

Значительное место в работах западных буржуазных авторов уделяется оценке революционного потенциала различных классов и социальных групп африканского общества, а также классовых союзов, складывающихся в ходе революционных преобразований. В концепциях, выдвигаемых западными авторами, подчеркиваются специфические черты развития стран Африки, Азии и Латинской Америки и доказывается, что в силу этой специфики роль классов в них иная, чем в западных странах, а потому марксистская теория классов и классовой борьбы якобы там неприменима.

Цель буржуазных экономистов, политологов и социологов — исследовать возможности расширения социальной базы капитализма в развивающихся странах Африки. Их интересует вопрос, в какой степени африканская буржуазия может способствовать «омоложению капитализма» и укреплению мировой капиталистической системы в целом. Многие из них приходят к неутешительным выводам о том, что африканская буржуазия недостаточно энергична, предприимчива, не готова к риску. Другие исследователи, напротив, считают неизбежным превращение представителей имущих слоев и классов в этих странах из малоинициативных дельцов бюрократически-предпринимательского типа в капиталистических предпринимателей¹⁹.

Что касается африканского пролетариата, то утверждается, что он лишен революционного потенциала, поскольку находится

в более привилегированном положении по сравнению с крестьянством и не подвергается такой эксплуатации, как крестьяне. При этом значительная часть буржуазных исследователей левого направления акцентирует внимание на уровне доходов, выделяет категории «бедных» и «богатых», игнорируя классовую принадлежность. Применительно к Африке такой подход объективно ведет к выводу о противоположности интересов африканских рабочих и крестьян, а следовательно, о невозможности будущего политического союза между ними. Вскрывая несостоятельность подобных взглядов, английский ученый-коммунист Дж. Уоддис писал: «Бедность как таковая не поднимает революционный дух и не ведет к восприятию революционного мировоззрения»²⁰.

Разрыв в доходах рабочих и крестьян в ряде африканских стран действительно существует, и разрыв этот достаточно велик. Однако социальный статус этих категорий трудящихся отнюдь не определяется исключительно уровнем доходов, тем более что доходы рабочих, занятых в промышленной сфере, и крестьян, ведущих натуральное хозяйство, определяются различными факторами. Степень эксплуатации труда в современном промышленном секторе в действительности большая и качественно иная (более интенсивная), чем в сельскохозяйственном производстве. Таким образом, формальное сопоставление доходов не определяет враждебности рабочих и крестьян друг к другу. К тому же не существует прямой причинно-следственной связи между бедностью и революционностью. Африканский пролетариат и крестьянство самой логикой развития поставлены во враждебное отношение к местному и иностранному капиталу. Отсюда проистекает антиимпериалистическая, а затем и антикапиталистическая направленность их борьбы.

Теоретические попытки воздвигнуть непреодолимый барьер между рабочим классом и крестьянством беспочвенны, несмотря на все ссылки на специфичность африканского пролетариата. По своему общественному положению рабочие Африки принадлежат к передовой части африканского общества. Опыт освободительной борьбы многих африканских народов показывает, что сила крестьянского движения заключается в его неразрывной связи с революционной борьбой городских рабочих²¹. Характерно, что к этому выводу приходит и некоторая часть буржуазных авторов. Так, английский исследователь Н. Харрис писал: «Централизаторская и коллективистская логика современной промышленности ставит пролетариат в положение единственного гаранта революции»²².

Особое внимание буржуазные авторы уделяют революционной роли африканского крестьянства, составляющего большинство самостоятельного населения африканских стран. Деревня продолжает оставаться ядром и оплотом традиционного сектора в экономике этих стран и в этом плане оказывает огромное

влияние на жизнь и развитие города. Как показывает опыт Алжира, Кении, крестьянство может стать и решающим фактором революционного движения. Африканское крестьянство, как и крестьянство других развивающихся стран, подчеркивает Л. И. Брежнев, — «могучая революционная сила. Но это, как правило, — стихийная сила, со всеми вытекающими отсюда колебаниями, со всеми противоречиями в идеологии и политике. Да иначе пока и быть не могло, так как подавляющая часть крестьян до сих пор живет там в условиях чудовищной нищеты и бесправия, непреодоленных феодальных, а подчас и дофеодальных отношений»²³.

Первыми обратились к крестьянской теме мелкобуржуазные исследователи леворадикального направления. Противопоставляя «нации-пролетарии» «нациям-буржуа» (или «богатые нереволуционные нации» «бедным революционным»), некоторые идеологи левого радикализма на Западе считают, что поскольку основную массу населения Азии, Африки и Латинской Америки составляют крестьяне, то именно они, а не пролетарии способны выступить в качестве ведущей революционной силы современности. При этом особенно подчеркивается немногочисленность рабочего класса, в первую очередь промышленного пролетариата классического типа, и отсталое политическое и классовое сознание остальных пролетарских слоев, прежде всего сельскохозяйственного пролетариата в деревне²⁴.

Например, Малькольм Колдуэлл, близкий к леворадикальным кругам и явно находящийся под влиянием теории Ф. Фанона, рассматривает крестьянство как авангардную силу революционного движения в Африке. «В сегодняшнем мире, — пишет он, — крестьяне являются наиболее бедными, неуловленными и лишенными привилегий, поэтому „революционны только крестьяне, так как им нечего терять, а приобретут они все“» (последние слова — изречение Ф. Фанона, перефразировавшего известные слова К. Маркса о миссии пролетариата)²⁵.

В ряде исследований, появившихся в буржуазной африканистике за последние годы, выдвигаются концепции, в которых в противовес леворадикальным теориям утверждается, что крестьянство не способно возглавить революцию и довести до конца революционные преобразования. Более того, в некоторых работах ставится под сомнение вопрос о том, можно ли вообще применительно к африканским условиям использовать термин «крестьянство», иными словами, можно ли считать крестьянами скотоводческие и пастушеские племена, сезонных рабочих и другие социальные группы, которые продолжают оставаться в сфере так называемой «семейной экономики». Известный специалист в области социальной антропологии, английский исследователь Л. А. Фаллерс, в одной из своих статей так прямо и ставит вопрос: «Можно ли африканских земледельцев называть „крестьянами“?»²⁶.

Другой английский ученый, Колин Лейз, выдвигает точку зрения, согласно которой «крестьянство в Африке следует рассматривать как переходный класс»²⁷. Некоторые западные авторы дифференцируют крестьян на несколько социальных категорий. Значительный интерес в этой связи представляет концепция видного английского экономиста Дж. Саула, который считает, что крестьянство в Африке эволюционирует в двух направлениях: одна часть превращается в капиталистических фермеров, другая — в пролетариев. Революционные потенции африканского крестьянства, по Саулу, сильно преувеличиваются, поскольку оно не подвергается такой эксплуатации, как в Азии или Латинской Америке. Дж. Саул пишет, что специфика положения крестьянства в Африке заключается в том, что здесь отсутствует феодализм в чистом виде, система частного землевладения распространена не повсеместно, а система эксплуатации деперсонализирована²⁸. Кроме того, он отмечает отсутствие такой перенаселенности и земельного голода в сельских местностях Африки, как на других континентах.

Подобная специфика, по мнению Дж. Саула, препятствует объединению африканских крестьян и созданию политических организаций, подобных тем, которые создаются в городах. На этом основании он вообще отказывает африканским крестьянам в революционности. Полемизируя с Ф. Фаноном, он пишет, что если крестьяне и способны подняться на борьбу за политическое и национальное освобождение, то непосредственные выступления против империализма и капитализма, т. е. за свои социальные права, им уже не под силу²⁹.

Если в работе Дж. Саула рассматривается социальный и экономический аспект проблемы участия крестьян в революции, то в работе «Движение „Мау-Мау“. Крестьянское и антиколониальное восстание в Черной Африке»³⁰, принадлежащей голландскому исследователю Р. Бейтенхейсу, анализируется политическая сторона этой проблемы. Тем не менее Бейтенхейс, так же как Саул, не верит в революционные потенции крестьянства в Африке.

Свою концепцию Бейтенхейс строит на основе анализа крупнейшего крестьянского восстания в Тропической Африке — движения Мау Мау, развернувшегося в 40—50-е годы в Кении. Он приходит к выводу, что сами по себе крестьянские массы способны лишь на «восстание», а не на революцию. Решающим отличием «революции» (*révolution*) от простых «восстаний» (*révolte*) автор считает наличие в ее руководстве интеллигентов, овладевших достижениями «господствующей цивилизации», т. е. цивилизации западного мира, и способность масс в достаточной степени усвоить «вклад интеллигенции». Развивая мысль известного английского исследователя-марксиста Э. Хобсбаума о слиянии архаических бунтов с современными революционными движениями³¹, Р. Бейтенхейс пишет, что и сегодня крестьян-

ские восстания, подобно «могучей и полноводной подземной реке, существуют внутри революции»³².

Сопоставляя антиимпериалистические революции в Алжире, на Кубе, во Вьетнаме и аналогичные движения в странах Тропической Африки, в частности движение Мау Мау, Бейтенхейс приходит к выводу о том, что по своей форме и содержанию последние имеют больше сходства со средневековыми крестьянскими движениями (жакерия, восстание Уота Тайлера), нежели с революциями современного типа. Для антиколониальных движений в Африке, пишет он, характерны стихийность, отсутствие централизованного руководства, нечеткость политических лозунгов, сильный налет религиозности и мистицизма. Его вывод состоит в том, что крестьянство, отягощенное грузом традиций, пережитков, верований, не способно к революционным действиям, и поэтому любые его выступления обречены на провал.

Таким образом, для западных ученых-африканистов характерен различный подход к оценке африканского крестьянства вообще и его роли в национально-освободительном движении в частности. Буржуазные и мелкобуржуазные исследователи либо вовсе игнорируют крестьянство, считая его реакционной силой, либо возводят его до положения авангарда мировой революции, приписывая ему «сверхреволюционные» черты.

Социальные процессы, развивающиеся в африканской деревне, постепенно создают предпосылки для более активного участия крестьянства в борьбе на стороне прогрессивных, антиимпериалистических сил. Однако, как показывает опыт, этот класс в силу объективных причин остается наиболее «тяжелым на подъем» слоем населения. Большинство крестьян неграмотно, невежественно, религиозно, опутано сетью трибалистских представлений. Огромное идеологическое влияние оказывают на них вожди, местные феодалы, религиозные руководители. Всесторонний учет революционных возможностей крестьянства, сильных и слабых сторон крестьянского движения в Африке позволяет утверждать, что крестьянство не является однородным, хорошо организованным классом, способным выработать идеологическую платформу и возглавить антиимпериалистическую борьбу.

Военные — новая революционная сила в Африке?

За последние годы в буржуазной науке утверждается взгляд на средние городские слои — чиновничество, военных, студенчество, интеллигенцию — как на важную социальную и политическую силу, способную в определенных условиях на решительные революционные действия. Особая роль при этом отводится военной интеллигенции, офицерству.

В западной буржуазной литературе можно найти различные, порой противоположные оценки роли военных в социально-политической жизни африканского общества. Одни авторы считают армию реакционным элементом в обществе, подчеркивают склонность ее к путчам. Другие объявляют офицеров новым поколением «революционеров в мундирах». Военных рассматривают как новую силу, которой принадлежит важная роль в дальнейшем ускорении социального движения в развивающихся странах Африки, не исключая возможности участия их в таких движениях, которые могут положить начало социалистической революции.

В работе американского исследователя Е. Лефевра «Копье и скипетр. Армия, полиция и политика в Тропической Африке» армии отводится главенствующая роль в процессе становления государственности в Африке как «наиболее детрибализированному и модернизированному институту в государстве», как «строителю нации»³³. Постоянные перевороты и политическая нестабильность в Африке заставляют рассматривать армию как единственного гаранта законности и порядка, пишет Лефевр. Он подчеркивает надклассовый и наднациональный характер этого института африканского общества.

Другой американский автор, Р. Лакэм, в работе «Нигерийские военные. Социологический анализ власти и восстания 1960—1967 гг.» рассматривает армию в качестве особой социальной общности. Внутри нее он выделяет офицерский корпус как специфическое корпоративное объединение, членов которого сближают социальное происхождение, совместное обучение и собственно военная карьера. В доказательство этого автор приводит высказывание нигерийского генерала Иронси о том, что «армия — это братство» и что «ее члены особенно остро ощущают потребность в корпоративной жизни»³⁴. Р. Лакэм отдает должное способности военных осуществить государственный переворот, однако вывод, к которому он приходит, анализируя политическую роль нигерийской армии, состоит в том, что офицерство не способно руководить государственным механизмом и довести до конца революционные преобразования в силу узости своей социальной базы и трудностей включения военных в политическую жизнь. К этому следует добавить, пишет Р. Лакэм, отсутствие у офицеров, по сравнению с политиками, законченной идеологии, негибкость и упрощенность их политических представлений.

Еще более жесткую оценку политической роли военных в революциях в Африке дает американский политолог либерального направления Р. Ферст в книге «Ствол винтовки. Политическая власть в Африке и перевороты». Главная цель работы Р. Ферст — опровергнуть политические теории, в соответствии с которыми армия в развивающихся странах выступает в роли модернизатора и является единственной революционной силой.

Подобная идеализация роли армии в социально-политической жизни африканского общества, пишет Ферст, неуместна, поскольку армия более, чем какой-либо другой политической институт, сохраняет черты и традиции колониального прошлого. В доказательство этого Ферст ссылается на то, что ни в одной стране Тропической Африки армия не участвовала в национально-освободительном движении и не оказала практически никакого воздействия на ход деколонизации. Напротив, она всегда выступала на стороне колонизаторов³⁵.

Другой западный исследователь, Самюэль Декало, рассматривая побудительные причины военных переворотов в Африке, характеризуя политические системы тех африканских государств, где у власти стоят военные, пишет, что не следует идеализировать африканских военных, офицерство. По словам Декало, они вовсе не являются модернизированной, вестернизированной и наилучшим образом организованной прослойкой африканского общества. Более того, офицерский корпус во многих африканских армиях подвержен коррупции не в меньшей степени, чем та гражданская администрация, которая свергается в результате военного переворота. После прихода к власти, пишет Декало, военные режимы в большинстве стран Африки не способны обеспечить внутреннюю политическую стабильность и эффективное руководство национальной экономикой³⁶.

В общем виде проблема, поставленная буржуазными идеологами, формулируется следующим образом: можно ли в специфических условиях Африки рассматривать военных как новую движущую силу революции? Ответ на этот вопрос далеко не однозначен. Действительно, несколько десятков военных переворотов, происшедших в странах Тропической Африки после достижения ими политической независимости, показали, что они характерны для политической жизни и социального развития Африки. Однако это вовсе не означает, что военные, придя к власти, сразу же без промедления приступают к осуществлению революционных преобразований в стране. Чаще всего после проведения чистки скомпрометировавшей себя гражданской администрации военные руководители оставляют неизменной социальную и политическую структуру страны. Опыт многих африканских государств, в которых произошли военные перевороты, показывает, что приход военных к власти не обязательно связан с коренной трансформацией общества, с революционными преобразованиями в интересах трудящихся. Более того, многим военным режимам в Африке, установившимся в результате военных переворотов, свойственна тенденция к корпоративно-бюрократическому перерождению. «...Очутившись перед неизбежным выбором: союз с трудящимися классами и последующая „передача гегемонии“ революционным партиям или лрвращение в новую правящую и тем самым объективно противостоящую народу касту, вчерашние революционеры в мун-

дирах зачастую избирают второй путь — путь контрреволюционного термидорианского перерождения... Единственный способ избежать этого — это провести, подчас собственными руками, коренную демократическую трансформацию режима»³⁷.

Военные режимы во многих странах Африки действуют, как правило, антидемократическими методами, даже если они осуществляют прогрессивные преобразования. Отсюда постоянная опасность скатывания этих режимов вправо, угроза их превращения в авторитарные.

Наоборот, там, где возникают и усиливаются революционно-демократические тенденции в армии, в том числе среди офицерства, ускоряется ход революционного развития. В ряде африканских государств, где у власти стоят военные (Ангола, Бенин, Мадагаскар, Конго, Эфиопия), происходят важные революционные преобразования, связанные с построением в перспективе социалистического общества. Следовательно, вопрос о том, являются ли военные новой революционной силой в Африке, необходимо рассматривать в конкретном контексте политического развития каждой африканской страны.

Проблема «мирных» и «немирных» форм борьбы

Предметом особенно острой идеологической дискуссии стала в последние годы проблема соотношения мирных и насильственных методов революционной борьбы, использования в ходе революционных преобразований традиционных форм политической демократии (в частности, политических учреждений).

Сторонники насильственных методов борьбы в Африке основываются главным образом на опыте революции в Алжире, обобщенном в трудах Ф. Фанона. В их работах абсолютизация вооруженной борьбы оправдывается тем, что в современных условиях усиливается значение принуждения и особенно самой его грубой формы — физического насилия.

Представляя насилие в качестве единственной формы революции, леворадикальные идеологи связывают процесс преобразования общества прежде всего с «революционной войной», приобретающей форму партизанской войны. «Революционную войну» они считают «высшей формой классово-борьбы», наиболее бескомпромиссным проявлением революционного духа, самым эффективным в современных условиях способом борьбы против империализма и в конечном счете объективным законом революции. Авторы ультралевых и мелкобуржуазных анархистских теорий объявляют насилие не только единственно возможным методом разрешения социальных проблем, но и средством психологического очищения от «мелкобуржуазной скверны». Близкий к ультралевым кругам американский философ Л. РубинOFF пишет: «Насилие, разгул, беспорядок могут рассматри-

ваться как определенный моральный ответ на лицемерие и аморальность, заразившие мир социальных отношений»³⁸.

Выдающийся представитель леворадикальной идеологии Франц Фанон после длительных поисков и раздумий о том, каким образом угнетенные народы могут вернуть себе достоинство, попранное колониализмом, пришел к следующей мысли. Единственной альтернативой, по мнению Фанона, должно было стать «революционное насилие», «революционная жестокость» по отношению к колонизаторам, ибо «насилие — это сущность колониализма, который отступает только перед еще большим насилием»³⁹.

Так называемая легальная политическая борьба (создание национальных партий, печатная пропаганда и т. п.) ведет, по мнению Фанона, лишь к «увеличению числа освобожденных невольников», в то время как насилие, война — способ психологической ломки угнетенного. По Фанону, в горниле вооруженной борьбы вырастает новый человек, это единственный способ «очищения психики раба», путь к созданию нового общества. «Насилие, — пишет Фанон, имея в виду всеобщее вооруженное восстание, — в основе своей есть фактор, суммирующий национальный»⁴⁰. Настойчивость Фанона в утверждении принципа вооруженного насилия имеет политическую заостренность; он противопоставляет этот принцип африканской идеологии ненасилия, сторонники которой боялись массовых народных выступлений и искали компромисса с колонизаторами.

В своей концепции «революционного насилия» Фанон отразил одну из характерных черт политического сознания «новых левых» — революционный романтизм и утопизм, вообще типичный для непролетарских антикапиталистических движений, особенно молодежных.

В ряде исследований конкретных форм партизанской борьбы африканских народов против колонизаторов, таких, например, как работа Д. Барнетта и К. Нджама «Мау Мау изнутри», Дж. Маркэма «Ангольская революция»⁴¹, указывается на историческую ограниченность, распыленность этих движений, на слабость их идеологической базы, отсутствие подлинного централизованного руководства и сильное влияние триализма, препятствующего объединению народа в ходе войны.

Следует отметить, что сторонники насильственных форм борьбы составляют самую немногочисленную часть западных исследователей африканской революции. Большинство этих авторов либо рассматривают леворадикальных сторонников революционных войн как «новых милитаристов», либо относят их радикализм на счет юношеской романтики. Стремясь дискредитировать и опорочить само понятие «революция», правые буржуазные идеологи приписывают сторонникам вооруженных методов преобразования общества «страсть к разрушению», «культ насилия» и пр. Они рекомендуют осуществлять социаль-

ные преобразования только мирными средствами, не выходя за рамки законности, противопоставляют действенным революционным формам борьбы, влекущим за собой коренную социальную перестройку общества, эволюционные политические и экономические изменения, проводимые «сверху»⁴².

Появление, с одной стороны, крайне левых доктрин, абсолютизирующих насилие, а с другой — правореформистских концепций, цель которых — лишить национально-освободительное движение революционной перспективы, сужает и ограничивает круг действий революционных сил в Африке. Опыт освободительной борьбы во многих африканских странах показывает, что без гармоничного сочетания вооруженной борьбы с осуществлением социальных преобразований в интересах всего народа революция не может иметь успеха.

В этой связи положения марксистско-ленинского учения о партизанской войне, вооруженном восстании имеют большое значение для современных национально-освободительных революций, особенно сейчас, когда борьба за национальное освобождение все более переплетается с борьбой против феодальной и капиталистической эксплуатации, когда неуклонно растет политическая роль молодого рабочего класса.

Буржуазный реформизм и африканские идеологи

На Африканском континенте идет все обостряющаяся идеологическая борьба, в которой нетрудно обнаружить две тенденции: тенденцию, тяготеющую к научному социализму, и тенденцию, объективно связанную с буржуазной идеологией, испытывающую на себе влияние антикоммунизма. В этих условиях выработка отношения к концепциям непролетарского, антиимпериалистического социализма, критика их с марксистских позиций приобретает исключительно важное значение.

В конкретных условиях африканской действительности между революционными концепциями африканских идеологов порой очень трудно провести четкую грань, поскольку одни и те же положения можно встретить и в доктринах умеренно реформистского толка (Л. Сенгор), и в мелкобуржуазных утопических концепциях (К. Каунда), и в революционно-демократических теориях, близких к научному социализму (Дж. Ньерере, К. Нкрума, А. Кабрал). Для всех них характерно эклектическое переплетение идей утопизма, национализма, анархизма и религиозности с идеями антиимпериализма, антиколониализма и антикапитализма. Вследствие этого революционные концепции африканских идеологов ни в коей мере нельзя рассматривать по аналогии с западноевропейскими теориями революции или русским народничеством. Они возникли на иной почве, в

иную историческую эпоху, когда на мировой арене существуют две мировые социально-экономические системы — социалистическая и капиталистическая — и когда огромное влияние на африканских идеологов оказывают идеи научного социализма.

Взгляды африканских идеологов складывались на почве африканской действительности, где сохранялись различные формы традиционных, коллективистских связей. Другим источником общественно-политических концепций, получивших распространение в Африке, явились различные течения западноевропейской социалистической мысли, в частности учение о справедливом распределении богатства социалистов-утопистов, идеи лейбористских реформистов, «фабианский социализм», тесно связанный с христианским учением. Большое влияние на африканских идеологов, особенно на раннего Дж. Ньерере, оказала философия неотомизма.

Что касается научного социализма как одного из факторов воздействия на формирование африканских общественно-политических концепций, то неприятие марксизма, непонимание и искажение его столь же свойственны африканским идеологам, как и симпатии к марксизму, попытки использовать те или иные его положения.

На рубеже 60—70-х годов ускорилась прогрессивная эволюция революционно-демократической идеологии, происходило ее сближение с научным социализмом, а в ряде стран и признание марксизма-ленинизма в качестве официальной идеологии правящей партии и государства. Руководители Народной Республики Ангола, Народной Республики Бенин, Народной Республики Конго, Народной Республики Мозамбик заявили о своем намерении создать авангардную партию на основе научного социализма, некоторые из них уже делают первые шаги по пути создания такой партии. При этом за рабочим классом они признают миссию передовой силы революции. Наряду с подобными качественно новыми сдвигами в ряде африканских стран сохраняется влияние на революционно-демократическую идеологию буржуазного реформизма.

Для многих африканских теоретиков проблема выбора пути развития видится в том, чтобы объединить достижения западной технической цивилизации с «гуманным традиционным африканским обществом», с тем чтобы модернизация не означала простую вестернизацию, отказ от традиционных культурных ценностей, а главное — упадок того духа коллективизма и взаимопомощи, который и составляет, по мнению некоторых африканских идеологов, вклад Африки в мировой прогресс.

Наиболее полное выражение этот тезис нашел в социальных теориях, ориентированных на путь реформ и эволюционных изменений в африканском обществе. Реформистские идеологи противопоставляют национальное классовому, проповедают социальный мир в разьедаемом противоречиями обществе. Тем

самым они способствуют упрочению политического господства правящих групп, сохранению экономического господства империализма в развивающихся странах. Стремление затушевать противоречия, призыв к сотрудничеству и гармонии всех классов — неотъемлемые черты реформизма. Вместе с тем распространяется мысль о «непригодности» для развивающихся стран Африки и научного социализма, и подлинной независимости.

В странах Африки реформистская идеология нашла проявление в концепциях президента Сенегала Л. Сенгора, президента Туниса Х. Бургибы и др.

Еще в 30-е годы Л. Сенгор сформулировал концепцию «негритюда», которая получила развитие в его позднейших произведениях. Смысл концепции Сенгор заключил в афоризме: «Эмоции — принадлежность черных, разум — греков». По его мнению, европейцы несут с собой рационализм, их цивилизация — «цивилизация анализа, математики, механики, материального благосостояния, власти, духовной нищеты»⁴³. Наоборот, африканцы, по Сенгору, лишены рационального подхода к жизни, эгоизма; африканское общество состоит из людей, которые стремятся к расцвету человеческой личности. Отсюда делается вывод о неприменимости к африканским условиям как западных социальных, политических и экономических концепций, так и научного социализма.

Л. Сенгор предложил концепцию негро-африканской демократии, отличительной чертой которой является существование «одной большой объединенной партии внутри единой нации, нации с единой душой, с едиными устремлениями»⁴⁴. Разъясняя свою позицию по этому вопросу, Л. Сенгор заявил в одном из интервью: «Я представлял себе социализм как систему, основанную на социальной справедливости и свободе. Сегодня сенегальский путь к социализму не сводится к катехизису, импортированному для слаборазвитых стран. Напротив, перечитав Маркса и Энгельса, мы понимаем, что марксизм — диалектический метод, переосмысливаемый нами самими и для нас самих в свете негро-африканской действительности. Из этой позиции вытекает наша концепция демократии»⁴⁵.

Идею «национальной самобытности» Сенгор противопоставляет той социальной и психологической ломке, которую влечет за собой надвигающийся капитализм. Сложные социальные преобразования он предлагает решать ненасильственными методами, которые-де приведут к коренной трансформации социально-экономической структуры африканского общества. Не случайно в западной литературе нередко сравнивают «негритюд» с русским славянофильством XIX в. Так, французский социолог Ж. Вэлан определяет обе эти концепции как проявление «антизападного патриотизма»⁴⁶.

Теоретической основой программы возглавляемой Х. Бургибой Социалистической дустуровской партии (СДП) стала кон-

цепция так называемого дустуровского социализма («Дустур» — «Партия конституционной свободы» — была одной из первых в Северной Африке буржуазных партий). «Тунисский социализм, — заявил Х. Бургиба на VII съезде СДП в октябре 1964 г., — основывается на сотрудничестве и гармонии между всеми категориями и классами. Он охватывает и свободное предпринимательство, не пытается уничтожить буржуазию, чтобы захватить ее собственность»⁴⁷. Концепция «дустуровского социализма» включает в себя тезисы о национальном единстве, об отсутствии в стране классовой борьбы, о гармонии и сотрудничестве между всеми категориями населения во имя всеобщего блага, об общественной функции частной собственности на средства производства и пр. Первостепенное значение в ней придается кооперативному движению. Теоретики «дустуровского социализма» рассматривают его как «постоянное сосуществование трех основных секторов: государственного, кооперативного и частного»⁴⁸, а следовательно, и сосуществование различных, в том числе антагонистических, классов.

Говоря о концепции Х. Бургибы, нельзя не отметить, что тунисская действительность рисует иную картину. Вопреки прогнозам идеологов «дустуровского социализма», в стране обостряются социальные конфликты, о чем свидетельствуют многочисленные забастовки трудящихся, объявляемые правительством «незаконными»; растет безработица, тысячи тунисцев вынуждены покидать родину в поисках работы за границей. Увеличивается пропасть по уровню доходов между имущими слоями и трудящимися; усиливаются инфляционные тенденции.

Особенно сложная политическая обстановка сложилась в Тунисе в конце января 1978 г., когда по призыву Всеобщего тунисского объединения труда (ВТОТ) в стране была проведена массовая 24-часовая забастовка. Основной причиной создавшейся ситуации было ухудшение положения трудящихся и как следствие этого — острые противоречия между тунисскими профсоюзами и руководством страны по некоторым аспектам внутренней государственной политики. Забастовка вылилась в столице в столкновения манифестантов с полицией; тунисское правительство объявило в стране чрезвычайное положение.

В последние годы идеологи социал-реформизма в Африке предпринимают значительные усилия для того, чтобы противопоставить буржуазно-реформистские преобразования, которые из тактических соображений они продолжают именовать революцией.

Распространению буржуазной реформистской идеологии способствует деятельность в Африке Социалистического интернационала. Его лидеры стремятся воспрепятствовать распространению там марксистско-ленинской идеологии, опыта социально-экономических преобразований в Советском Союзе и других

социалистических странах. При этом ставка делается на неустойчивость социально-политической обстановки в ряде африканских государств.

Первый конгресс Социалистического интернационала, проходивший в 1951 г. во Франкфурте-на-Майне, показал несостоятельность лидеров европейской социал-демократии при решении проблем национально-освободительного движения. Симптоматично, что в принятом конгрессом документе «Цели и задачи демократического социализма» эти проблемы были полностью обойдены. В последние годы тактика лидеров Социалистического интернационала коренным образом изменилась. Они принимают активное идеологическое наступление на африканские страны. Их целью является поиск новых идейных союзников для укрепления международных позиций социал-реформизма и превращения его в политическую опору национальной буржуазии развивающихся стран. Лидеры Социалистического интернационала утверждают, что научный социализм неприемлем для Африки, стремятся направить африканские страны по так называемому третьему пути развития в соответствии с концепцией «демократического социализма», предполагающей неизбежность трансформации капитализма в социализм без классовой борьбы и социалистической революции.

В резолюции X конгресса Социнтерна (май 1966 г., Стокгольм), на котором вопрос об отношении к освободившимся странам был одним из главных, утверждалось, что «демократический социализм» является единственной системой, в рамках которой может быть достигнута трансформация структур, необходимая для быстрого развития в условиях социальной справедливости. В статье члена Социнтерна и бывшего советника Л. Сенгора Жана Руса, опубликованной в газете «Аксон» в июле 1973 г., говорилось, что для Африки «демократический социализм» представляет собой сочетание однопартийности (в Европе социал-демократы отстаивают многопартийность!) с демократическими свободами. Одновременно проповедовалась идея постепенного приспособления к африканским условиям «модели западной демократии». В экономическом плане, писал Ж. Рус, «демократический социализм» предусматривает наличие нескольких секторов в экономике: государственного, смешанного, частного и кооперативного.

Но, несмотря на идеологические и политические усилия лидеров Социнтерна, позиции его в Африке до недавнего времени были крайне слабы. Социал-демократы поддерживали более или менее стабильные связи лишь с немногими африканскими политическими партиями, в частности с потерпевшими политическое банкротство Малагасийской социалистической партией, Маврикийской социал-демократической партией, с находящимся на службе иностранных кругов руководством Национального фронта освобождения Анголы (ФНЛА). Это объясняется тем, что

в течение многих лет руководители западноевропейской социал-демократии проводили политику, враждебную интересам национально-освободительного движения. Они были, по существу, на стороне империалистических и колониальных сил в период суэцкого кризиса, освободительной борьбы в Алжире и в Индокитае, политического кризиса на Ближнем Востоке.

Для «наведения мостов» в Африку руководство Социинтерна предполагало использовать конференцию африканских политических партий, созванную по его инициативе в Тунисе в июле 1975 г. Социал-демократы избрали ее в качестве плацдарма для оказания давления на политические партии Африки. Реализовать свои замыслы полностью им не удалось, но они оказали определенное влияние на ход и итоги конференции.

Первоначально предполагалось организовать встречу африканских и европейских социал-демократических партий, однако большинство африканских политических деятелей не откликнулись на эту идею. Тогда подготовительный комитет принял решение пригласить в Тунис представителей всех политических партий и национально-освободительных движений, признанных Организацией африканского единства. В качестве наблюдателей на конференции присутствовали «эксперты по африканским вопросам» от социалистических партий Европы.

Выступивший на конференции Л. Сенгор призвал «критически перечитать глазами африканцев произведения основоположников научного социализма», пересмотреть его коренные положения о классовой борьбе, социалистической революции и т. п. Он попытался представить дело так, будто научный социализм является идеологией «иностранной», чуждой действительным интересам народов Африки. Однако его доводам, опирающимся на проповедь мистической исключительности африканцев, был дан отпор со стороны представителей революционно-демократических партий, принимавших участие в этой конференции.

Попытки африканских социал-реформистов «очистить» социалистические концепции от классовой борьбы, выдать за суть социализма ликвидацию неравенства не между классами, а между «богатыми» и «бедными» нациями вызвали возмущение делегатов радикальных политических движений, в частности представителей Конголезской партии труда.

Х. Бургиба в своем выступлении заявил: «Многие стратеги основываются на убеждении, что эксплуатация человека человеком может быть ликвидирована путем установления диктатуры пролетариата во всех областях национальной жизни. Доктрина классовой борьбы приводит в конечном итоге к обществу, основанному на насилии, в то время как социалистическое общество должно основываться на гармонии, солидарности и свободной кооперации между всеми социальными категориями». «Что касается Социалистической дустуровской партии,— заявил

глава тунисского государства, — то классовой борьбе она противопоставляет экономическую демократию».

Соотношение сил на конференции сложилось так, что выработать общую платформу социально-экономического развития она не могла. Итоговая декларация — единственный документ, принятый конференцией, носила весьма расплывчатый и противоречивый характер. Ее рекомендации не вышли за рамки традиционных социал-демократических программ, признающих необходимость «справедливого планирования» и усиления прямого и косвенного вмешательства государства в экономику.

Участники конференции подтвердили принадлежность представляемых ими стран к движению неприсоединения, высказались за необходимость создания нового международного экономического порядка. Вместе с тем в декларацию вошли положения, противоречащие этим позициям и, по существу, одобряющие неокOLONиалистскую идею «евро-арабо-африканского сотрудничества». В соответствии с этой идеей, принятой ныне на вооружение европейскими неокOLONиалистскими кругами, могут быть объединены европейская техника и технология со свободными ресурсами арабских государств и огромными природными ресурсами стран Африки. При этом, конечно, не указывается, в чьих интересах такое «сотрудничество».

Организаторам конференции не удалось превратить ее в постоянную организацию ввиду противодействия ряда государств с революционно-демократическими режимами. Вместо этого было решено созвать через два года следующую конференцию в столице одной из африканских стран. Это означало неудачу одного из основных замыслов Социалистического интернационала и проводников его идей в Африке.

Тем не менее курс на сближение европейской социал-демократии с африканскими странами продолжается. На XIII конгрессе Социалистического интернационала (Женева, декабрь 1976 г.) в эту организацию была принята правящая Социалистическая партия Сенегала, а ее генеральный секретарь, президент страны Л. Сенгор был избран заместителем председателя Социнтерна. Заявления о «демократическом социализме» как о «третьем пути», следуя которому только и можно решить все проблемы развивающихся стран, вновь прозвучали с его трибуны и нашли отражение в его решениях.

В конце декабря 1977 г. в Дакаре состоялась встреча представителей ряда африканских партий с целью образования Конфедерации африканских социалистических партий (КАСП), или Африканского социнтерна. Состав представленных организаций выглядел так: Социалистическая партия Сенегала, Социалистическая дустуровская партия (Тунис), Суданский социалистический союз, Арабский социалистический союз (Египет), Народная прогрессивная партия (Гамбия), Объединенная партия национальной независимости (Замбия), «Истикляль» и

Социалистический союз народных сил (Марокко), Лейбористская партия (Маврикий), Маврикийская социал-демократическая партия, Партия мавританского народа. Представители Африканской партии независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса и Народного движения революции (Заир) присутствовали на совещании в качестве наблюдателей. Все представленные партии, а также Социалистическая партия Португалии и Социалистическая партия Франции (одновременно представлявшая Социалистический интернационал) были приглашены гостями на IX съезд Социалистической партии Сенегала, проходивший накануне.

На рассмотрение участников конференции был предложен проект хартии КАСП, который, однако, не был одобрен из-за разногласий. Так, ряд участников совещания указали на необходимость усилить формулировку об укреплении африканского единства, другие отметили отсутствие «африканского акцента» в хартии, в частности в определении понятий «демократия» и «социализм». Некоторые участники выступили против того, чтобы КАСП стала «орудием давления на африканские тоталитарные режимы». В плане будущих отношений с Социнтерне возникли проблемы, связанные с возможными и «нежелательными», по мнению делегатов, контактами арабских представителей — членов КАСП с представителями Израиля в Социнтерне. В итоге вопрос об учредительном съезде КАСП был отложен до следующей конференции, которую было намечено созвать в Каире в октябре 1978 г.

Л. Сенгор заявил, что КАСП должна стать «эффективным фактором политического, экономического и социального развития Африканского континента». Членом КАСП может стать любая партия континента, основывающая свою доктрину и программу действия на «демократическом социализме». По мнению некоторых африканских политических деятелей, планы создания КАСП знаменуют собой попытку расколоть Африку, возродить группировки государств, которые существовали на континенте в начале 60-х годов до создания ОАЕ⁴⁹.

Сама жизнь показывает, что в современных условиях для победы национально-освободительного движения необходима обоснованная программа, учитывающая как объективные закономерности развития антиколониальной революции, так и специфику места, условий и времени, в которых она протекает. Не случайно и то, что в процессе практической революционной борьбы часть революционной демократии все ближе подходит к научному марксистскому мировоззрению, а ее политические позиции сближаются с позициями коммунистических партий. В основе такого сближения лежат объективные факторы социально-экономического и политического развития современной Африки.

III

*ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА:
РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС
И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В БУРЖУАЗНОЙ
И МЕЛКОБУРЖУАЗНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ*

За последние десятилетия страны Латинской Америки стали ареной острых экономических кризисов, ожесточенной социальной и политической борьбы. Как отмечалось на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 г., в Латинской Америке «борьба за подлинный национальный суверенитет и экономическую независимость переплетается с острой классовой борьбой против капиталистической эксплуатации и прежде всего против иностранных и местных монополий и латифундистов... Идет борьба за демократические требования и против тиранических диктатур... В этом районе мира развиваются боевые демократические и антиимпериалистические движения, революционные процессы, которые откроют путь к социализму»¹. Прошедшие после совещания годы полностью подтвердили данную характеристику основных направлений социальных процессов в Латинской Америке.

Со второй половины 60-х годов на авансцену Латинской Америки выступил новый исторический конфликт, отодвинувший на задний план противоречия, которые определяли предыдущие крупные периоды исторического развития (между консерваторами и либералами, между «традиционной» олигархией и промышленной буржуазией). Этот конфликт — между «новой» олигархией и блоком демократических сил — определяет современное политическое развитие большинства латиноамериканских стран. Различные группировки трудящихся начинают понимать, что они противостоят единому блоку империализма и местной реакции, и в своей борьбе все настойчивее выходят за рамки капиталистических решений².

За 60-е и 70-е годы в результате довольно быстрого, хотя и деформированного, промышленного развития в странах Латинской Америки окреп рабочий класс. В авангарде борьбы пролетариата стоят коммунистические и рабочие партии, объединяющие в своих рядах около 600 тыс. человек.

Рабочий класс, крестьянство, различные группы так называемых средних слоев (мелкая буржуазия, ремесленники, торговцы, служащие, студенчество) все более активно участвуют

в политической жизни и потенциально могут составить базу левого демократического блока. Вместе с тем в результате люмпенпролетаризации огромная масса населения утрачивает прежнее социальное положение без реальной перспективы на участие в производстве. Существует постоянная угроза распространения в этих слоях экстремистских — ультралевых и ультраправых — настроений.

Конец 60-х годов для многих стран Латинской Америки стал периодом мощного революционного подъема, периодом открытых столкновений демократических сил с проимпериалистической буржуазно-бюрократической олигархией. В своей борьбе левые силы опирались на давние традиции солидарности трудящихся³. В ряде стран были сделаны попытки завоевания левыми блоками политической власти, хотя пути к ней были весьма разными.

На Кубе единство революционных сил сложилось еще в конце 50-х — начале 60-х годов в ходе борьбы против диктатуры Батисты, в процессе социалистических преобразований. Антиимпериалистические группировки вместе с Народно-социалистической партией образовали Коммунистическую партию, которая возглавила революционный процесс. По-другому складывался блок Народного единства в Чили, где во главе движения стояли социалисты и коммунисты, сотрудничавшие с другими левыми политическими партиями. В Перу революционную инициативу взяло на себя антиимпериалистическое военное правительство, которое пыталось наладить сотрудничество с массовыми организациями трудящихся.

При всем разнообразии форм революционной борьбы в странах Латинской Америки можно отметить неуклонное возрастание роли рабочего класса. Его политический авангард — коммунистические партии многократно доказывали политическим союзникам и народным массам правоту своей линии, совершенство организационных приемов, превосходство марксистско-ленинских методов политического анализа и предвидения. На совещании компартий стран Латинской Америки в 1975 г. отмечалось, что «пролетариат стремится превратиться в главный фактор сплочения всех других демократических и антиимпериалистических социальных слоев»⁴.

Взаимоотношения в каждом из противостоящих сегодня друг другу социально-политических блоков очень сложны. Встречаются ситуации, когда определенные силы, которым по классово-логике место в рядах народного фронта, скажем, часть крестьянства, могут быть вовлечены олигархией в свой блок, попасть под его влияние. Это может относиться и к средним слоям, и к отдельным отрядам рабочего класса. В другой ситуации группы, относящиеся к крупной буржуазии, часть бюрократической элиты в силу обострившегося конфликта с империализмом либо с местным ультрареакционным режимом могут

поддержать политические требования демократических сил. Отдельные социальные группировки пытаются балансировать между двумя направлениями, подчас противоречиво совмещая в себе элементы обеих тенденций. Однако такая позиция весьма недолговечна и не может ни разрешить национальные проблемы, ни обеспечить стабильность правящих режимов.

Выявившаяся в начале 70-х годов тенденция к фашизации правящих эксплуататорских режимов в ряде государств Латинской Америки в определенной степени связана с экономической экспансией империализма. Но есть и прямая политическая связь ультраправых организаций, действующих в странах развитого капитализма, с их единомышленниками к югу от Рио-Браво. Эти группировки организационно и идеологически цементируют латиноамериканские профашистские элементы в единый союз реакции. В самих же латиноамериканских странах дорогу фашизму мостят каудилизм и милитаризм, которые обезоруживают общество перед атаками правых экстремистов в условиях особо острого социального напряжения.

Контрреволюционные перевороты в Боливии (1971 г.), Чили (1973 г.), Уругвае (1973 г.) подтвердили, что олигархический блок может приобрести явно фашистские черты. Вот почему выступления латиноамериканских народов против империализма все теснее переплетаются с борьбой за ликвидацию олигархических и фашистских режимов и разрешение задач социального освобождения. При этом все большее число участников освободительного движения отходит от иллюзий буржуазного реформизма.

В течение двух-трех последних лет правящие классы стран Латинской Америки с помощью зарубежных партнеров лихорадочно ищут выхода из тупика, созданного политикой праворадикальных режимов и чреватого революционным взрывом. Чтобы избежать прямого противопоставления правых диктатур блокам революционных сил, где видную роль играют коммунисты, правящие группировки стремятся создать «третью силу» социал-демократического образца (во многом используя опыт португальских событий). В этом потоке сливаются картеровская дипломатия «прав человека», усилия европейских социал-демократов и демохристиан, оживившаяся деятельность местных национал-реформистских партий, а также либеральных группировок внутри самих праворадикальных режимов. Не последнюю роль играет здесь и деятельность правооппортунистических, ревизионистских группировок внутри рабочего и коммунистического движения.

Исторический прогресс в Латинской Америке идет по нарастающей, хотя в последние годы в ряде стран революционное движение понесло значительный урон. Но если мерить не годами, а десятилетиями, то можно увидеть, насколько зрелыми стали формы борьбы масс за подлинную национальную

независимость и социальное освобождение, как глубоко пусти-ли корни в латиноамериканскую почву идеи социализма.

В авангарде революционного процесса в современной Латинской Америке идет героическая Куба, успешно строящая социализм в тесном сотрудничестве с СССР и другими социалистическими государствами. Выступая 29 января 1974 г. на митинге в Гаване, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Опыт свободного, независимого развития Кубы вселяет надежду в сердца угнетенных и эксплуатируемых во многих странах, и прежде всего, конечно, в Латинской Америке»⁵.

В обстановке разрядки напряженности в мире империализм и местная реакция оказываются во все большей изоляции. Как отмечал руководитель сальвадорских коммунистов Ш. Хандаль, «среди всех форм интернациональной солидарности, проявляемой СССР и другими социалистическими странами, наиболее значительным вкладом в дело национального освобождения, демократии и социализма, в дело мировой революции является их борьба за то, чтобы заставить империализм отказаться на деле от термоядерной войны, борьба за обеспечение всеобщего мира, полную ликвидацию „холодной войны“ и очагов агрессии, за разрядку, безопасность и нормальное развитие международных экономических, культурных и дипломатических отношений»⁶.

Революционные перемены, зреющие в недрах общественного строя латиноамериканских стран, находят свое отражение в столкновениях идей, в разнообразных концепциях и теориях, с различных классовых позиций интерпретирующих современную историческую ситуацию, ее истоки и перспективы. Литература по проблемам революции в странах Латинской Америки необычайно многочисленна и калейдоскопична. Содержащиеся в ней буржуазные и мелкобуржуазные концепции условно можно разделить на антиреволюционные и псевдоревolutionные. Антиреволюционные теории ведут лобовую атаку на силы революции, в первую очередь на коммунистическое движение, тогда как псевдоревolutionные, спекулируя на отсталости, заблуждениях и пережитках в сознании угнетенных масс, стремятся дезориентировать их, отвлечь от идеологии научного коммунизма.

Национал-реформизм и теория «демократической революции»

Национал-реформистская идеология в латиноамериканских странах своеобразно отражает ту тенденцию, о которой В. И. Ленин писал в свое время: «Буржуазия Европы и Америки, в лице своих идеологов и политических деятелей, все чаще выступает с защитой так называемых социальных реформ про-

тив идеи социальной революции. Не либерализм против социализма, а реформизм против социалистической революции — вот формула современной „передовой“, образованной буржуазии»⁷.

Идеологические традиции национал-реформистов отчасти восходят к доктринам латиноамериканских либералов XIX в., основывавшихся на принципах Великой французской революции и борьбы североамериканских штатов за независимость. Эти доктрины содержали программу внешней демократизации государственного управления, предоставления буржуазно-демократических свобод, отделения церкви от государства, введения светского образования и развития просвещения. Однако главной особенностью либеральной доктрины в ее латиноамериканском варианте было то, что она отрицала даже самую возможность участия широких народных масс в социальной и политической жизни. Общая социальная направленность латиноамериканской либеральной идеологии всегда отличалась чисто кастовым «демократизмом для избранных»⁸.

В латиноамериканской буржуазной социологии последних десятилетий национал-реформизм связан с распространением теорий о революционных возможностях «новых средних слоев», которые рассматриваются в качестве движущей силы «демократической революции». Логика рассуждений национал-реформистских теоретиков такова: с промышленным развитием и урбанизацией в странах Латинской Америки появляются и умножаются новые городские социальные группы — предприниматели, квалифицированные рабочие, научно-техническая интеллигенция, служащие. Эти группы пополняются выходцами из всех слоев традиционного общества и имеют неограниченные возможности продвижения по социальной лестнице в обществе, где статус индивида определяется личными способностями и знаниями. Наиболее полно эта концепция представлена в работе Хосе Медины Эчаверрии «Социальные аспекты экономического развития в Латинской Америке»⁹.

Далее, по мнению национал-реформистов, поскольку только на путях индустриализации страны Латинской Америки смогут разрешить свои насущные проблемы, постольку те, кто реализует идеи индустриализации, приобретают все большее влияние на решение общенациональных проблем. Отсюда главным источником революционного динамизма «новых средних слоев» являются мелкие и средние независимые фирмы. Связанные с ними социальные группы призваны использовать для нужд индустриального развития и повышения социального благосостояния могущество государственной машины. В качестве философии массам мелкой городской буржуазии, ремесленникам, коммерсантам, рабочей верхушке, служащим и интеллигенции предлагается национализм.

Результаты деятельности «новых средних слоев» и их лидеров теоретики национал-реформизма рисовали необычайно за-

манчиво. Утверждалось, в частности, что по мере возрастания их политической роли в Латинской Америке уменьшится влияние клерикалов и упадет традиционный престиж «человека в мундире». Будут процветать разнообразные ассоциации, ориентирующиеся не на волю лидера, а на объективные цели национального развития. Наука и образование освободятся от мистицизма и спекуляций. Национал-реформистские идеологи утверждали также, что в процессе «демократической революции» и разрешения общенациональных проблем «новые средние слои» будут накапливать опыт политического руководства, что позволит им очиститься от остатков столь присущего политической системе Латинской Америки «традиционного экстремизма» и стать фактором гармоничного и стабильного развития. Компромиссы между национальной промышленной буржуазией и «рабочей элитой», по их мысли, все больше будут привлекать последнюю к участию в социальных и политических институтах и объединениях, которые рекламировались национал-реформизмом как демократические структуры открытого типа с вертикальной и горизонтальной мобильностью, обеспечивающей новой политической власти широкую и прочную социальную базу.

Идеологи «демократической революции» умеренного типа не шли далее перспектив ускоренного капиталистического развития стран Латинской Америки. Требования конституционализма, защиты правопорядка, выдвигавшиеся ведущими теоретиками латиноамериканской промышленной буржуазии, имели целью подчинить своему влиянию массовые демократические движения¹⁰. Они утверждали, что поддержка демократических гражданских правительств является неотъемлемой чертой «новых средних слоев», поднявшихся к политической жизни на волне индустриального развития. «Права личности и ответственность гражданина, общество равных и достойных», — таково кредо известного теоретика национал-реформизма в Латинской Америке Г. Арсиньегас¹¹.

Другой идеологический стереотип, усердно эксплуатировавшийся апологетами латиноамериканской промышленной буржуазии, был связан с образом «динамичного промышленника», якобы бескорыстно пекущегося о нуждах экономического и социального развития родной страны. Многие теоретики «демократической революции» рассчитывали на широкое использование иностранного капитала в ходе построения «национального капитализма»*.

---

* Например, перуанские апристы считают, что империализм в Латинской Америке представляет не последнюю стадию капитализма, а первую, поскольку выступает стимулятором капиталистического развития этих стран. Поэтому социальная революция в Латинской Америке якобы неизбежно должна пройти долгий путь «конструктивного антиимпериализма», во время которого нейтрализуются негативные стороны деятельности иностранного капитала с помощью государственного вмешательства.

Левые представители национал-реформизма заявляют, что «демократическая революция» имеет своей целью построение социализма в «латиноамериканском варианте», противопоставляя его марксистско-ленинской теории научного социализма и практике реального социализма. Однако при тщательном рассмотрении этот «социализм» оборачивается системой государственно-капиталистических мероприятий, направленных на пользу все той же средней и мелкой буржуазии.

Особняком в национал-реформистской литературе стоят концепции «христианской революции» и построения «коммунитарного общества», разработанные христианско-демократическими теоретиками. По их мнению, «демократическая революция» «новых средних слоев» под руководством христианско-демократических партий в Латинской Америке приведет к построению общества, в котором будут преодолены пороки как капитализма, так и социализма.

Национал-реформистским концепциям революции в странах Латинской Америки присущи разнообразные формы антикоммунизма. Ведущие идеологи национал-реформизма не устают повторять, что с капиталистическими странами «центра» страны Латинской Америки роднят «идеалы демократии» (читай — частной собственности), а расширение связей со странами социализма может-де губительно отозваться на судьбах латиноамериканских государств.

«Коммунизм в Перу противоречит логике, это опухоль, киста, которую надо удалить без остатка», — писал один из ведущих идеологов национал-реформизма перуанец Айа де ла Торре¹². В «профсоюзных тезисах» национал-реформистской партии «Демократическое действие» (Венесуэла) говорится: «Когда Маркс предсказывал разрушение системы капитализма рабочим классом и создание на смену ей социалистического общества, он имел в виду, что основу нового общества составят индустриальные рабочие. В Латинской Америке же нет сильного класса индустриальных рабочих, способного выполнить эту задачу...»¹³. От заявлений о несовместимости идей марксизма с латиноамериканской реальностью идеологи правого национал-реформизма перешли к открытым нападкам на коммунистические партии стран Латинской Америки, клеветнически объявляя их «сектами, находящимися на службе у русской дипломатии»¹⁴.

Теория «демократической революции» сложилась в 30—40-х годах; период ее наибольшей популярности пришелся на 50-е годы, когда представители местной промышленной буржуазии получили доступ к власти в ряде стран Латинской Америки. Однако ход реальных событий в середине и второй половине 50-х годов разрушил иллюзии, бытовавшие в среде национал-реформистских социологов. Идея индустриализации, осуществляемой «новыми средними слоями» при щедрой под-

держке стран капиталистического «центра» и приводящей к «демократической революции», оказалась несостоятельной.

В действительности все выглядело по-иному. Империалистические державы продолжали бойкотировать латиноамериканскую индустриализацию и активно поддерживать латифундистско-компрадорскую олигархию. Промышленность в одних странах региона переживала застой, в других — двигалась лихорадочными рывками. Повсеместно промышленный сектор не мог обеспечить работой быстро растущее население, крестьян, богущих в города от нищеты и притеснений латифундистов. Везде ощущалась нехватка продовольствия, жилья, больниц, школ.

В этой ситуации в среде социологов национал-реформистского направления начался быстрый процесс размежевания. Их правое крыло направило свои усилия на привлечение иностранных частных капиталов в латиноамериканскую промышленность. На этом фланге национал-реформистской теории происходило быстрое сращивание доктрин «демократической революции» и «новых средних слоев» с концепциями «стадий роста» и «мирной регулируемой революции», разработывавшимися У. Ростоу и другими модернистски настроенными социологами в США (позднее эти концепции послужили теоретической основой для «Союза ради прогресса») ¹⁵.

Левое крыло национал-реформистских социологов занялось поисками внутренних ресурсов экономического и социального развития и исследованием препятствующих этому факторов. Первым объектом критики со стороны таких теоретиков, как бразилец С. Фуртадо, чилийцы О. Сункель, А. Пинто, Ж. Чончоль, естественно, явилась латифундистско-компрадорская олигархия. Они собрали внушительный материал, демонстрировавший отсталость сельских районов, паразитизм помещичьих кругов, отрицательное влияние традиционного аграрно-сырьевого комплекса на всю экономическую, социальную и политическую жизнь в странах Латинской Америки. Работы левореформистских социологов вскрыли многосторонние связи помещичье-компрадорской олигархии с иностранными монополиями, действующими в сфере сельского хозяйства и горнорудной промышленности; в них содержались убедительные данные о безудержной эксплуатации национальной экономики иностранными монополиями ¹⁶.

Критический анализ положения в аграрно-сырьевом секторе экономики латиноамериканских стран привел их к выводу о необходимости срочных и глубоких реформ, ограничения паразитического потребления традиционной элиты, привлечения ее средств в производительную сферу, национализации сырьевых богатств, узурпированных иностранными монополиями.

Однако планы аграрных и налоговых реформ, проекты национализации, разработанные левореформистскими теоретиками, за редким исключением, не были использованы господству-

ющими кругами местной буржуазии. Озабоченная лишь своими интересами, боящаяся как обострения конфликта с империализмом и «старой» олигархией, так и массовых народных движений, крупная соглашательская буржуазия предпочитала использовать механизм «инфляционного взбадривания» экономики, что способствовало обогащению кучки монополистов и тяжелым бременем ложилось на плечи трудящихся. Коррумпированный аппарат национал-реформистских партий активно участвовал в грязных финансовых спекуляциях.

Встретив оппозицию своим проектам в среде промышленной буржуазии, левореформистские социологи перенесли свое внимание на проблемы местной промышленности, доискиваясь причины столь разочаровывающего поведения «героев», воспетых идеологами «демократической революции».

Анализ развития капиталистической индустриализации в странах Латинской Америки выявил ее значительную специфику и отличия по сравнению с промышленной революцией в странах классического капитализма. Обнаружилось, что промышленное развитие в латиноамериканских странах, складывающееся на фоне мировых экономических кризисов, идет по линии замещения импорта, несбалансировано, лишено базовых отраслей промышленности и транспортной инфраструктуры. Кроме того, оно часто пользуется протекцией старой государственной машины, нередко составляет побочную ветвь могущественных латифундистских кланов.

На основе этого анализа к концу 50-х годов социологи левореформистского направления создают развернутую теорию «структурного кризиса», «отсталости» стран Латинской Америки, дают оригинальную трактовку «демократической революции», предусматривающую реформы во всех областях общественной жизни. Наиболее прогрессивные из них проявляют интерес к опыту преодоления феодальных пережитков, опыту индустриализации, аграрных и культурных преобразований в странах социализма. Вместе с тем главную цель все они видят в построении латиноамериканского «национального капитализма». Надежды на обновление общества левореформистские социологи связывали с реализацией новых национал-реформистских концепций, которые, как им казалось, смогут учесть опыт прошлого¹⁷.

Существенные изменения ситуации в странах Латинской Америки в начале 60-х годов — победа социалистической революции на Кубе, выдвижение правящими кругами США широкой реформистской программы «Союз ради прогресса», переориентация империализма на сотрудничество с местной крупной буржуазией, проведение верхушечных преобразований — привели к новым перестановкам в лагере теоретиков «демократической революции». Немалая часть их, напуганная событиями на Кубе и поверившая в способность «Союза ради про-

гресса» осуществить идеалы «национального капитализма», перешла на позиции правого национал-реформизма. Другая часть заняла позицию критиков «Союза ради прогресса» и продолжила разработку моделей «демократической революции» в рамках «теории отсталости».

Однако в целом национал-реформистская идеология «демократической революции» в 60-х годах утрачивает свое бывшее влияние. Засилье в странах Латинской Америки иностранного капитала, кризис мелкого и среднего предпринимательства, череда правых военных переворотов подорвали доверие к идеям национал-реформистов. Середина 60-х годов в сфере буржуазной теории характеризуется, с одной стороны, переходом правого национал-реформизма в реформизм проимпериалистический, а с другой — появлением леворадикальных концепций революции.

В 70-е годы национал-реформистская идеология переживает некоторое оживление, связанное как с кризисом праворадикальных режимов, так и с разочарованием масс в революционных экспериментах левых радикалов. В попытках обновить доктрину «демократической революции», сделать из нее теоретическую основу политики «третьей силы» в Латинской Америке национал-реформистские идеологи апеллируют к новым социальным слоям. От частного предпринимательства их взоры обращаются к госкапитализму, от мелкого и среднего буржуа — к служащим, интеллигенции и квалифицированным рабочим. В их работах термин «национальный капитализм» все чаще заменяется «демократическим социализмом».

От индустриалистских схем теории «демократической революции» переходят к постиндустриализму, сайентизму, исследуют проблемы нового международного разделения труда, формирующегося в процессе научно-технической революции, разрабатывают проекты создания национального научного потенциала¹⁸. Как и прежде, в рамках национал-реформистской идеологии намечается правое проимпериалистическое крыло, вдохновляемое иллюзиями международной солидарности теперь уже не промышленного, а научного капиталистического мира, и левое крыло, продолжающее мечтать о развитии на основе нейтралитета в глобальной борьбе между социализмом и капитализмом.

Новое поколение левореформистских теоретиков критикует проимпериалистические концепции «взаимозависимости» и «технологического партнерства», предлагает различные варианты социально-экономических и политических решений: от утопий «сырьевого скачка» (резкого увеличения мировых цен на сырье, которое якобы поможет латиноамериканцам преодолеть сложности финансирования национальной науки) до трезвых предостережений о том, что научно-технический прогресс сможет принести свои плоды лишь в том случае, если будет сочетаться

с глубокой перестройкой местных социальных и политических структур, опираясь на поддержку международных сил демократии и социализма. Среди прогрессивных латиноамериканских социологов возрос интерес к опыту научно-технических преобразований в СССР и других социалистических странах.

Обличая новые формы зависимости латиноамериканских стран от мирового империализма, представители мелкобуржуазного национал-реформизма, однако, сами несут несмыслимую печать иллюзий и предрассудков своего класса. Корни отсталости и зависимости Латинской Америки не могут быть выявлены и тем более ликвидированы в рамках буржуазного мышления и капиталистической практики.

*«Интегральная революция» — модель
проимпериалистического реформизма*

Пожалуй, единственным реальным достижением «Союза ради прогресса» было еще большее внедрение североамериканских монополий в экономику латиноамериканских государств и на этой основе уродливое, но порой быстрое развитие ряда ее отраслей. Социальный результат выразился в росте новых отрядов пролетариата, научно-технической интеллигенции низших рангов, банковских и конторских служащих. Они и стали наиболее важным, по признанию самих проимпериалистических идеологов, адресатом их пропаганды. Другой адресат представляли многочисленные служащие традиционных социальных институтов стран Латинской Америки — военные, церковники, учителя, служащие разнообразных государственных и муниципальных органов. «Должно выковать нового среднего латиноамериканца», — писал американский социолог Р. Скотт¹⁹, недвусмысленно намекая на то, что герой национал-реформистских мифов о грядущей эпохе свободной конкуренции безвозвратно утерян и внимание переносится на «рационального бюрократа», сотрудничающего с США.

Основной социологической моделью проимпериалистического реформизма в странах Латинской Америки стала концепция «интегральной революции» как перехода от «традиционного» к «интегральному» обществу. «Интегрально-элитарная школа» — наиболее авторитетная группировка буржуазных социологов в Латинской Америке середины 60-х годов*. «Интегральное общество», по мысли представителей этой школы, не делится на

---

* Эта школа объединяла таких видных буржуазных социологов, как бразильцы Ф. Фернандес, Ф. Кардозо, Г. Соарес, Л. Коста Пинто, О. Ианни, М. Диегес, перуанец А. Обрегон, чилийцы Г. Брионес, Л. Ратинов, уругваец А. Солари, аргентинцы Дж. Джермани, Т. Ди Телья, Х. де Имас, мексиканец В. Альба и др. С ними сотрудничали ведущие североамериканские социологи С. Липсет, А. Инкелес, А. Фельдман, У. Мур.

социальные классы, противостоящие друг другу; его главными компонентами являются различные функциональные группы, дополняющие друг друга и взаимозаинтересованные в успехе общего дела. Центральной фигурой этой идеализированной организации развитого капитализма стал образованный бюрократ, менеджер-эксперт, широко пользующийся техникой управления, методами анализа и планирования.

Модель «интегрального общества» оставляет в стороне классовое содержание социальных явлений. Она формальна, поверхностна и в конечном итоге антинаучна, поскольку не вскрывает основной закономерности социального развития.

Политическое значение теоретических конструкций «интегрально-элитарной школы» явственно проступает при наложении их на конкретный исторический материал. Так, за образец интегрального развития выдаются Соединенные Штаты Америки, которые откровенно рекламируются как «государство всеобщего благоденствия».

Но совсем иную картину рисуют социологи «интегрально-элитарной школы» для латиноамериканских стран. В их трудах подчеркиваются низкий уровень экономического уровня стран континента, их отсталость в области производственной, политической, образовательной, культурной, военной и прочих форм социальной организации. При попытке проанализировать причины такой отсталости буржуазные социологи приводят значительное число географических, культурных и прочих факторов. В частности, они говорят о перенесении в колонии Испании и Португалии феодальной «иберийской системы», но тщательно обходят вопрос о роли иностранного империализма и его местной агентуры в поддержании феодальных институтов в латиноамериканских странах. Тем самым извращается действительная история и создаются ложные предпосылки при решении вопроса о путях развития Латинской Америки.

В работах представителей «интегрально-элитарной школы» отмечается скудность реальных результатов национал-реформистских начинаний и повсеместная приверженность промышленной буржуазии стран Латинской Америки установкам и методам «старой» олигархии. Но при этом не вскрываются подлинные причины слабости национал-реформистских движений. Эти причины заключаются в засилье иностранных монополий в экономической и политической жизни этих стран.

Среди теоретических моделей «интегральной революции» в этих странах следует выделить «трехстадийную модель» И. Вальера²⁰, модель «многоаспектной окультуризации» А. Фельдмана.

По Фельдману, «интегральная революция» переносит образцы культуры, формы социальной ориентации и экономические модели из одного общества в другое²¹. В качестве примера А. Фельдман называет колонизацию, скрытое управление отста-

лой страной, военную оккупацию, деятельность миссионеров, массовые миграции населения, перемещение рабочей силы, «миграцию знаний» (распространение литературы, образовательных систем). Эклектичность понятия «окультуривание» легко используется для оправдания агрессивной внешней политики империалистических государств.

Теоретики «интегральной революции» критикуют многих латиноамериканских национал-реформистов за то, что они абсолютизируют «технологическую окulturивание», т. е. распространение технологий и техники. В отличие от них теория «интегральной революции» основывается на распространении форм социальной организации, правовой идеологии и религиозных верований. Представление о том, как сторонники концепции «интегральной революции» мыслят развитие стран Латинской Америки, дают работы аргентинского социолога Дж. Джермани²². В число необходимых предпосылок «интегральной революции» в Латинской Америке он включает высокий уровень мобильности в обществе, а также наличие системы замещения должностей по «универсальным» принципам отбора, отвергающим родственные и клановые связи. Другую предпосылку он видит в «преодолении национализма». Дж. Джермани полагает, что Латинская Америка не сможет использовать свои богатые ресурсы для экономического развития до той поры, «пока не освободится от идолов национализма»²³. Отстаивая интересы империалистических монополий под маской космополитизма, он утверждает, что противоречие между космополитизмом и национализмом не является непримиримым, здесь возможны различные компромиссы. Что же, здесь буржуазный социолог в определенной мере прав. Проимпериалистический реформизм и буржуазный национализм — две разновидности политики и идеологии одного класса — буржуазии.

Таким образом, теоретики «интегральной революции» направляют свою критику против наиболее последовательных отрядов антиимпериалистического движения латиноамериканских народов, против тех, кто видит осуществление национальных идеалов на путях пролетарского интернационализма.

Методологической основой разнообразных вариантов «интегральной революции» в Латинской Америке послужила теория «социального изменения»*. Однако эта теория не внесла ничего принципиально нового в понимание развития стран Латинской Америки по сравнению с концепцией структурно-функцио-

---

* В августе 1963 г. теория «социального изменения» была рекомендована социологами из США У. Муром и А. Фельдманом на социологической секции семинара по латиноамериканским исследованиям, проводившегося в Стэнфорде (США). В последующие годы У. Мур, признанный ведущим авторитетом среди сторонников теории «социального изменения», и его единомышленники из Северной и Южной Америки немало потрудились над распространением своих схем среди латиноамериканских ученых.

нального анализа, поскольку ее идеалом оставалась «сбалансированная модель» капиталистического общества. Признание множественности факторов изменения затушевывало вопрос о классовых отношениях; отрицание возможности качественно новых способов разрешения возникающих социальных конфликтов консервировало практику буржуазной демократии; абсолютизация автономности различных сторон общественного развития оправдывала наихудшие социальные последствия научно-технической революции в рамках госкапиталистической организации общества.

С особой отчетливостью методологические изъяны теории «социального изменения» выступают при попытках ее сторонников подвергнуть анализу социальную революцию. Во-первых, социальная революция рассматривается ими исключительно как акт «разрушения социального порядка и формальной структуры государства». Во-вторых, для них характерна эклектичность и формальность классификации социальных революций. Например, У. Мур видит четыре основных типа революции: 1) обычное преступное поведение, вырастающее до размеров внутреннего восстания против государства; 2) восстание, направленное против определенного акта насилия; 3) переворот или узурпация власти, сохраняющие нетронутыми основные общественные структуры; 4) насильственное изменение, осуществляемое большинством населения и захватывающее систему правления, а также «те основания, на которых руководители строят свое право на управление». В-третьих, они дают поверхностно-психологическую трактовку причин массовых революционных движений. Основными факторами революции теоретики «социального изменения» считают либо недостаточно высокий уровень жизни, либо недостаточность гарантий личной безопасности против насилия²⁴.

По Муру, революции могут преследовать цели двоякого рода: перераспределение собственности или замену некомпетентного руководства. Первая цель якобы характерна только для революций «снизу», вторая — исключительно для революций «сверху». В одной из своих работ У. Мур пишет, что революционное недовольство проявляют «не лица, занимающие низшие позиции, а те... кто не смог удержаться или не добрался до высших»²⁵. Очевидно, что в такой формулировке качественное содержание революционного процесса пропадает.

Подобным же образом теоретики «социального изменения» критикуют и марксистское учение о революции. Посетовав на то, что талант К. Маркса как социального аналитика был якобы «исковеркан его политической идеологией», У. Мур подчеркивает, что в исторических трудах Маркс различает «ведущие слои современного общества» и люмпен-пролетариат. По мнению Мура, «марксистские пророчества в отношении поляризации классовых интересов ведущих социальных слоев в индуст-

риальных обществах оказались ложными. Основным источником социальных изменений выступает не борьба классов, а «борьба человека с природой и грехом». Ссылаясь на марксистское положение о том, что главным двигателем истории в эксплуататорских обществах является классовая борьба, У. Мур приписывает марксистам взгляд на классовую борьбу как на механизм человеческого развития вообще. Такая фальсификация позволяет буржуазному теоретику заявить, что, «критикуя социалистов-утопистов, марксизм сам впал в утопию, предрекая общество без динамических напряжений, где исчезнет источник движения»²⁶.

Но если отказаться от идеи «конструктивности» классовой борьбы, а заодно признать факт примирения «ведущих социальных секторов» в развитом капиталистическом обществе, то кто же останется в лагере революционеров? Люмпен? К этому ответу и подводит нас теория «социального изменения». «Революция,— поясняет У. Мур,— есть результат напряженности социального неравенства». Трактую понятие «неравенство» безотносительно к социальному контексту, американский социолог пишет, что неравенство заложено в биологических различиях возраста, пола, неравномерного распределения физических и умственных способностей.

Таким образом, рассуждения теоретиков «социального изменения» сводятся к тому, что в любом современном обществе попытки совершить революцию неизбежны, но осуществляются они деклассированными элементами и не отвечают интересам общественного развития.

Общесоциологическая концепция «интегральной революции» является базой для более конкретных социологических построений «среднего уровня». Эти теории служат для того, чтобы приспособить традиционно-бюрократические институты Латинской Америки в экономической, социальной, политической и культурной сферах к капиталистической индустриализации и научно-технической модернизации. Так, концепция «рационального предпринимательства» ставит своей целью использовать в интересах «интегральной революции» государственный сектор и централизованную систему регулирования частнопредпринимательской деятельности.

Работы сторонников теории «рационального предпринимательства» представляют особую опасность, поскольку проимпериалистическая ориентация нередко сочетается в них с буржуазно-националистическими заявлениями. В частности, они признают частичную ответственность традиционного империализма за извращение деятельности латиноамериканского предпринимателя, за ее патриархальный, кастовый, часто спекулятивный характер, но наряду с этим приветствуют объединение усилий латиноамериканского промышленника с новой «рациональной» и «обоюдовыгодной» экономической политикой США

в Латинской Америке²⁷. Индустриальный рост и некоторые социальные реформы в том виде, в каком они осуществляются местной бюрократией и иностранными монополиями, представляются пропагандистами проимпериалистического реформизма как единственно возможная форма прогрессивного развития стран Латиноамериканского континента. А коммунистическое движение, по их мнению, принадлежит уходящему миру эгоистических классовых интересов, которые уже преодолены в развитых капиталистических государствах, вступивших в эру «социального мира» и «всеобщего благоденствия». В работах теоретиков такого толка утопические построения по поводу «нового», «очищенного» капитализма сопровождаются фальсификацией идеологической и организационной деятельности коммунистов, которым приписываются черты анархизма, нигилизма и вандализма.

В своем стремлении обелить империализм теоретики «интегрально-элитарной школы» извращают прошлый опыт антиимпериалистических и антиолигархических движений, в том числе буржуазно-демократических революций в Латинской Америке. Например, они пытаются доказать, что мексиканская революция и первые послереволюционные десятилетия с их ярко выраженной антиимпериалистической направленностью привели к экономическим трудностям, политическим неурядицам, и, наоборот, положительно оценивается послевоенный период сотрудничества крупной мексиканской буржуазии с иностранными монополиями. Отсюда они делают вывод, что иностранный капитал является фактором «социального мира» в Мексике и других странах Латинской Америки²⁸.

Анализируя мексиканскую революцию, указанные теоретики выпячивают ее издержки — гражданскую войну, голод, разруху. При оценке мексиканской революции они игнорируют переход национальной буржуазии на путь соглашательства с международным империализмом, наступление бюрократии на права трудящихся; контрреволюционные тенденции выдаются за действительное содержание социального прогресса в Мексике, а подлинная революция объявляется их кровавым и бесполезным прологом. Реальный путь революции они пытаются подменить некоей идеальной моделью развития при поддержке США, позволяющего якобы достичь тех же результатов без перечисленных издержек.

Говоря о кубинской революции, буржуазные социологи стремятся доказать, что ее социалистический характер не является результатом глубоких закономерностей исторического развития, а обусловлен лишь случайным стечением обстоятельств и исключительными качествами ее лидеров. «Куба,— писал Т. Дрейпер,— не доказала своим примером, что латиноамериканские народы могут по своему усмотрению избрать коммунизм; она доказала, если это необходимо еще доказывать, что

харизматический лидер* может заставить народ выбрать почти все, отрицая при этом, что он сам сделал для него этот выбор»²⁹. Такой подход к проблемам кубинской революции не позволяет буржуазным теоретикам понять решающей роли масс в победе над тиранией и строительстве нового общества, а также оценить по достоинству вклад ее вождей, подлинная заслуга которых состоит именно в тесной связи со своим народом и в правильной оценке исторической обстановки, объективных законов ее развития.

Рассуждениями о непредсказуемости «харизматического начала» Т. Дрейпер, Ф. Танненбаум и другие буржуазные социологи затушевывают сложный процесс перехода руководителей кубинской революции от ранней романтическо-утопической революционности к зрелому антиимпериализму и далее — к научному социализму. Идеологическое развитие кубинских революционеров неразрывно связано с их практической деятельностью. «Чем более мы сталкиваемся с революционной действительностью, с классовой борьбой,— говорил Ф. Кастро в 1961 г.,— тем более понимаем, что представляет собой классовая борьба в условиях победившей революции, тем более мы убеждаемся в истине, раскрытой Марксом и Энгельсом, в правоте подлинно гениальных положений научного социализма, открытие которых принадлежит Ленину»³⁰.

Когда речь заходит о латиноамериканских коммунистах, проимпериалистические идеологи оперируют примерами из деятельности... троцкистов, анархистов, маоистов, представляя их как «подлинных коммунистов» в Латинской Америке. Спекулируя на ошибках революционного движения, на примерах из истории сектантских и ревизионистских группировок, они отождествляют деятельность революционеров-марксистов с мелкобуржуазными движениями, щеголяющими социалистической фразой, отмеченными демагогией, предательством интересов рядовых участников и бюрократическим перерождением руководства.

«Консервативная революция» в новом варианте

В последние годы в странах Латинской Америки различные антикоммунистические потоки сливаются в правом радикализме, фашизме, аккумулирующем все, что может так или иначе служить борьбе с нарастающей революцией.

Значительная роль в контрреволюционном идеологическом наступлении принадлежит сторонникам традиционной помещичье-компрадорской олигархии. Духовные защитники старых

---

* В буржуазной социологической литературе авторитет лидера, основанный на личной приверженности ему, определяется термином «харизма».

порядков, бессильные предложить народам своих стран какое-либо конструктивное решение назревших проблем, все чаще прибегают к тотальному отрицанию революции и прогресса. В измышлениях этих идеологов революционеры (в первую очередь коммунисты) представлены фанатиками, врагами всего исконно латиноамериканского, беспощадно разрушающими патриархальный мир. Социализм они изображают в виде гигантского завода, где бездушная техника подавляет живого человека.

Нарисованная идеологами-консерваторами мрачная картина в действительности отражает последствия капиталистической индустриализации, бюрократических аграрных реформ в Латинской Америке. Разоренные, лишенные куска хлеба крестьяне превращаются в бесправных батраков, либо уходят в город, где их ждет безработица, судьба люмпен-пролетариев. Демагоги консерваторы, играя на ностальгии к якобы утраченному «золотому веку», утверждают, что все сегодняшние тяготы — лишь пролог к безбожному «царству тьмы», имя которому коммунизм и на знамени которого написано: «город, фабрика и государство».

Однако за последние годы идеологи «старой» олигархии уже не могут полностью игнорировать понятия «революция», прочно вошедшего в политический словарь всех, в том числе буржуазных, партий. Сохраняя антикоммунистический запал своих концепций, они подчас объявляют себя революционерами. С этим явлением связано возникновение концепции «консервативной революции» в рамках ультраправой профашистской идеологии, которая будет рассмотрена ниже. Революционаристская демагогия ярого антикоммунистического толка — характерная черта латиноамериканского правого радикализма 70-х годов.

В попытке сплотить самые разнообразные социальные слои под своими знаменами идеологи правого радикализма конструируют пропагандистский стереотип «коммунизма», спекулируя на различных страхах и заблуждениях толпы. В альтернативном плане правый радикализм необычайно щедр на посулы, обещаая в перспективе «все всем».

Тщетно искать логические увязки в этих построениях; прорадикальные заявления не рассчитаны на серьезный анализ социально-экономических программ. Идеологи правого радикализма проповедуют фанатическую веру в вождей — «каудильос», в сказочные возможности, которые якобы откроет победа над внутренним и внешним врагом — коммунистами. Заставляя одних (балансирующих на краю безработицы и банкротства) лихорадочно цепляться за статус-кво и «твердый порядок», правый радикализм манит других (уже разоренных и безработных) блестящим будущим, которое должно родиться чудом в результате освобождения «национального гения» от подрывной

деятельности коммунистических агентов. Грядущее общество рисуется обществом «национального величия», иногда к нему применяются характеристики «социальной справедливости», даже «национального социализма».

Наставники латиноамериканских правых радикалов из социологических центров США в последние годы откровенно советуют им идти на компромисс с экстремистскими формами буржуазного и мелкобуржуазного национализма, чтобы сократить сферу распространения марксистской идеологии. «Революционная националистическая идеология и социалистическая символика активной капиталистической индустриализации,— констатирует С. Липсет,— не столь ошеломляющий феномен, как это представляется на первый взгляд»³¹.

За мистификациями «национального величия» и «социальной справедливости» скрываются планы, разрабатываемые «мозговым трестом» олигархической верхушки. Одним из важнейших центров, поставляющих теоретические заготовки праворадикальным и проимпериалистическим идеологам в Латинской Америке, стал Гудзоновский институт (США), осуществляющий проект под девизом «Латинская Америка 2000 года». С 1967 г. началась публикация трудов Гудзоновского института по проблемам Латинской Америки, быстро привлечших внимание научных и правительственных кругов в странах континента³².

Футурологи с берегов Гудзона отлично понимают, что латиноамериканцы, может быть, никогда не примирятся с мыслью о невозможности осуществить значительные трансформации за короткий период. Поэтому они настаивают на широкой пропаганде «длительного промежутка», необходимого для достижения высокого уровня развития. Меры по смягчению недовольства угнетенных масс должны, по мысли «идеологов 2000 года», включать в себя «демонстрации улучшающегося положения непривилегированных групп и серьезной заботы национальных лидеров об изменении существующего положения»³³. Вместе с тем гудзоновские теоретики утверждают, что в странах, стремящихся наверстать упущенное, переживающих «революцию ожиданий», «взрыв потребностей» и т. д., необходим жесткий авторитарный контроль, якобы вообще свойственный развитому индустриальному обществу.

Подобные футурологические наброски приоткрывают завесу и над той ролью, которую прочит латиноамериканским странам проимпериалистическая олигархия. «За оставшийся отрезок столетия,— пишет Дж. Карлик,— продукция Северной Америки, Западной Европы и Японии будет в возрастающей степени усложняться и во многих аспектах перестанет соответствовать нуждам афро-азиатского мира. Серединное положение, которое займет Латинская Америка к концу столетия между высокоразвитыми и слаборазвитыми странами, даст ей возможность превратиться в активного поставщика несложного, но необхо-

димого оборудования — машиностроительного, электрического и т. д. — для слаборазвитых стран. Вопрос о выходе на рынки этих стран приобретает для Латинской Америки в ближайшие десятилетия решающее значение»³⁴.

Таким образом, гудзоновские теоретики и не помышляют о вступлении стран Латинской Америки в семью развитых капиталистических держав на равных правах. В рамках капиталистического мира перед странами Латинской Америки открывается единственная перспектива — включиться в международное капиталистическое разделение труда на правах «стран-фабрик» с дешевой рабочей силой, реализующих идеи более развитых «стран-лабораторий». По их мысли, буржуазия и бюрократия стран Латинской Америки должны позволить монополиям империалистических держав эксплуатировать латиноамериканских трудящихся, взамен чего получают военную и прочую помощь для подавления революционных движений, долю в прибылях и определенное право соучастия в грабеже еще более отсталых «стран-деревень» в Азии и Африке. В этом смысле «идеология 2000 года» представляет собой продолжение технократическо-реформистской линии «интегральной революции» в новых условиях обострения кризиса и социальных конфликтов.

С концепциями гудзоновских футурологов схожи построения теоретиков «испанизма», провозглашенного официальной идеологией чилийской хунты³⁵. «Испанская модель» предусматривает построение общества на корпоративных началах, где руководящую роль играют коллегии специалистов-технократов. Роль фашистской партии выполняет армия, высшее офицерство (военные технократы) составляет избранную суперколлегию. Важное место в «испанской модели» занимает полусекретный религиозный орден «Опус дей».

Госкапиталистическую «испанскую модель» дополняют теоретические схемы «чикагской школы», ратующей за восстановление в ряде отраслей экономики атмосферы неограниченной рыночной конкуренции. Экономическая политика «чикагской школы» наряду с привлечением в латиноамериканские страны крупного иностранного капитала предусматривает приток мелких и средних капиталов из США и Западной Европы. Для привлечения самих капиталовладельцев предлагается предоставлять им полное гражданство, с тем чтобы со временем они составили когорту верных сторонников режима. Лечение «экономическим шоком» по рецептам чикагских экспертов широко применялось в Чили и привело, как известно, к трагическим последствиям для массы рабочих, служащих и мелких предпринимателей. В Парагвае по тем же моделям мыслилось организовать иммиграцию капиталовладельцев из Южно-Африканской Республики, бегущих от угрозы «черной революции». Однако этот проект вызвал протесты и был осуществлен лишь частично.

От технократических вариантов правого радикализма не-

сколько отличается концепция «консервативной революции», опасность которой состоит в том, что она специально предусматривает использование ультралевых лозунгов. «Консервативные революционеры» подвергают критике представителей «интегрально-элитарной школы» за механическое пересаживание моделей развитых капиталистических стран в Латинскую Америку без учета национальной специфики и традиций³⁶. По их мнению, необдуманное и скоропалительное наступление промышленных фирм на «традиционный сектор» (примитивное аграрное и кустарное ремесленное производство) вкупе с пропагандой «общества потребления» привело к массовому уходу крестьян в города, вызвало «стрессы потребительского сознания», чреватые разрушительными социальными взрывами. Они призывают срочно оградить от дальнейшего разрушения и в ряде случаев восстановить «традиционные» производства, основанные на доступных, примитивных формах труда, а безработное население эвакуировать из крупных городов в специальные районы, где оно будет привлечено к «традиционным» занятиям в целях национального экономического развития и восстановления «здорового нравственного климата» в стране.

Латиноамериканские теоретики «консервативной революции» внимательно исследуют опыт некоторых псевдореволюционных режимов в Азии по созданию двуступенчатой экономики, нижняя ступень которой состоит из простейших производственных организмов, полностью самообеспечивающихся, ничего не получающих от города, но отдающих ему до половины своей продукции. Образование и информация народных масс должны, по их утверждению, строго ограничиваться «национально значимыми целями», т. е. сводиться к постоянной идеологической обработке³⁷.

Нетрудно догадаться, что в результате подобных трансформаций полуграмотное, незнакомое с современной техникой население «традиционных зон» будет беспомощно перед лицом современной армии и средств массовой дезинформации. Армия и занятая в привилегированных отраслях производства квалифицированная рабочая сила будут удерживаться в повиновении с помощью подачек, идеологической обработки и страха быть отправленными на перевоспитание в «традиционные зоны». В небольших латиноамериканских странах «консервативная революция» призвана в основном разрешить внутренние проблемы, но перед большими государствами открываются перспективы участия в пуле ведущих военных держав, что подогревает честолюбивые мечты новых каудильо.

В последний период в среде праворадикальных идеологов углубляются противоречия между прозападными и националистическими тенденциями, технократической и традиционалистской ориентацией. В поисках выхода из нарастающей внутренней и внешней политической изоляции ряд праворадикаль-

ных режимов пошел на демонстрацию «демократии». Так, 11 сентября 1976 г. Пиночет провозгласил новую доктрину «защищенной демократии» в Чили, предусматривавшую оживление некоторых парламентских и юридических институтов при одновременном укреплении карательных органов. «Демократическая» реклама сопровождала местные выборы в ноябре 1976 г. в Бразилии; были несколько расширены программы социальной благотворительности и, главное, усилена их пропаганда.

Но уже в октябре 1976 г. чилийские официальные идеологи отодвинули реализацию программы «защищенной демократии» на далекое будущее, дополнив ее теорией «исторического цикла власти». По этой теории, подкрепленной ссылками на авторитеты античной политики, период авторитарной власти сменяется властью олигархии, которая, в свою очередь, подготавливает приход демократии. А поскольку демократия часто дегенерирует в демагогическую тиранию плебса, то на смену ей должна прийти новая авторитарная власть. Утверждается, что Чили сейчас находится именно на такой стадии обновляющей авторитарной власти, в начале нового исторического цикла³⁸. Во время своего недавнего визита в Японию президент Бразилии Гейзел прямо заявил, что «демократические режимы несовместимы с ...населением, умирающим от голода»³⁹.

Антикоммунизм праворадикальных идеологов сейчас приобретает резко выраженную антисоветскую форму. В страхе перед растущим авторитетом СССР, всего социалистического содружества идейные защитники праворадикальных режимов стремятся очернить социалистическую демократию, извратить характер мирных инициатив Советского Союза, обвинить СССР в «подрывной деятельности». Выступая в ООН, например, чилийский министр иностранных дел Карвахаль говорил о том, что «невозможно ставить вопрос о разрядке без разрядки идеологической».

Практика показывает, что разнообразные реакционные утопии латиноамериканских правых радикалов и их империалистических покровителей, носящие откровенно антиреволюционный или псевдореволюционный характер, обречены на провал. Установление ультраправых режимов в странах Латинской Америки не сглаживает, а, наоборот, обостряет экономические и социальные противоречия в обществе.

«Революция в революции?»

Неудачи реформистских и праворадикальных экспериментов, неуклонное снижение уровня жизни огромного большинства трудящихся, поправки демократических свобод, дискредитация бюрократической науки в глазах широкой общественности обусловили кризис как национал-реформистской идеологии «де-

мократической революции», так и обновленных концепций «интегральной» и «консервативной» революции в Латинской Америке. Для многих рядовых буржуазных социологов стало ясно, что подобные концепции превратились в орудие идеологической экспансии империализма, массовой обработки сознания и чувств латиноамериканцев, сбора информации о подлинных революционерах — данных, используемых затем местной реакцией, военными и разведывательными органами США⁴⁰.

Социальная база буржуазного реформизма в Латинской Америке стала резко сокращаться. В начале и середине 60-х годов многие страны Латинской Америки потрясли вооруженные восстания крестьянской бедноты, которые часто выливались в затяжные партизанские войны. В конце 60-х — начале 70-х годов кризис проимпериалистической индустриализации привел в ряды антиимпериалистической борьбы новые отряды рабочего класса и научно-технической интеллигенции. Новый толчок к широкому распространению получили идеи социализма и коммунизма, окреп авторитет мировой социалистической системы и первого социалистического государства в Латинской Америке — Республики Кубы. Однако наряду с идеями научного социализма в Латинской Америке еще имеют широкое хождение разнообразные мелкобуржуазные, крестьянские, тред-юнионистские, буржуазно-бюрократические и технократические трактовки социализма. Их оценка сложна и не может быть однозначной.

В некоторых случаях признание положений утопических социалистических и коммунистических теорий (особенно их критической части, разоблачающей пороки капитализма) есть первый шаг по пути к социализму научному. Но мелкобуржуазный революционаризм содержит и многочисленные антикоммунистические пережитки, что зачастую играет на руку махровым антикоммунистам, дезориентируя массы в политической борьбе.

Пробным камнем для оценки мелкобуржуазных леворадикальных и утопическо-социалистических течений на сегодняшний день может служить позиция их сторонников по двум вопросам: отношение к единому антиимпериалистическому фронту демократических сил и практике мировой социалистической системы. Те, кто приемлют принципы антиимпериалистического единства, признают исторические достижения мирового социализма и его положительную роль в борьбе угнетенных народов за социальное и национальное освобождение, идут на широкое сотрудничество с коммунистами в каждодневной борьбе, — те самым ходом истории должны прийти к единственно верным марксистско-ленинским научным положениям социалистической революции и пролетарского интернационализма. Те же, кто отвергают союз с коммунистами, сторонятся массовых движений, нападают на мировой социалистический лагерь, чаще всего скатываются к политике социального и национального предательства, переходят в лагерь реакции. Самую вредную роль в среде

мелкобуржуазных революционеров играют ревизионисты-раскольники из числа бывших коммунистов либо «беспартийных марксистов», спекулирующих на авторитете коммунистического движения, авторитете имен Маркса и Ленина.

Тенденция к критическому пересмотру схем, предлагаемых «интегрально-элитарной школой», раньше других начала пробивать себе дорогу среди социологов тех латиноамериканских государств, которые первыми испытали на себе «обновляющее воздействие» этих схем.

Бразилец Д. Рибейро (в прошлом один из авторитетов «интегрально-элитарной школы» в сфере образования и культуры) назвал современное латиноамериканское общество «обществом отверженных», характерную черту которого составляет все увеличивающееся число социальных изгоев, что делает недостижимым все мечты об экономической и социальной стабильности без быстрого слома существующих структур⁴¹.

Кризис «интегрально-элитарной школы» затронул не только ее латиноамериканских приверженцев. Сомнение в правильности избранного пути начинают высказывать и ряд прогрессивно настроенных социологов-латиноамериканистов в США. Признаки критической тенденции можно обнаружить в коллективной работе Ф. Бонильи и его венесуэльских соавторов. Характеризуя реформистские эксперименты латиноамериканских олигархических режимов, Ф. Бонилья пишет: «Новый авторитаризм еще хуже прежнего... Союз солдата с технократом, куда лишь отчасти допущен ученый, согласившийся на роль социального инженера,— вот что мы имеем на сегодняшний день»⁴².

На позиции левых мелкобуржуазных социологов в Латинской Америке существенное влияние оказали леворадикальные концепции, частично импортированные из стран Западной Европы и Северной Америки, частично восходящие к традициям латиноамериканского мелкобуржуазного революционаризма предшествующих десятилетий, а также маоистская идеология.

Страны Латинской Америки стали объектом специальных исследований таких международных авторитетов левого радикализма, как североамериканец А. Гундер Франк и француз Р. Дебре. Гундер Франк сосредоточил внимание на экономических проблемах латиноамериканских стран, а работы Р. Дебре посвящены политическим и собственно революционным процессам⁴³. По мнению Гундера Франка, страны Латинской Америки в ходе испанской и португальской конкисты не вступили в период феодализма, а сразу попали на орбиту зависимого капиталистического развития, которое, модифицируясь, продолжается по сей день. Он считает, что основные линии эксплуатации в капиталистическом обществе проходят не между классами, а между социально-географическими общностями. Так, общество развитых капиталистических стран, «метрополии» (включающее в себя и буржуазию, и рабочий класс) эксплуатируют зависи-

мые, «периферийные» общества, являющиеся якобы «мировым пролетариатом». В самих «периферийных» обществах город эксплуатирует «внутренний пролетариат» — деревню, т. е. воссоздает внешние отношения зависимости в национальных структурах.

«Слаборазвитые районы наших стран,— пишет сторонник идей Гундера Франка мексиканский социолог Р. Ставенхаген,— играют роль внутренних колоний, и, вместо того чтобы ставить вопрос о странах Латинской Америки в их отношениях с мировыми метрополиями, было бы лучше говорить о внутреннем колониализме»⁴⁴.

Критикуя концепцию «внутреннего колониализма» в лево-радикальной идеологии стран Латинской Америки, советские исследователи отмечают, что отрицание внутренней динамики капиталистического развития латиноамериканских стран, сведение его к чему-то производному от империализма не позволяет полностью осознать новые явления, дать правильную интерпретацию процесса образования местных монополий и финансовой олигархии, появления государственно-монополистических тенденций, затрудняет определение тех социальных сил, которые призваны возглавить борьбу за социальные преобразования⁴⁵.

Р. Дебре стал известен не только своими теоретическими работами по проблемам латиноамериканской революции, но и участием в партизанской борьбе в Боливии. В 1967 г. он был арестован, и боливийский суд приговорил его к 30 годам тюремного заключения. Через три года новое правительство Боливии освободило Дебре и дало ему возможность уехать в Чили.

Участие в безуспешной партизанской эпопее в Боливии было для Дебре практической реализацией его теоретических посылок, в соответствии с которыми основными силами латиноамериканской революции являются крестьянство и радикальная интеллигенция, а политический механизм революции заключен во взаимодействии «маленького и большого мотора». «Маленький мотор», или «очаг», — это партизанский отряд, состоящий в основном из представителей радикальной интеллигенции и студенчества. «Маленький мотор», воодушевленный революционными идеями, начинает вооруженную борьбу и приводит в действие первоначально пассивный «большой мотор» — крестьянство. Революционный авангард, по Дебре, вырастает в процессе военных действий партизанского «очага», а сама вооруженная борьба служит единственным тактическим средством осуществления революции.

Отрицание роли рабочего класса и марксистско-ленинских партий в современной революции, идеализация крестьянства, противопоставление «неиспорченных» сельских жителей «развращенному» городскому населению, субъективное навязывание крайних форм революционной борьбы без учета реальной обстановки, непонимание конструктивных, созидательных задач

революции — вот отличительные черты революционаристских конструкций Дебре 60-х годов.

Извращая опыт кубинской революции, Дебре поставил под сомнение программные установки коммунистических партий латиноамериканских стран, бросив тень на ветеранов коммунистического движения на Кубе. Лучшим ответом на подобные измышления служат слова Ф. Кастро на Первом съезде Коммунистической партии Кубы о той роли, которую сыграли коммунисты в кубинской революции: «...Молодые борцы... глубоко уважали и почитали старых коммунистов, которые на протяжении многих героических и трудных лет боролись за социальные преобразования и с непоколебимой твердостью высоко держали славное знамя марксизма-ленинизма. Во многих случаях они были их духовными учителями, их вдохновителями и служили примером в борьбе. Даже в буржуазной университетской атмосфере и других молодежных кругах все восхищались Антонио Мельей и Мартинесом Вильеной, коммунисты за свое самопожертвование, честность и преданность делу пользовались глубоким уважением. Это важный урок нашей революции, не всегда принимаемый во внимание за рубежом многими людьми, которые тем не менее понимают ее чистоту и историческое величие. Историю нужно уважать и излагать правдиво»⁴⁶.

Идеи Дебре в значительной степени вдохновляли ультралевых идеологов в Чили, настаивавших на немедленном переходе к вооруженным формам борьбы против всех буржуазных и «обуржуазившихся» элементов, призывавших к отказу от сотрудничества с правительством Народного единства, как якобы оппортунистическим и проводящим политику государственного капитализма. Сам Дебре в эти годы писал о том, что «чилийский путь не идет дальше границ Чили», что он противоречит основному пути латиноамериканской революции⁴⁷. Линия ультралевых на раскол революционных сил в Чили, на ослабление народного единства пагубно сказалась на судьбах чилийского народа.

После контрреволюционного переворота в Чили в рядах чилийских ультралевых идеологов наметилось размежевание. Некоторые из них серьезно переосмысливают свои позиции и стремятся к сотрудничеству с единым антифашистским фронтом. Другие спекулируют на трагедии, во многом вызванной их собственной раскольнической и провокационной политикой, усиливают нападки на рабочий класс и его авангард — коммунистическую партию. Именно поэтому при серьезной, марксистско-ленинской оценке опыта революционного движения в Чили необходимо отметить, что демагогия ультралевых не содействовала, а, наоборот, затрудняла создание вооруженных сил революции, в том числе политическую работу в армии.

«...Временное поражение чилийской революции, — говорил на

XXV съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— не умаляет ее исторических заслуг, значение ее опыта. Трагедия Чили отнюдь не перечеркнула вывода коммунистов о возможности различных путей революции, в том числе мирного, если для этого существуют необходимые условия. Но она властно напомнила о том, что революция должна уметь себя защитить. Она учит бдительности против современного фашизма и происков иностранной реакции, зовет к усилению международной солидарности со всеми, кто встает на путь свободы и прогресса»⁴⁸.

Сложная идейно-теоретическая борьба идет вокруг развития революционного процесса в Перу⁴⁹. В начале революции была провозглашена программа глубоких социально-экономических преобразований, выходящих за рамки капиталистических решений и рассчитанных на активное участие народных масс. В то же время эта программа была подчеркнута националистична и отрицала международную значимость марксистско-ленинской теории и опыта реального социализма.

Перуанские коммунисты выступают за антиимпериалистические и антиолигархические преобразования в стране, сознавая, что такая линия отвечает интересам трудящихся масс, открывает новые перспективы для революционного развития, поднимает авторитет партии и помогает преодолению пережитков антикоммунизма в сознании демократически настроенных военных. При этом коммунисты учитывают как внутреннюю ситуацию в стране, так и обстановку на континенте в целом, в которой, как отмечается в Декларации Совещания компартий стран Южной Америки и Карибского бассейна, «расширяются возможности создания демократических правительств, противостоящих империализму и осуществляющих передовую политику в социальной области»⁵⁰.

Ультралевые идеологи либо нападают на военное правительство, обвиняя его в проведении неокapиталистической политики, либо стараются навязать ему программу немедленных преобразований в духе анархистского синдикализма, троцкистской «перманентной революции» или грубоурavnительского «казарменного коммунизма». И в том, и в другом случае они выступают против единого народного фронта, стремятся изолировать и дискредитировать коммунистов.

В последние годы общекоитинентальную известность получили работы леворадикального колумбийского социолога Орландо Фальс Борда. Идеологическая траектория Фальс Борда характерна для многих латиноамериканских буржуазных социологов. Получив университетское образование в США, он стал одним из первых исследователей сельских районов в Колумбии, занимал ряд ответственных постов в правительственном аппарате (вплоть до вице-министра сельского хозяйства). Выступив с резкой критикой феодальных пережитков в сельской

зоне⁵¹, Фальс Борда вошел в первую шеренгу национал-реформистского крыла в колумбийской социологии. В 1959 г. вместе с католическим священником и социологом К. Торресом Рестрепо он организовал социологический факультет Национального университета в Боготе. В пору первых лет «Союза ради прогресса» он тесно сотрудничал с межамериканскими и североамериканскими исследовательскими центрами, во многом разделяя тезисы «интегрально-элитарной школы». Затем под влиянием различных обстоятельств, среди которых не последнюю роль играло разоблачение шпионской деятельности ряда североамериканских социологических центров в Латинской Америке, Фальс Борда поспешил откеститься от своих взглядов и связей. Вскоре он выступил с ультралевых позиций, представив собственную социально-философскую концепцию мирового исторического развития, а также интерпретацию континентальной и национальной истории⁵².

Ведущей силой исторического развития на всех его этапах, по мнению Фальс Борда, выступают силы «ниспровержения», отрицающие традицию. Источник «ниспровержения» коренится в утопиях, распространяемых критически мыслящими меньшинствами («антиэлиты»). Распространившись в массах и подтолкнув общество на революционный переворот, утопии теряют свою взрывчатую силу, страна вновь обретает стабильность. Латиноамериканские народы, считает Фальс Борда, прошли несколько этапов революционных изменений, связанных с распространением ниспровергающих традицию утопий: «миссионерская», христианская утопия ниспровергла индейскую общину, «либеральная» утопия подорвала сеньориальную традицию колониального общества, «социалистическая» утопия (сюда Фальс Борда включает и марксистскую идеологию) подорвала буржуазный порядок и привела к установлению существующей ныне «социально-буржуазной» стабильности. В современном латиноамериканском обществе источником революционного изменения выступает якобы «неосоциалистическая, плюралистская» утопия.

Фальс Борда полагает, что постреволюционное общество никогда не соответствует революционной идее, ибо принципы любой традиции, стабильности (новой или старой) противоположны принципам «ниспровержения». Однако исторические ступени стабильности качественно разнятся друг от друга. Драма латиноамериканского общества, с точки зрения Фальс Борда, состоит в том, что каждый новый период стабильности не означает полного разрыва с предыдущим, носит компромиссный характер.

Анализируя причины незавершенности латиноамериканских революций, Фальс Борда приходит к выводу, что местные интеллектуальные меньшинства оказались несостоятельными в попытках создать социальную утопию, которая захватила бы

массы, а политические меньшинства проявили себя недостаточно решительными в деле «ниспровержения» и неспособными к самопожертвованию. Свои надежды Фальс Борда возлагает на новое поколение студенчества в Латинской Америке, которое должно найти в себе силы порвать не только с «традицией царящей стабильности», но и с «традицией утопии», с традицией половинчатых незавершенных революций. «В решающий период студенты превратятся в критиков нации, составят анти-элиту»,— утверждает он⁵³. Фальс Борда ставит в пример таких ультралевых политиков, как Маригела, Браво, лидеров уругвайских террористов — «тупамарос»⁵⁴, считает, что наиболее интересные модели революционного «ниспровержения» рождаются сегодня не в Европе, а в Латинской Америке, и с удовлетворением отмечает «латиноамериканизацию» леворадикального студенчества в США⁵⁵.

Концепция Фальс Борда, несмотря на все его претензии на оригинальность, несет на себе явственный отпечаток «интегрально-элитарных» трактовок революции, узкой структурно-функционалистской методологии. Революция мыслится им актом чисто разрушительным, внешним по отношению к стабильному обществу. Ее истоки — в сфере духа, критического сознания. Концепция «исторического ниспровержения», так же как концепция «социального изменения», лежащая в основе схем «интегральной революции», отрицает преемственность, поступательный характер исторического прогресса. У Фальс Борда аккумулятивной способностью обладает лишь область техники (и ее лишены сферы духовных ценностей, социальных норм и политической организации). Элитарный принцип общественного анализа сохранен в полной мере. Более того, леворадикальное кредо не только дает Фальс Борда и его сторонникам возможность претендовать на избранное положение в революционном движении и послереволюционном социальном устройстве, но и приоткрывает заветную дверь в салоны международной социологической элиты.

В сфере общетеоретических и методологических поисков для латиноамериканских леворадикальных социологов, исследующих проблемы революции, характерны разнообразные, но одинаково безуспешные попытки преодолеть разорванность буржуазно-социологической методологии и социальной философии вообще. Отсюда вытекает истолкование ими марксизма в духе абсолютного примата целого над частным («диалектический холизм» Гундера Франка) и попытка преодолеть противоречия теории психологическим усилием либо непосредственным включением социолога в революционную борьбу («участвующая социология» Фальс Борда).

На деле леворадикальные социологи практиковали формальные структуралистские приемы, извращающие диалектические принципы взаимосвязи и разрушающие цельность объекта ис-

следования, ведущие к жестким дихотомическим противопоставлениям типа: сьерра — город, иностранное — латиноамериканское и т. д. Попытка конкретизации приемов классового анализа в условиях Латинской Америки привела леворадикальных социологов к смешению классовых и колониальных (Франк), а иногда и этнических (Ставенхаген, Аранго) отношений при неспособности установить соподчиненность этих отношений.

Таким образом, вместо анализа сложных проблем революционного движения в Латинской Америке, осуществленного на базе мировой и национальной прогрессивной теоретической традиции, левые радикалы сконструировали ряд эклектических приспособлений общей социологической теории к капризам политической конъюнктуры. Этим объясняется, кстати, малый вклад леворадикальной социологии в развитие эмпирических исследований в Латинской Америке. Фактологическая оснащенность леворадикальных теорий, за редким исключением (Ставенхаген), заимствована из работ представителей других социологических школ; использование ими эмпирического, в том числе статистического, материала носит иллюстративный характер. Ряд работ леворадикальных социологов построен на откровенно элитаристских и психологизаторских основах (теория «исторического ниспровержения» Фальс Борда) или на принципах исторического агностицизма. Так, Дебре попытался сформулировать некий «антизакон истории», согласно которому все наиболее важные исторические события происходят неожиданно и в принципе непредсказуемы.

Конец 60-х годов в левой немарксистской социологии в Латинской Америке ознаменовался освоением новой проблематики — механизмов индустриализированного капиталистического общества. Кризис политики проимпериалистического реформизма разрушил иллюзии мелкой буржуазии и трудящихся с мелкобуржуазным сознанием, вызвал широкую волну возмущения против правящей олигархии и подъем националистических настроений. В этой обстановке зародилась школа «новой зависимости», представители которой критически подошли ко всему комплексу отношений — экономических, политических, культурных, сложившихся в результате проникновения империализма в промышленность и общественную структуру латиноамериканских государств⁵⁶.

Для большинства теоретиков школы «новой зависимости» — как радикальных, так и более умеренных — характерен отказ от символики национального капитализма и переход на позиции мелкобуржуазного социализма. Их трактовка социализма необычайно пестра: от «рабочего социализма», включающего многие элементы троцкизма, до «университетского социализма».

Если в общесоциологической сфере школа «новой зависимости» пытается противопоставить марксистско-ленинской теории

свое понятие социализма, то в области методологии для нее характерны разнообразные «усовершенствования» марксизма, механическое соединение элементов марксизма с структурализмом, эволюционизмом, теориями социального конфликта. Так на сцене латиноамериканской социологии появились концепции «исторической эксплуатации», «исторического национализма» и ряд других.

Национальные модели преодоления зависимости, в изобилии появившиеся в латиноамериканской буржуазной социологии в 70-х годах, отражали как националистические устремления местных буржуазных и мелкобуржуазных кругов, так и реально увеличившуюся специфику и неравномерность в развитии отдельных стран Латинской Америки.

К числу наиболее известных национальных моделей такого типа принадлежат теоретические разработки перонистских «национальных кафедр» в Аргентине, стремящихся объединить принципы «хустисиалистской» идеологии Перона с современным социологическим аппаратом. Модели перуанского общества, созданные теоретиками из научно-исследовательского центра вооруженных сил Перу (САЕМ), легли в основу реформ, проводившихся левым военным правительством. В Мексике ряд теоретиков левореформистского толка пытаются обновить и оснастить новейшей социологической методологией «мексиканский социализм» — реформистскую идеологию правящей мексиканской буржуазии. Своеобразна ситуация на левом крыле венесуэльской буржуазной социологии, где остро конкурируют новые образцы национал-реформистской теории «демократической революции» и модель «венесуэльского социализма», созданная ревизионистской группой Т. Петкова.

В своих последних работах Т. Петков, претендуя на широкие историко-философские обобщения, заявляет об устарелости всей предшествующей революционной теории, причем идеи маоизма ставятся им на одну доску с теоретическим наследием Маркса и Ленина. Более того, он стремится противопоставить Ленину Маркса, объявляет Великий Октябрь «последней революцией в стиле XIX в.». Естественным выводом из этой фронтальной ревизии марксистско-ленинской теории революции следует тезис об изменении задач революционной борьбы на современном этапе, которые сводятся Петковым, по существу, к реформистской программе духовного обновления общества⁵⁷.

Критическая позиция в отношении методологических основ буржуазной «социологии революции», характерная для многих современных буржуазных социологов в Латинской Америке, рельефно выступает в поздних работах видного бразильского буржуазного социолога Ф. Кардозо. Подытоживая определенный период в развитии латиноамериканской буржуазной социологии, Ф. Кардозо пишет, что «попытки представить процесс общественного развития без использования историко-структур-

ного метода при одновременной деполитизации анализа общественного развития глобальных систем привели к весьма жалким результатам»⁵⁸.

Особо следует отметить обращение латиноамериканских социологов к опыту марксистской научной мысли. Так, Ф. Кардозо считает, что даже для наиболее критически настроенных по отношению к марксизму ученых марксистский метод объяснения процесса общественного развития и истории может быть весьма ценным. Более того, по мнению Ф. Кардозо, теория Маркса является «условием существования самой общественной науки», потому что она «дает такое объяснение, в котором связаны два кажущиеся радикально чуждыми друг другу и непримиримыми между собой процесса: с одной стороны, осмысление структурных связей существования и продолжения существования, а с другой — наличие социальных сил отрицания, которые действуют в недрах самих этих структур. Короче говоря, решается старая проблема связи между всеобщей структурой и конкретной историей»⁵⁹.

Тем не менее необходимость изучения научных традиций и методологических принципов марксистской социологии познается латиноамериканскими социологами лишь в трудных условиях острой идеологической борьбы, преодоления иллюзий, привычек и стандартов мышления. Так, тот же Ф. Кардозо порой трактует марксистское положение об обострении противоречий между пролетариатом и буржуазией как абсолютное обнищание рабочего класса. Приписывая марксизму подобные утверждения и весьма некритически воспринимая распространенный тезис буржуазной идеологии о стирании различий между рабочим классом и буржуазией в развитых капиталистических странах, Ф. Кардозо пишет о том, что перспективы революционного преобразования капиталистического общества сегодня связаны главным образом с противоречиями между развитыми и слабо развитыми странами. В то же время Ф. Кардозо полагает, что классический марксизм не учитывал связей между экономически господствующими и экономически зависимыми странами и, «следовательно, социальная динамика рассматривалась внутри однородной и замкнутой системы, в которой классовая борьба, а точнее — только борьба пролетариата с буржуазией, указывала на возможность общественных преобразований»⁶⁰.

Отдавая должное эволюции латиноамериканских социологов вроде Ф. Кардозо, нужно отметить, что понимание социалистической революции у них остается узким, привязанным к конкретным формам уже прошедших революций; при этом внимание концентрируется не на общих, а на специфических их чертах, что искажает социальную перспективу революционных движений в странах, которые уже вступили в эпоху интенсивной индустриализации и научно-технической революции.

Большинство левых мелкобуржуазных социологов искренне

протестуют против идеологической экспансии империализма. Они критически рассматривают североамериканские образцы социологии и гуманитарного образования. Так, группа венесуэльских левых социологов пишет, что «не может не тревожить тот факт, что латиноамериканские университеты вслед за университетами США превращаются в гигантские корпорации, где функционер-чиновник вытесняет мыслителя и где каждый сосредоточивается на своей узкой цели, не задумываясь об ее общественных результатах»⁶¹.

Иначе, чем «интегрально-элитарные» теоретики, видят левые радикалы и роль социолога в обществе, стоящем на пороге революционных потрясений. Так, упомянутый выше колумбиец О. Фальс Борда призывал к созданию «социологии освобождения», отвергающей финансовую поддержку иностранных и местных монополистических группировок. Латиноамериканские социологи, по его мысли, должны отвергать авторитет лидеров социологии империалистических стран, говорить простым языком, «языком бедных»⁶². Аргентинец О. Варсавски писал о «восставшей социологии», о «партизанской социологии», заключающей союз с силами, которые разрушают господствующую общественную систему⁶³.

Социологи буржуазного и мелкобуржуазного толка переживают сейчас те же сложные, противоречивые процессы, которые характерны для группы администраторов, военных, деятелей культуры и т. д. Являясь одним из звеньев механизма капиталистического управления и пропаганды, буржуазные социологи стран Латинской Америки (если говорить о массе рядовых исследователей) сами испытывают на себе отрицательное воздействие власти монополий, империалистического проникновения в свои страны. Все большее их число проявляет симпатии к революционному движению, выражает недовольство проимпериалистическими режимами, которые царят сейчас во многих латиноамериканских странах.

*РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ
И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ
(ЗАКЛЮЧЕНИЕ)*

Расширение движений за национальное и социальное освобождение в странах Азии, Африки и Латинской Америки привело к значительным сдвигам в идеологической борьбе. Существенно изменился арсенал западнобуржуазных теорий, служащих идеологической экспансии империализма и часто составляющих основу для разработки реальной контрреволюционной политики монополистических центров в развивающихся странах. На смену концепциям прозападного реформизма, неограниченной «вестернизации» пришли теории, формально признающие самостоятельность и самобытность африканских, азиатских и латиноамериканских народов. Идеи непосредственного руководства развитием стран Азии, Африки и Латинской Америки со стороны монополий по рецептам академических центров Запада трансформировались в идеи «партнерства», «взаимозависимости».

Многие буржуазные социологи все чаще видят последствия научно-технической революции в членении мира на три зоны: «страны-лаборатории», «страны-заводы» и «страны-деревни». При этом среднеразвитые «страны-заводы» противопоставляются слабо развитым «странам-деревням». В политологии им соответствуют неотрадиционалистские течения, приспособляющие феодально-бюрократические, а иногда и феодально-общинные кастовые институты к нуждам империалистической экспансии.

Провал контрреволюционной доктрины «ограниченной войны», призванной обеспечить прямой политический контроль империализма, вызвал к жизни новые теории «предваряющего и учитывающего контроля» в афро-азиатских и латиноамериканских странах. Идеалом «предваряющего контроля» остается так называемая «японская модель» как симбиоз местных феодальных традиций и институтов с прозападной монополистической организацией при наличии определенных буржуазно-демократических элементов в политической структуре общества. Однако при всей привлекательности «японской модели» для империалистических стратегов они не могут не понимать, что эта модель не применима к большинству развивающихся стран.

В стремлении найти «партнера» в странах Латинской Аме-

рики и Азии для реализации «предваряющего контроля» империализм все чаще обращается к откровенно праворадикальным, профашистским режимам. Но там, где имеется риск, что такие режимы не утвердятся, империализм использует вариант «учитывающего контроля», предусматривающий обработку левых и в первую очередь ультралевых организаций. Буржуазные теоретики стремятся изнутри развалить авангардные партии и прогрессивные политические блоки в развивающихся странах. Экономические эксперты вырабатывают новый стиль отношений с укрепляющимся государственным сектором развивающихся стран. Идеологи империализма внимательно следят за формированием теорий «национальных социализмов» и «национальных коммунизмов», используя их для фальсификации научного социализма и противопоставления практике реального социализма, международного коммунистического и рабочего движения.

«Империализм,— пишет советский ученый К. Н. Брутенц,— остается главным врагом национально-освободительного движения. Вместе с тем ныне следует, видимо, говорить об империализме, выступающем в союзе (или, по крайней мере, в сотрудничестве) с классовыми силами, которые представляют собой как бы смесь старых и новых его партнеров-клиентов... Не отказавшись от контрреволюционного насилия, внутренняя реакция вместе с тем все шире применяет метод своеобразного «обволакивания» революционно-демократических режимов реакционной паутиной, и в этом смысле происходит дальнейшее сближение ее тактики с тактикой империализма»¹.

Многие западнобуржуазные исследовательские организации, специализирующиеся на проблемах революционных движений в развивающихся странах, в последние годы стремятся быстро откликнуться на любое новое явление и повернуть на пользу империализма даже вынужденное отступление своих патронов. Все чаще официальная буржуазная наука вынуждена прибегать к мимикрии, к «левым» маскам, брать напрокат псевдомарксистские категории. Однако, несмотря на калейдоскоп имен и мнений, нельзя не видеть безусловного кризиса апологетического направления буржуазной социологии, потери его единого теоретического стержня и перспективы.

В исследованиях проблем революции в странах Азии, Африки и Латинской Америки на Западе наблюдается оживление либерально-критической мысли. В социал-демократической литературе по вопросам развивающихся стран наряду с правыми социал-демократическими теоретиками, солидаризирующимися с политикой неокOLONиализма, выделяется группа левосоциалистических авторов, призывающих к радикальному пересмотру отношений между развитыми капиталистическими государствами, с одной стороны, и странами Азии, Африки и Латинской Америки — с другой.

Идеология и политическая практика развивающихся стран оказывают постоянное влияние на общественную мысль развитых капиталистических государств, причем значение его быстро возрастает. «Новые левые» в Северной Америке и Европе восторженно приветствовали революционные взрывы, искренне сочувствовали борьбе колоний и полуколоний за независимость. Однако некритическое восприятие опыта националистических и ультралевых движений приводило их порой к механическому пересаживанию этого опыта на чужую почву, к оправданию собственного исторического пессимизма в отношении западного общества мессианской ролью Востока в революционной борьбе.

Правые идеологи пугают западного обывателя грядущим потоком «цветного коммунизма», который захлестнет-де острова «белой демократии». Тревожатся по поводу демографического взрыва, сырьевой блокады, мирового голода либералы, тщетно взывая к рассудительности монополистического мира. Подлинные революционеры и демократы расширяют борьбу за объединение всех антимонаполистических сил.

Авторы многих немарксистских концепций революции в развивающихся странах стремятся к идейной и методологической независимости от западнобуржуазной философской и социологической мысли, к сотрудничеству между собой в региональных рамках. В их работах четко прослеживается тенденция к ползению, к переходу от умеренного к левому реформизму и леворадикальным концепциям, к выходу за рамки капиталистических решений (на путях социалистической ориентации докапиталистических и раннекапиталистических обществ либо путем прерыва более зрелого буржуазного развития).

Ширится воздействие успехов социализма, опыта стран социалистического содружества. Построение общества развитого социализма в СССР, развитие социалистической интеграции, победа вьетнамского народа, успехи социалистической Кубы революционизируют сознание миллионов людей на всех континентах. К середине 70-х годов в результате победы революционных сил образовался «красный пояс» таких государств, как НРК, Ангола, Мозамбик, Эфиопия, Бенин, Демократическая Республика Мадагаскар и др. Все они при определении своего курса во многом учитывают положительный и отрицательный опыт революционных движений в развивающихся странах за предыдущие годы и все более решительно декларируют программу построения в будущем социалистического общества. «Исключительно важно,— говорил Л. И. Брежнев,— что многие освободившиеся государства отклоняют капиталистический путь развития и ставят своей целью построение общества, свободного от эксплуатации, ориентируются на социализм. В лице социалистических стран эти государства имеют верных и надежных друзей, готовых оказать им возможную помощь и поддержку в развитии по прогрессивному пути»².

Вместе с тем многочисленные трудности, переживаемые народами Азии, Африки и Латинской Америки, нередко приводят к оживлению реакционной идеологии, к перерождению революционно-демократической теории в национал-реформистскую, а национал-реформистской — в проимпериалистический реформизм и правый радикализм. Тяжело отозвались на судьбах ряда развивающихся стран заблуждения и ошибки некоторых левых теоретиков и политиков: чрезмерные уступки либо, наоборот, недооценка национализма, религии, вождизма; идеализация государственного сектора, недооценка роли частного сектора и иностранного капитала на этапе борьбы за становление собственной экономики; абсолютизация вооруженного пути революции и не менее опасная абсолютизация мирного пути, утопии буржуазного конституционализма; потребительское отношение к социализму, внутренняя неподготовленность к трудностям некапиталистического пути развития; левацкий изоляционизм, непонимание объективного характера мирохозяйственных связей, возможностей их демократизации в ходе антиимпериалистической борьбы, принципиального отличия социалистической интеграции от капиталистической и ряд других ошибочных положений.

В процессе формирования методологии ряда концепций революции в обществоведении развивающихся стран порой еще сильнее, чем в общесоциологических конструкциях, дает о себе знать зависимость от западнобуржуазных школ. Многие из них несут на себе печать элитаризма. Неверие в демократическое творчество масс в политической и экономической сферах может выражаться и в левацких лозунгах «перманентной революции», «культурной революции» и т. д. Сильное влияние продолжает оказывать и общая тенденция современного буржуазного обществоведения к субъективистским интерпретациям и узкой психологизации исследуемых социальных явлений. Методологический субъективизм тесно смыкается с упрощенчеством в духе европейских «новых левых», замыкающих общественную картину на сиюминутное восприятие исследователя.

Нередко идеологический пафос левонационалистических теоретиков соседствует с методологическим эклектизмом под маской модного на Западе «методологического плюрализма», требующего отказа исследователя от какой-либо цельной мировоззренческой платформы.

Прогрессивным моментом в развитии немарксистских теорий революции в развивающихся странах можно считать серьезную разработку многими авторами вопросов зависимости их стран, поиск гуманистических критериев при выборе путей национального развития. Правда, зависимость часто ими абсолютизируется и служит основой для искаженных исторических реконструкций. «Зависимое общество» в этих теориях предстает изначально и во всех своих элементах отличным от западного,

а абстрактный гуманизм используется для рассуждений об особой «гуманистической революции» в развивающихся странах, якобы превосходящей по своим моральным качествам социалистические революции европейского типа.

В современных условиях важное значение приобретает обращение ученых-обществоведов из развивающихся стран к марксистской мысли. Влияние марксизма в сфере социальной теории растет, несмотря на трудности его распространения в Азии, Африке и Латинской Америке. Расширяется теоретическая и пропагандистская работа коммунистических и рабочих партий в развивающихся странах. Особый случай представляет усвоение научного социализма в тех странах социалистической ориентации, где еще отсутствуют коммунистические партии. Там нередко социалистическая ориентация отождествляется со строительством социализма (причем часто специфика переходного этапа выдается за национальные особенности социализма). В ряде случаев это явление — результат смешения пропагандистских и научно-теоретических функций идеологии. Необычайно сложно творчески разрабатывать проблемы революционного развития на уровне современной науки и одновременно вести широкую пропаганду социализма в форме, доступной в большинстве неграмотным массам населения.

Первостепенное значение для судеб революции в странах Азии, Африки и Латинской Америки имеет разрядка международной напряженности, борьбу за которую ведут страны социалистического содружества и все подлинно демократические силы в мире. Отступление сил милитаризма открывает новые возможности для революционных социально-экономических и политических перемен в развивающихся странах. Ограничение гонки вооружений может дать международному сообществу необходимые средства для оказания помощи беднейшим из них. Только враги освободительного движения угнетенных народов могут рассматривать разрядку как соглашение между сверхдержавами о поддержании статус-кво в развивающихся странах, либо как ширму, прикрывающую «красный империализм». Распространяются и реформистские иллюзии, в соответствии с которыми сэконоmlенные на вооружении деньги смогут автоматически разрешить все проблемы развивающихся стран без ликвидации существующих там архаичных социально-политических структур и без изменения характера отношений этих стран с империалистическими центрами.

Разностороннее и взаимовыгодное сотрудничество стран-членов СЭВ с государствами Азии, Африки и Латинской Америки, поддержка социалистическим содружеством справедливых требований развивающихся стран на всех международных форумах, принципиально новые отношения в зоне социалистической интеграции оказывают огромное революционизирующее влияние на эти страны. Именно поэтому идеологи империализма и мест-

ной реакции прилагают отчаянные усилия, чтобы извратить смысл экономической политики СЭВ, оторвать развивающиеся государства от социалистических стран. В контрреволюционном идеологическом арсенале империализма значительное место продолжают занимать разнообразные концепции «помощи» странам Азии, Африки и Латинской Америки, в том числе те, которые выдвигают положения о якобы одинаковой ответственности социалистических и империалистических государств за экономическую отсталость развивающихся стран.

Активизация идейно-теоретической борьбы по проблемам революционных процессов в странах Азии, Африки и Латинской Америки выдвигает серьезные задачи перед учеными-марксистами как в плане исследования реальных экономических, социальных и политических явлений, так и в плане изучения идеологических течений. Критика немарксистской идеологии (в том числе теорий революционных процессов) в развивающихся странах складывается сегодня в самостоятельную отрасль обществоведения, лежащую на стыке марксистской теории развития стран Азии, Африки и Латинской Америки и критики современной буржуазной и мелкобуржуазной идеологии в развитых капиталистических странах. Уточнение предмета этой новой научной дисциплины, обогащение методов анализа, преемственность в исследованиях, взаимная информированность и координация специалистов составляют важные требования нынешнего этапа научной работы и идеологической борьбы.

В последние годы возникли новые приемы марксистского анализа идеологических явлений в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Критика социальных теорий теснее увязывается с анализом форм массового сознания. В работах ученых-марксистов получил развитие принцип конкретно-социологического исследования.

Эффективная критика немарксистских концепций революции в развивающихся странах в настоящий момент особо нуждается в политически корректном, дифференцированном подходе, учитывающем общественную позицию того или иного теоретика, его мировоззренческую траекторию. Не только вскрыть логический строй конкретной концепции и установить ее социальный адресат, но и понять специфику авторского видения проблемы, подчас помочь ему разобраться в самом себе — так стоит вопрос, когда речь идет о серьезном диалоге с прогрессивными кругами интеллигенции развивающихся стран. Творческая инициатива, широкое сотрудничество ученых социалистических стран с исследователями-марксистами в развивающихся странах могут стать важным вкладом в борьбу с идеологией империализма и местной реакции.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Цит. по: «Новое время». 1976, № 48, с. 18.
- ² H. Arendt. On Revolution. N. Y., 1963, с. 219.
- ³ «New York Times», 1974, October 13.
- ⁴ Lenk K. Theorien der revolution. Munchen, 1973.
- ⁵ Ch. Johnson. Revolutionary Change. Boston, 1965, с. 1.
- ⁶ Cr. Brinton. The Anatomy of Revolution. 1965, с. 16—17.
- ⁷ H. L. Bretton. Power and Politics in Africa Revolution. Chicago, 1973.
- ⁸ D. V. Bell. Resistance and Revolution. Boston, 1973.
- ⁹ J. C. Davies. The History of Violence in America. N. Y., 1969, с. 113.
- ¹⁰ P. A. Calvert. A Study of Revolution. Oxford, 1970, с. 181—191.
- ¹¹ Ch. Johnson. Revolution and Social System. Stanford, 1964.
- ¹² J. Davis. Toward a Theory of Revolution.—«American Sociological Review». Vol. 27, 1962, № 1, с. 6.
- ¹³ См. «Internal War». Ed. by H. Eckstein. N. Y., 1964.
- ¹⁴ D. V. Bell. Resistance and Revolution.
- ¹⁵ Там же, с. 144.
- ¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. К критике политической экономии.— Сочинения. Изд. 2-е. Т. 13, с. 7.
- ¹⁷ В. И. Ленин. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение.— Полное собрание сочинений. Т. 27, с. 62.
- ¹⁸ В. И. Ленин. Записки публициста.— Полное собрание сочинений. Т. 19, с. 247.
- ¹⁹ В. И. Ленин. Итоги дискуссии о самоопределении.— Полное собрание сочинений. Т. 30, с. 54.

I

АЗИЯ

- ¹ G. Narain. World Policy and Asia. Hyderabad. 1970, с. 117.
- ² Tariq Ali. Explosion in South Asia.—«Imperialism and Revolution in South Asia». N. Y.—L., 1973, с. 449.
- ³ B. Crozier. South East Asia in Turmoil. L., 1966, (i).
- ⁴ G. Fairbairn. Revolutionary Warfare and Communist Strategy. L., 1968, с. 21, 25.
- ⁵ R. Thompson. Revolutionary War in World Strategy. L., 1970, с. 160 (Summary).
- ⁶ Там же, с. 4.
- ⁷ Там же, с. 2.
- ⁸ Там же, с. 10.
- ⁹ Там же, с. 9.
- ¹⁰ Цит. по: Критика антикоммунистических фальсификаций ленинской теории социалистической революции. М., 1975, с. 8.
- ¹¹ Там же.
- ¹² «Encounter». L., March 1961, с. 21—22.
- ¹³ E. Hobsbawm. Revolutionaries. L., 1973, с. 163.

- ¹⁴ Цит. по: «Правда», 19.IX.1975.
- ¹⁵ Цит. по: Peasant Rebellion and Communist Revolution in Asia. Stanford, 1974, с. 117.
- ¹⁶ R. Thompson. Revolutionary War in World Strategy, с. 16.
- ¹⁷ Там же, с. 9.
- ¹⁸ J. Dunn. Modern Revolutions. Cambridge, 1972, с. 131—132.
- ¹⁹ Государство социалистической ориентации. М., 1975, с. 33.
- ²⁰ E. Mitchell. Inequality and Insurgency.—«World Politics». Vol. XX. Princeton, 1968, № 3, с. 421.
- ²¹ B. Crozier. A Theory of Conflict. N. Y., 1974, с. 225.
- ²² Там же, с. 223, 225.
- ²³ Там же.
- ²⁴ E. Wolf. Peasant Wars of the Twentieth Century. N. Y., 1969, с. 276.
- ²⁵ Там же, с. 280.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же, с. 302.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Цит. по: «World Politics». Vol. XX. Princeton, 1968, № 3, с. 422.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ B. Moore. Social Origin of Dictatorship and Democracy.—Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston, 1966, с. 483.
- ³² E. Wolf. Peasant Wars of the Twentieth Century, с. 299.
- ³³ Reform and Revolution in Asia. L., 1972, с. 273.
- ³⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., 1974, с. 38—39.
- ³⁵ H. Alavi. Peasants and Revolution.—Imperialism and Revolution in South Asia. N. Y.—L., 1973, с. 296.
- ³⁶ D. Zagoria. Asian Tenancy System and Communist Mobilization of the Peasantry.—Peasant Rebellion and Communist Revolution in Asia. Stanford, 1974, с. 56.
- ³⁷ K. Hartford and J. Lewis. Afterwards.—Peasant Rebellion and Communist Revolution in Asia, с. 304.
- ³⁸ Там же, с. 306.
- ³⁹ R. Thompson. Revolutionary Warfare and Communist Strategy, с. 15.
- ⁴⁰ E. Wolf. Peasant Wars of the Twentieth Century, с. 291.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же, с. 290.
- ⁴³ H. Alavi. Peasants and Revolution, с. 333—334.
- ⁴⁴ E. Mitchell. Inequality and Insurgency, с. 438.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ D. Paige. Inequality and Insurgency in Vietnam: a re-analysis.—«World Politics». Princeton, October 1970.
- ⁴⁷ D. Zagoria. Asian Tenancy System and Communist Mobilization of the Peasantry, с. 55.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же, с. 43—44.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Цит. по: B. Moore. Social Origin of Dictatorship and Democracy, с. 228.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ D. Zagoria. Asian Tenancy System and Communist Mobilization of the Peasantry, с. 53.
- ⁵⁴ См.: G. Fairbairn. Revolutionary Warfare and Communist Strategy, с. 19; R. Thompson. Revolutionary War in World Strategy, с. 22, 152.
- ⁵⁵ K. Hartford and J. Lewis. Afterwards, с. 305.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ R. Thompson. Revolutionary War in World Strategy, с. 15.
- ⁵⁸ B. Crozier. A Theory of Conflict, с. 130.
- ⁵⁹ E. Hobsbawm. Revolutionaries, с. 167.

- ⁶⁰ U Nu. Forward with the People. Rangoon, 1953, с. 6.
- ⁶¹ Цит. по: South East Asia. Documents of Political Development and Change. Ithaca — London, 1974, с. 530.
- ⁶² См.: А. И. Ионов а. Об эволюции «национальной идеологии» в Индонезии.— «Народы Азии и Африки». 1974, № 2, с. 3.
- ⁶³ Цит. по: Социология Р. Миллса. М., 1970, с. 72, 109.
- ⁶⁴ А. Г. Бельский, Г. С. Соломин. Развитие слаборазвитости и социология развития.— «Народы Азии и Африки». 1977, № 3, с. 198.
- ⁶⁵ D. Lerner. The Passing of Traditional Society. Glencal, 1958; S. Eisenstadt. Comparative Perspectives on Social Change. Boston, 1968; M. Levy. Modernization and the Structure of Society. Princeton, 1966.
- ⁶⁶ Reform and Revolution in Asia. L., 1972.
- ⁶⁷ Там же, с. 28.
- ⁶⁸ Там же, с. 270.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ S. A. Hertzler. Technological Growth and Social Change. N. Y.—Wash., 1969, с. 241.
- ⁷¹ Е. Б. Черняк. Маркс и новейшие направления буржуазной историографии.— «Маркс—историк». М., 1968, с. 647.
- ⁷² H. Marcuse. An Essay on Liberation. Boston, 1969, с. 80—82.
- ⁷³ Э. Я. Баталов, Л. А. Никитич, Я. Г. Фогелер. Поход Маркузе против марксизма. М., 1970, с. 126.
- ⁷⁴ В. Мооре. Social Origin of Dictatorship and Democracy, с. XV—XVI.
- ⁷⁵ Там же, с. XVI.
- ⁷⁶ Там же, с. 159.
- ⁷⁷ Там же, с. XVI.
- ⁷⁸ Там же, с. 374.
- ⁷⁹ Там же, с. 505—506.
- ⁸⁰ S. Rothman. Barrington Moore and Dialectics of Revolution.— «American Political Science Review». March 1970, № 1, с. 80.
- ⁸¹ J. Featherstone. Modern Times.— «New Republic». N. Y., 1967, January 7, № 2, см. 43.
- ⁸² J. Wiener. The Barrington Moore Thesis and its Critics.— Theory and Society». 1975, Vol. 2, № 3, с. 311.

II

АФРИКА

- ¹ Ch. F. Andrian. Patterns of African Socialist Thought.— «African Forum». N. Y., 1966, № 3.
- ² C. Legum. Africa's Contending Revolutionaries.— «Problems of Communism». Wash., 1972, № 2.
- ³ P. E. Zigmund. The Ideologies of the Developing Nations. N. Y., 1963, с. 18—21.
- ⁴ Kohn and W. Sokolsky. African Nationalism in the 20-th century. Toronto — New York — London, 1965.
- ⁵ Подробнее см.: Я. Я. Эттингер. Межгосударственные отношения в Африке. М., 1972.
- ⁶ J. Verque. L'Orient Second. P., 1970.
- ⁷ E. Bustin. La Politique étranger des états africaines: constantes et variables.— «Afrique documents». 1969, № 101.
- ⁸ J. Mayall. Africa: the Cold War and After. L., 1971.
- ⁹ F. Brockway. African Socialism. L., 1963; W. Fridland and C. Rosberg (ed.). African Socialism. Stanford, 1964.
- ¹⁰ Y. S. Gibson. Ideology and World Affairs. L., 1963.
- ¹¹ W. A. Jennings. Democracy in Africa. Cambridge, 1963, с. 34.
- ¹² S. M. Lipset. Revolution and Counter-revolution. Change and Persistence in Social Structures. L., 1969, с. 196.

- ¹³ G. D. Miller. *Studies in Democracy*. Melbourne, 1966, с. 54—55.
- ¹⁴ M. Duverger. *Introduction à la sociologie politique*. P., 1962, с. 66.
- ¹⁵ D. Apter. *The Political Kingdom in Uganda*. Princeton, 1966; H. Bienen. *Tanzania's Party Transformation and Economic Development*. Princeton, 1961.
- ¹⁶ L. de Villefosse. *Géographie de la liberté. Les droits de l'homme dans le monde*. P., 1965.
- ¹⁷ R. W. Howe. *African Revolution*. 1969, с. 109.
- ¹⁸ Политические партии Африки. М., 1970, с. 67.
- ¹⁹ *The New Elites of Tropical Africa*. L., 1966.
- ²⁰ Дж. Уоддис. «Новые» теории революции. Критический анализ взглядов Ф. Фанона, Р. Дебре, Г. Маркузе. М., 1975, с. 78.
- ²¹ Аграрный вопрос и крестьянство в странах Тропической Африки. М., 1965.
- ²² N. Harris. *The Revolutionary Role of the Peasants*.—«International Socialism», L., 1969—1970, № 41.
- ²³ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 2. М., 1970, с. 386.
- ²⁴ H. Marcuse. *An Essay on Liberation*. L., 1969.
- ²⁵ M. Coldwell. *The Revolutionary Role of the Peasants*.—«Review of African Political Economy». L., 1974, № 1.
- ²⁶ L. A. Fallers. *Are African Cultivators to be Called Peasants?*—«Current Anthropology». 1961, № 2.
- ²⁷ C. Leys. *Politics in Kenya. The Development of Peasant Society*.—«British Journal of Political Science». 1970, № 1.
- ²⁸ J. S. Saul. *African Peasants and Revolution*.—«Review of African Political Economy». 1974, № 1, с. 47.
- ²⁹ Там же, с. 49—50.
- ³⁰ R. Buijtenhuis. *Le Mouvement «Mau-Mau». Une Révolte paysanne et anticoloniale en Afrique Noire*. Le Haye — Paris, 1971.
- ³¹ E. Y. Hobsbaum. *Primitive Rebels*, Manchester, 1955.
- ³² R. Buijtenhuis. *Le Mouvement «Mau-Mau»*.
- ³³ E. M. Lefever. *Spear and Scepter. Army, Police and Politics in Tropical Africa*. Wash., 1970, с. 177.
- ³⁴ R. Luckham. *The Nigerian Military. A Sociological Analysis of Authority and Revolt 1960—1967*. L., 1971.
- ³⁵ R. First. *The Barrel of a Gun. Political Power in Africa and Coup d'Etat*. L., 1970, с. 11.
- ³⁶ Samuel Decalo. *Coups and Army Rule in Africa. Studies in Military Style*. New Haven — London, 1976, с. 14.
- ³⁷ Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., 1975, с. 368.
- ³⁸ L. Rubinfoff. *Introduction. The Crisis of Modernity. The Implicit Barbarism of Technology*.—*Tradition and Revolution*. N. Y., 1971.
- ³⁹ F. Fanon. *Les damnés de la terre*. P., 1961, с. 47.
- ⁴⁰ Там же, с. 70.
- ⁴¹ D. Barnett, K. Njama. *Mau Mau from Within. Autobiography and Analysis of Kenya's Peasant Revolt*. L., 1966; J. Marcum. *The Angolan Revolution. Vol. I*, Cambridge, 1969.
- ⁴² См., например, Гр. Brinton. *The Anatomy of Revolution*. 1965.
- ⁴³ L. S. Senghor. *Ce que l'homme noir apporte*.—*Liberté: négritude et humanisme*. P., 1964, с. 24.
- ⁴⁴ Там же, с. 259.
- ⁴⁵ L. Senghor. *Le Gouvernement du décollage économique*. Dakar, 1968, с. 6.
- ⁴⁶ J. G. Vaillant. *Dilemmas for anti-western Patriotism. Slavophilism and Négritude*.—«The Journal of Modern African Studies». 1974, № 3.
- ⁴⁷ «L'Action», 22.X.64.
- ⁴⁸ Политические партии Африки, с. 231.
- ⁴⁹ «Проблемы мира и социализма». М., 1978, № 3.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

- ¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969, с. 314.
- ² См. Коммунистические партии Латинской Америки в борьбе за единство антиимпериалистических сил. М., 1976, с. 69—70.
- ³ См.: М. Ф. Кудачкин. Чили: борьба за единство и победу левых сил. М., 1973; Латинская Америка: проблемы единства антиимпериалистических сил. Ч. I—II. М., 1974; К. С. Сергеев, В. Г. Ткаченко. Латинская Америка: борьба за независимость. М., 1975.
- ⁴ Цит. по: «Гранта», 16.VI.1975.
- ⁵ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 4. М., 1974, с. 405.
- ⁶ Ш. Х. Хандаль. Помешать империализму развязывать войны.—«Политический портрет Латинской Америки». Вып. 1. Прага, 1974, с. 13—14.
- ⁷ В. И. Ленин. Реформизм в русской социал-демократии.—Полное собрание сочинений. Т. 20, с. 305.
- ⁸ См.: Н. Н. Разумович. Кто и как правит в Латинской Америке. Политическая система латиноамериканских стран. М., 1967, с. 26—27.
- ⁹ José Medina Echaverría. Aspectos Sociales del desarrollo económico en América Latina. Vol. I—II. P., 1963.
- ¹⁰ F. F. Palavicini. Política constitucional. México. 1950; G. Plaza. Problems of Democracy in Latin America. Chapel Hill, 1955; J. Posada. La revolución democrática. Bogotá, 1955.
- ¹¹ G. Arciniegas. Entre la libertad y el miedo. Buenos Aires, 1961, с. 32.
- ¹² Цит. по: Р. Арисменди. Проблемы латиноамериканской революции. М., 1964, с. 541.
- ¹³ «Acción Democrática. Doctrina y Programa». Caracas, 1962, с. 134.
- ¹⁴ Э. С. Дабагян. Национал-реформизм в современной Венесуэле. М., 1972, с. 92.
- ¹⁵ См.: А. А. Матлина. Критика концепции «мирной регулируемой революции» для Латинской Америки. М., 1971.
- ¹⁶ C. Furtado. Dialética do desenvolvimento. Rio de Janeiro, 1964; O. Sunkel. El Fracaso de las políticas de estabilización en el contexto del proceso de desarrollo latinoamericano.—«El trimestre económico». № 3, 1963; A. Pinto. Chile: un caso de desarrollo frustrado. Santiago, 1959; J. Chonchol. El desarrollo de América Latina y la reforma agraria. Santiago, 1964.
- ¹⁷ C. Furtado. Political Obstacles to the Economic Development of Brazil; A. Pinto. Political Aspects of Economic Development in Latin America.—Obstacles to Change in Latin America. L.—N. Y., 1965; O. Sunkel. El Marco histórico del proceso de desarrollo y de subdesarrollo. Santiago, 1967.
- ¹⁸ A. Herrera. Ciencia y política en América Latina. México, 1976; J. Leite Lopes. La Ciencia y el dilema de América Latina: dependencia o liberación. Buenos Aires, 1975; N. García. Dependencia tecnológica.—«Polémica». Carabobo, Oct.—Nov. 1977.
- ¹⁹ R. E. Scott. Latin American Parties and Political Decision Making.—Political Parties and Political Development. Princeton, 1966, с. 7.
- ²⁰ I. Vallier. Roman Catholicism and Social Change in Latin America: from Church to Sect. «CIF Reports», 1964. № 3.
- ²¹ W. Moore, A. Feldman (eds). Labour Commitment and Social Change in Developing Areas. N. Y., 1960; M. Tumin, A. Feldman. Social Class and Social Change in Puerto Rico. Princeton, 1961.
- ²² См., например, G. Germani. Democratie representative et classes populaires en Amérique Latine.—«Sociologie du Travail». October—December 1961.
- ²³ Там же, с. 94.
- ²⁴ W. Moore. Social Change. Englewood Cliffs. 1963, с. 81—82.

- ²⁵ W. Moore. But Some are More Equal than Others.— «American Sociological Review». 1963, № 28, с. 14.
- ²⁶ W. Moore. Social Change, с. 84.
- ²⁷ F. H. Cardoso. El Empresario industrial en América Latina: Brasil. Mar del Plata, 1963.
- ²⁸ F. Tannenbaum. Mexico: the Struggle for Peace and Bread. N. Y., 1964; F. Brandenburg. The Making of Modern Mexico. N. Y., 1967; «El perfil de México en 1980». México, 1970.
- ²⁹ T. Draper. Castroism. Theory and Practice.— «Trans-Action». N. Y., 1967, № 10, с. 129.
- ³⁰ Ф. Кастро. Речи и выступления. 1961—1963. М., 1963, с. 460.
- ³¹ S. Lipset. Political Cleavages.— Developed and Emerging Politics. N. Y., 1971, с. 8.
- ³² J. Karlik. The Long-range Potential of Latin America. A Year 2000 Ideology. Part I. N. Y., 1967.
- ³³ «Hudson Institute. Discussion Paper». November 1967, с. 3.
- ³⁴ J. Karlik. The Long-range Potential of Latin America. Part I, с. 67.
- ³⁵ См.: Коммунистические партии Латинской Америки в борьбе за единство антиимпериалистических сил. М., 1976, с. 312—313.
- ³⁶ C. Mendez. Change and Frustration in Latin America. N. Y., 1972, с. 6.
- ³⁷ Там же, с. 18—24.
- ³⁸ «El Mercurio», 6.X.1976.
- ³⁹ «The Financial Times», 26.XI.1976.
- ⁴⁰ The Rise and Fall of Project Camelot. Studies in the Relationship between Social Science and Practical Politics. Cambridge—London, 1967; A. F. Benitez. «Marginalidad»: un caso de espionaje sociológico.— «Granma». 19.II.1973.
- ⁴¹ D. Ribeiro. Universities and Social Development.— Elites in Latin America. N. Y.—L., 1967.
- ⁴² F. Bonilla, J. Cotler, H. Silva Michelena. La Investigación sociológica y la formulación de políticas. Caracas, 1967, с. 18.
- ⁴³ A. Gunder Frank. Capitalismo y subdesarrollo en América Latina. La Habana, 1970; A. Gunder Frank. Lumpenburguesia: lumpendesarrollo. México, 1971; R. Debray. Revolución en la revolución? La Habana, 1967; R. Debray. The Chilean Revolution. Conversations with Allende. N. Y., 1971; R. Debray. La Critique des armes. P., 1974.
- ⁴⁴ R. Stavenhagen. 7 theses erronees sur l'Amérique Latine.— «Partisans». 1966, № 26—27, с. 4.
- ⁴⁵ Б. И. Коваль, С. И. Семенов, А. Ф. Шульговский. Революционные процессы в Латинской Америке. М., 1974, с. 288.
- ⁴⁶ I съезд Коммунистической партии Кубы, М., 1976, с. 32.
- ⁴⁷ См.: «Punto Final» (Santiago de Chile). 1971, № 126; R. Debray. The Chilean Revolution. Conversations with Allende. N. Y., 1971.
- ⁴⁸ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 30.
- ⁴⁹ См.: А. Ф. Шульговский. Идеологические и теоретические аспекты революционного процесса в Перу.— «Латинская Америка». 1975, № 4.
- ⁵⁰ Цит. по: «Granma», 16.VI.1975.
- ⁵¹ O. Fals Borda. El Hombre y la tierra en Boyaca. Bogota, 1957; G. Guzman Campos, O. Fals Borda, E. Umaña Luna. La Violencia en Colombia. Vol. I—II. Bogota, 1963—1964.
- ⁵² O. Fals Borda. Subversión y Cambio Social. Bogota, 1968; O. Fals Borda. Las Revoluciones inconclusas en América Latina (1809—1968). México, 1970.
- ⁵³ O. Fals Borda. Las Revoluciones inconclusas en América Latina (1809—1968), с. 78.
- ⁵⁴ O. Fals Borda. Subversion and development: the Case of Latin America. Geneva, 1970, с. 12.
- ⁵⁵ Там же, с. 8, 16.
- ⁵⁶ T. Dos Santos, T. Vasconi, M. Kaplan, H. Jaguaribe. La

- Crisis del desarrollismo y la nueva dependencia. Lima, 1969; S. Bagú, F. Cardoso, A. Córdova, T. Dos Santos, H. Silva Michelena. Problemas del Subdesarrollo Latinoamericano. México, 1975; T. Dos Santos. Dependencia y cambio social. Caracas, 1977.
- ⁵⁷ T. Petkoff. Proceso a la izquierda. Barcelona, 1976.
- ⁵⁸ Fernando H. Cardoso. La Contribución de Marx à la théorie du Changement Social. P., 1968, c. 3.
- ⁵⁹ Там же, с. 7.
- ⁶⁰ Там же, с. 4. Подробнее см.: F. Cardoso y E. Faletto. Dependencia e desenvolvimento na America Latina. Ensaio de interpretação Sociologica. Rio de Janeiro, 1970.
- ⁶¹ F. Bonilla, J. Cotler, H. Silva Michelena. La Investigación sociológica y la formulación de Políticas. Caracas, 1967, c. 20.
- ⁶² O. Fals Borda. Ciencia Propia y Colonialismo Intelectual. México. 1970, c. 19.
- ⁶³ O. Varsavsky. Ciencia, política y cientificismo. Buenos Aires, 1969.

Заключение

¹ Борьба идей в современном мире. Т. 3. М., 1978, с. 18.

² Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 6. М., 1978, с. 590—591.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	3
<i>I. Азия: проблемы революции и революционного движения в оценке буржуазных ученых</i>	12
Буржуазные авторы о предпосылках и условиях возникновения революций	13
О роли крестьянства в революции	20
Оценка тактики и организации революционного движения	28
Рецепты национал-либералов и программы модернизации	30
Баррингтон Мур и его теория революционных войн	34
<i>II. Африка: критический анализ немарксистских концепций революции</i>	40
Буржуазные авторы о характере социально-политических преобразований в африканских странах	41
Буржуазная историография о роли буржуазии, пролетариата и крестьянства в африканской революции	47
Военные — новая революционная сила в Африке?	51
Проблема «мирных» и «немирных» форм борьбы	54
Буржуазный реформизм и африканские идеологи	56
<i>III. Латинская Америка: революционный процесс и его отражение в буржуазной и мелкобуржуазной социальной теории</i>	64
Национал-реформизм и теория «демократической революции»	67
«Интегральная революция» — модель проимпериалистического реформизма	74
«Консервативная революция» в новом варианте	80
«Революция в революции»?	85
<i>Революционные процессы в развивающихся странах и актуальные проблемы идеологической борьбы (Заключение)</i>	97
Примечания	103

*Анатолий Эммануилович Азарх,
Дина Борисовна Мальшева,
Алексей Викторович Шестопал*

**КОНЦЕПЦИИ РЕВОЛЮЦИИ
В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ
(КРИТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ)**

*Утверждено к печати
Институтом мировой экономики и
международных отношений
Академии наук СССР*

*Редактор Л. А. Рощина
Младший редактор Е. А. Варшавская
Художник Г. Г. Крутинский
Художественный редактор Б. Л. Резников
Технический редактор В. П. Стуковнина
Корректор Л. Ф. Орлова*

ИБ № 13480

Сдано в набор 15/XI 1978 г. Подписано к печати 29/III 1979 г. А-02770. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. № 1. Печ. л. 7. Уч.-изд. л. 7,57. Тираж 2750 экз. Изд. № 4502. Зак. № 775. Цена 75 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

ВЫИДУТ:

Гузеватый Я. Н. Демографо-экономические проблемы Азии. 16 л.

Славный Б. И. Проблема занятости в развивающихся странах. 12 л.

Смиренская Ж. Д. Крестьянство в странах Азии: общественное сознание и общественная борьба: (Опыт сравнительно-регионального исследования). 10 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117192. Москва. Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга—почтой») «Академкнига».

